

КНИГА ВТОРАЯ.

Опыты новаго воспитанія.

ГЛАВА X.

Два поколѣнія.

Въ первой части этой книги мы старались въ самыхъ общихъ чертахъ изложить свои взгляды на духъ воспитанія. Кто захочетъ извлечь изъ этой книги непосредственную пользу для своей практической воспитательной задачи, не найдетъ здѣсь практическихъ указаній. Въ особенности матери, которыя приходятъ въ ужасъ отъ шалостей, или другихъ ужасныхъ чертъ характера своихъ дѣтей, захотятъ найти въ этой книгѣ указанія, какими средствами онѣ должны бороться съ ними: онѣ захотятъ пользоваться этой книгой какъ педагогическимъ руководствомъ, приблизительно такъ, какъ онѣ, при легкихъ болѣзняхъ своихъ дѣтей, ищутъ указаніе для леченія въ какомъ-нибудь „Домашнемъ врачѣ“. Изъ первой части всякій человѣкъ, который разумно продумываетъ и развиваетъ дальше чужія мысли, могъ самъ вынести правильное примѣненіе для каждаго отдѣльнаго случая. Но я не хочу обмануть ожиданій, а хочу собрать воедино весь тотъ опытъ и заключенія, которые мнѣ дало общеніе съ юношествомъ вообще, а раньше всего съ моими собственными дѣтьми.

Самое важное и имѣющее опять таки общее значеніе — это правильное знаніе отношеній, существующихъ между старшимъ воспитывающимъ и младшимъ воспитываемымъ поколѣніемъ. Какъ относится ребенокъ къ своему взрослому воспитателю? Каковы взаимоотношенія и какими они должны быть? Не надо также думать, что и для этого традиція или ученая теорія создали годныя наставленія и вѣрную практику. Что обозначаетъ постоянное измѣненіе воспитательныхъ принциповъ, какъ не признаніе, что и отношенія между поколѣніями тоже подвергаются перемѣнамъ, что и здѣсь еще не найдены общія для всѣхъ формы и нормы жизни? Мы должны только пробѣжать мысленно различныя ступени развитія воспитанія въ продолженіи хотя-бы одного столѣтія, чтобы установить самые острые контрасты. Воспитаніе нашихъ дѣдовъ было тираническимъ. Самой высшей мудростью считается завѣтъ „повиноваться приказанію“. Ребенокъ долженъ былъ

быть безвольнымъ и находить все свое счастье въ добровольномъ или вынужденномъ подчиненіи родительской волѣ. Съ тѣхъ поръ каждое слѣдующее поколѣніе смягчало суровость воспитанія, и мы, наконецъ, дошли до воспитанія, которое выдвигаетъ права дѣтей по отношенію къ своимъ родителямъ, съ рѣшительностью, иногда, можетъ быть, и преувеличенной. Во всякомъ случаѣ это уже большой успѣхъ, что въ наше время можно говорить о правахъ дѣтей по отношенію къ родителямъ, не вызывая этимъ ни возмущенія, ни грубой насмѣшки. Мы должны приучить себя къ мысли, что дѣти не хуже, чѣмъ ихъ родители. Они только позже родились, только моложе, только бѣднѣе опытомъ. Это не порокъ—быть ребенкомъ, и въ особенности, это не вина. Ребенокъ не обязанъ быть равнымъ взрослому, онъ также вовсе не обязанъ быть похожимъ на взрослога. У него есть прежде всего только одна обязанность, а именно: развиваться сообразно своей природѣ, своей средѣ, а такимъ образомъ, и своему времени. Кто признаетъ за ребенкомъ это право, тотъ будетъ свободенъ отъ ошибокъ грубой навязчивости, свободенъ отъ существующей еще и въ наши дни опасности насиловать молодое поколѣніе, сдѣлать изъ него рабовъ. Наше домашнее воспитаніе, школа, церковь и государство работаютъ уже много надъ укрощеніемъ юношества. Молодежи боятся. Она можетъ стать сильнѣе, умнѣе, храбрѣе старшихъ. Но этого не должно быть. Старшіе очень хотятъ, чтобы имъ удивлялись, чтобы имъ восхищались. Они постоянно опасаются за цѣнность своего авторитета. Старшіе не хотятъ, чтобы дѣти переросли ихъ. Они хотятъ быть до конца жизни примѣромъ для дѣтей и ихъ руководителями. Они, какъ всѣ властелины, не хотятъ добровольно ничего отдать отъ своей власти. Старшіе являются необходимо консервативнымъ элементомъ. Противъ нихъ стоитъ, какъ вполне равноправный, представляемый молодежью, элементъ прогресса. У молодости есть естественное призваніе продолжать дѣло и работу жизни родителей. Но это не дѣлается такимъ образомъ, что она повторяетъ въ физическомъ, духовномъ и моральномъ отношеніи работу родителей или ведетъ ее дальше въ одинаковомъ направленіи—нѣтъ, это дѣлается такимъ образомъ, что молодежь усваиваетъ изъ жизненной работы старшаго поколѣнія то, что ей нужно для ея собственного развитія. Приведемъ опредѣленный примѣръ изъ опыта: отцы тѣхъ людей, которые нынѣ представляютъ собой консервативный элементъ въ Пруссіи и въ Германіи вообще, были революціонерами. Они требовали отъ своихъ сыновей, чтобы тѣ переняли отъ нихъ и продолжали борьбу съ реакціоннымъ правительствомъ. Но сыновья, покоренные личностью и дѣлами Бисмарка, не стали даже революціонными консерваторами. Это повело въ многочисленныхъ семьяхъ

къ самымъ тяжелымъ семейнымъ конфликтамъ. То же самое будетъ постоянно повторяться и постоянно принимать такую же враждебную и некрасивую форму, пока намъ не удастся привести къ побѣдѣ нашу мысль о правѣ молодости на свое собственное развитіе.

Молодость, само собой разумѣется, будетъ всегда служить тѣмъ вождямъ которые общаются ей будущее. Потому что молодость живетъ и работаетъ для наступающихъ временъ. Старики работаютъ для своихъ воспоминаній, для сохраненія того, къ чему они когда-то стремились, а затѣмъ завоевали. Но развитіе человѣчества не идетъ по прямой линіи. Дѣло не происходитъ такимъ образомъ, что сынъ продолжаетъ работу съ того мѣста, на которомъ она выпала изъ рукъ отца.

Можно было-бы избѣжать безчисленныхъ конфликтовъ въ школѣ и дома, еслибы старшее поколѣніе было скромнѣе и больше вѣрило-бы въ жизнь и въ будущее. Вѣдь это смѣшной фактъ, что многіе люди живутъ иллюзіей, что міръ достигъ совершенства въ тѣ прекрасные годы, когда они сами достигли того, что греки называли вершиной жизни. Тогда, когда отцу было 40 лѣтъ, онъ думалъ, что существовала настоящая вѣра, что въ тѣ времена было правильное политическое міровоззрѣніе, что тогда искусство стояло на высотѣ. Такихъ актеровъ, такихъ художниковъ уже никогда больше не будетъ. Съ тѣхъ поръ все клонится къ упадку и сыновья не умѣютъ использовать столѣтняго опыта, всегда заблуждаются, всегда ослѣплены, всегда на пути къ гибели. Уже въ греческой комедіи предметомъ насмѣшекъ является шумливый старикъ, который претендуетъ на непогрѣшимую мудрость, а не жизнерадостный, а по мнѣ, также и легкомысленный юноша. Когда-же наконецъ старики дѣйствительно станутъ мудрыми, т. е. научатся понимать жизнь и перестанутъ играть роль Провидѣнія? Въ теоріи каждый находитъ, что я правъ. Но у себя въ каждомъ отдѣльномъ практическомъ случаѣ по отношенію къ своему сыну, все это остается для него только модной болтовней, съ которой онъ не станетъ считаться. Потому что на одной сторонѣ стоитъ отецъ съ богатымъ жизненнымъ опытомъ и съ любящимъ сердцемъ, а на другой сторонѣ упрямый Ваня, который не даетъ собой руководить и не желаетъ слушать совѣтовъ.

„Я, конечно“—такъ говоритъ каждый отецъ—„снисходителенъ и сторонникъ современной гуманной педагогики; но этого я-же не могу допустить, чтобы такой глупый мальчикъ жилъ своей собственной головой наперекоръ волѣ и мнѣнію отца. Мы, конечно, предоставляемъ ему всевозможную свободу и снисходительны до крайности, но за это мы имѣемъ также право требовать уступчивости въ тѣхъ скромныхъ требованіяхъ, которыя ставимъ мы ему для его-же

собственной поэзы". Кто не знает этого тона? Кто из нас — отцовъ и воспитателей — самъ зачастую не впадалъ въ него? Мы находимъ всѣ его оттѣнки на сценѣ; но мы находимъ тамъ также, что поэты, какъ лучшіе знатоки жизни, справедливо относятся къ поколѣніямъ. — Они воздерживаются, конечно, отъ того, чтобы находить консервативный духъ всегда здоровымъ, а духъ молодости и прогресса — всегда неправильнымъ или порочнымъ. Не стоитъ-ли также хоръ на сторонѣ молодости? И развѣ молодость не является носителемъ высшей цивилизаціи и высшаго права? И кто прослѣдитъ эти вопросы во всей литературѣ, тотъ рѣдко найдетъ въ такихъ конфликтахъ между поколѣніями симпатіи автора на сторонѣ стариковъ. Вспомнимъ короля Лира и его дочь! Вспомнимъ Филиппа Испанскаго и Донъ-Карлоса! Вспомнимъ Октавія Пикколомини и Макса. Заключительныя слова послѣдняго: „Я не понимаю больше міра“ — это жалоба многихъ отцовъ, которые не сумѣли стать опять молодыми со своими дѣтьми. Это также жалоба нашихъ казенныхъ педагоговъ-чиновниковъ, которые хотятъ непремѣнно заставить жить отжившую школьную систему и способъ обученія, и считаютъ непослушаніемъ и распушенностью естественное отвращеніе молодости къ мертвому и умирающему. Тамъ, гдѣ старшіе проводятъ систематически такія требованія, тамъ конфликты существуютъ хронически въ скрытомъ состояніи, и достаточно иногда малѣйшаго толчка, чтобы прорвалось въ ужасающемъ объемѣ недовольство и озлобленіе. Тогда мы слышимъ жалобы взрослыхъ, что истинный идеализмъ исчезаетъ — истинный идеализмъ — это, конечно, идеализмъ отцовъ — затѣмъ идутъ жалобы на грубость, отсутствіе жалости, неуваженіе и заблужденія молодежи, которая отвергаетъ любящую поддержку и руководство, и разрушаетъ все, что достойно уваженія. Юность возмущается именно тѣмъ, чему старики придаютъ такое значеніе, между тѣмъ какъ здѣсь именно они должны были-бы уступать и считаться съ молодостью. Въ другихъ областяхъ пусть старики поступаютъ и разсуждаютъ по своему, но здѣсь молодежь хочетъ и должна хотѣть иного. Въ этомъ именно лежитъ центръ тяжести и объектъ спора. Старики не видятъ, какъ тяжело страдаетъ молодежь отъ ихъ идеализма; они не понимаютъ, что еслибы молодость жила идеалами старости, то она сама-бы себя отрицала, сама-бы себя уничтожила. Это значило бы просто собственными руками обезглавить себя. Но воспитатели всегда переносятъ центръ тяжести въ другую плоскость. Юношѣ даютъ права, которыя не имѣютъ для него никакой цѣнности, и лишаютъ его правъ самыхъ существенныхъ для него. — Гимназистъ долженъ, конечно, немножко заниматься біологіей, имѣть право заниматься физическими упражненіями и спортомъ. Ему позволяютъ

также курить въ присутствіи взрослыхъ; онъ имѣетъ право заходить въ кондитерскую, не боясь быть наказаннымъ за это—это не безконечно гуманно, къ этому относятся съ благоволеніемъ—но именно это благоволеніе такъ ненавистно и опасно для молодежи.—Молодость не хочетъ быть опекаемой, она не хочетъ жить чужими милостями, она хочетъ—продолжая нашъ примѣръ—уничтоженія гимназіи, потому-что тамъ она не видитъ возможности достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей, своихъ идеаловъ. Это то-же самое, какъ хотятъ конфеткой успокоить плачущаго ребенка, который рвется на воздухъ. Если ребенокъ утѣшается этимъ, то это доказываетъ, что его желаніе было не достаточно сильное и, если его долго такъ водятъ на помочахъ и вытравливаютъ изъ него его собственныя желанія, то вся его воля калѣчится, и никогда онъ не станетъ цѣльнымъ человѣкомъ съ сильными инстинктами и здоровой индивидуальностью.

Насъ, модернистовъ, упрекаютъ въ томъ, что мы будто-бы прославляемъ и изнѣживаемъ молодость. Я думаю, что этотъ упрекъ относится также ко мнѣ. Но я отвергаю его. Мы гораздо больше изнѣживаемъ молодежь, когда отучаемъ ее хотѣть, желать чего-нибудь—т. е. отъ проявленія своей воли. Этимъ мы надолго привязываемъ ее къ фартуку матери, къ указаніямъ господина старшаго учителя. Этимъ путемъ создается то, отъ чего мы такъ сильно страдаемъ въ Германіи, а именно: самодовольство канцелярскихъ чиновниковъ и униженность подданныхъ. Мы должны призывать молодежь къ борьбѣ, къ борьбѣ даже противъ насъ самихъ. Мы апеллируемъ къ ея силѣ. Пусть юность дерзаетъ. Пусть она проявляетъ себя и пробивается повсюду. Она должна учиться въ одной—единственно-убѣдительной для нея школѣ—въ школѣ опыта. Если она находитъ наши увѣщанія справедливыми, тѣмъ лучше для насъ. Такимъ образомъ именно вырастаетъ настоящій авторитетъ. Авторитетъ долженъ вызывать и поощрять критику. Онъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что не боится, а только выигрываетъ, когда въ немъ сомнѣваются.

Кто такъ сильно боится уронить или потерять свой авторитетъ, тотъ этимъ однимъ уже доказываетъ слабость собственной вѣры въ себя.

Истинный авторитетъ вообще не старается, чтобы его признавали; онъ гораздо больше заботится о томъ, чтобы неразумные послѣдователи, толпа постороннихъ дѣлу людей не ослабили идеи и ея вліянія.

Кто служить молодежи безкорыстно, т. е. не считаясь съ собственной выгодой и сохраненіемъ дорогихъ ему—воспитателю—цѣнностей, тотъ обладаетъ, само-собой разумѣется, авторитетомъ. Когда нужно, солдаты идутъ за тѣмъ предводителемъ, котораго они считаютъ самымъ даль-

виднымъ, а не за тѣмъ, который командуетъ ими по долгу службы, и только на это напираетъ.

Но наши современные воспитатели работаютъ по большей части съ побочными цѣлями. Они вовсе не заботятся о томъ, чтобы молодежь росла и развивалась согласно своей природѣ и своимъ потребностямъ. Нѣтъ, они хотятъ уловить молодежь для своихъ собственныхъ идеаловъ. Это выгладить мило, благородно и безкорыстно, но это все таки ничто иное, какъ злоупотребленіе своей профессіей воспитателя. Здѣсь проявляется не личный эгоизмъ, а эгоизмъ рода, или сословія. При этомъ могутъ приноситься величайшія личныя жертвы, но это все таки несправедливость.

Всѣ эти навязанныя нашей молодежи благодѣянія, которыхъ она не считаетъ благодѣяніями, или считаетъ такими только по недоразумѣнію—вредны. Мы оказали-бы гораздо большую услугу молодежи, еслибы предоставили ей право выражать свои собственныя желанія и нужды, и вели бы дѣло воспитанія и обученія согласно этимъ желаніямъ. Это не есть слабость и уступчивость, нѣтъ, это просто то естественное и разумное, въ чемъ только и состоитъ сущность воспитанія. Потому что, что такое воспитаніе, какъ не помощь природѣ?

У насъ дѣло зашло уже такъ далеко, что, когда старшіе работаютъ, дѣйствительно считаясь съ благомъ молодежи, то это считается неумѣстной слабостью. И безразсудство дошло до того, что думаютъ, что ребенокъ, разумно воспитанный въ физическомъ и духовномъ отношеніи, т. е. согласно природѣ своей—долженъ такимъ образомъ лишиться своей силы? Какъ-будто бы не представляется тысячу разъ возможность примѣнять свою любовь противъ внѣшнихъ враговъ, но молодежь совсѣмъ не допускаютъ къ этимъ внѣшнимъ врагамъ. Здѣсь царитъ, достойная порицанія, изнѣженность. Наши юноши не должны возмущаться несправедливой строгостью родителей или учителя; они должны кланяться всѣмъ согражданамъ; они должны молча смотрѣть на всѣ несправедливости по отношенію къ людямъ и животнымъ; не должны вмѣшиваться въ споръ взрослыхъ; должны оставаться всегда нейтральными, это значить—благовоспитанными; они должны быть благонравны, спокойны, безстрастны; они не должны имѣть никакихъ убѣжденій; никакой воли и—раньше всего—не проявлять себя ни въ какихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Они должны до 40 лѣтъ повторять только мнѣнія старшихъ; они не должны имѣть собственныхъ мнѣній—и тогда они не будутъ доставлять непріятностей ни церкви, ни государству, ни обществу. Это я называю воспитывать въ юношахъ изнѣженность и трусость. И это мы получаемъ при воспитательной практикѣ, господствующей еще и теперь дома и въ школѣ. Обезоруженная такимъ

воспитаніемъ молодежь утопаетъ въ массѣ людей, слѣпо вѣрующихъ, безстрастно послушныхъ законамъ государства, повинующихся безъ разсужденій всякой модѣ и дурнымъ социальнымъ обычаямъ. Наша, такимъ путемъ воспитанная, и будто-бы въ строгости воспитанная молодежь, слѣпо подчиняется уже въ теченіи столѣтій обычаю пить и драться на студенческой дуэли, всему противному филистерскому духу студенчества—и молодые люди становятся такимъ образомъ тупоумными филистерами. Гдѣ-же, можемъ мы, реформаторы, смѣло спросить—гдѣ-же твердые, сильные волей характеры, которые вышли изъ вашей школы? Почему теперь въ нашемъ 60-милліонномъ народѣ такой печальный недостатокъ въ людяхъ съ ясной и сильной волей, готовыхъ къ радостной работѣ? Почему такой болѣзненный недостатокъ въ истинныхъ идеалистахъ, которые для своихъ убѣжденій жертвуютъ собственными силами и счастьемъ? Мы, реформаторы воспитанія, мы хотимъ, послѣ того какъ всѣ такъ скверно хозяйничали со старымъ, строгимъ методомъ воспитанія—создать новыя отношенія между поколѣніями, отношенія, которыя основаны на взаимномъ пониманіи и взаимной помощи.

Здѣсь мнѣ кажется умѣстнымъ поговорить о своемъ собственномъ опытѣ. Я воспитываю своихъ дѣтей по этимъ принципамъ и до сихъ поръ еще никогда не имѣлъ повода раскаиваться въ этомъ. Государственная школа также признаетъ поведеніе и успѣхи моихъ дѣтей образцовыми. И этого я достигъ безъ всякихъ принужденій, безъ брани, наказаній, конечно, также безъ тѣлесныхъ наказаній. Я добился этого результата единственно съ помощью убѣжденій и силой примѣра. Нечего бояться, что молодежь не будетъ намъ благодарна за такое преданное и благоразумное отношеніе къ ней. Ожидать отъ молодежи за это неблагодарности и непослушанія—это значитъ сомнѣваться, или совсѣмъ потерять вѣру въ человѣчество вообще. Конечно, можно часто услышать отъ людей, потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, что этому виной снисходительность ихъ родителей. Очень удобное средство—снять вину съ себя. Другіе наоборотъ, упрекаютъ своихъ родителей въ слишкомъ большой строгости и думаютъ, что это послужило причиной ихъ гибели. Мы не можемъ признать ни одного изъ этихъ аргументовъ. Есть неудачные сыновья въ строгихъ и въ снисходительныхъ семьяхъ. Въ обоихъ случаяхъ вина можетъ быть на сторонѣ родителей, на сторонѣ дѣтей—на той и другой вмѣстѣ, наконецъ здѣсь нельзя установить общихъ правилъ. Если-бы возможна была статистика въ этой области, то она, вѣроятно, показала-бы, что изъ строгихъ семей выходитъ больше неудачныхъ сыновей. Благодаря излишней строгости, въ семьяхъ возникаютъ конфликты; въ конфликтахъ разго-

раются страсти, даромъ тратятся силы, разрывается взаимная связь, любовь, духъ семьи, общія радостныя воспоминанія, — результатъ—распущенность. Когда молодой человѣкъ живетъ въ настоящемъ духовномъ общеніи со всей своей семьей,—то этимъ онъ гораздо лучше защищенъ отъ разныхъ соблазновъ, чѣмъ когда его отдаютъ подъ начало какого-нибудь строгаго воспитателя. Вѣдь очень долго мы все таки не можемъ охранять молодежь. И вѣдь добродѣтель, которая постоянно нуждается въ томъ, чтобы ее охраняли, не заслуживаетъ названія добродѣтели. Вѣдь долженъ-же наконецъ наступить день и часъ, когда эта охрана кончается, и тогда наступаетъ кризисъ. Теперь является рѣшающій вопросъ, считалъ-ли питомецъ прежнее воспитаніе благодѣяніемъ и теперь идетъ дальше къ собственному здоровому желанію, или онъ, какъ, освободившійся изъ тюрьмы арестантъ воспользуется полученной свободой для того, чтобы выбросить и растоптать все то, что ему до сихъ поръ навязывалось, какъ благодѣтельное воспитаніе. Наше воспитаніе, исходящее изъ равенства поколѣній и справедливыхъ взаимныхъ желаній, надѣется избѣгать конфликтовъ и способствовать мирному развитію силъ, которыя затѣмъ окажутся дѣйствительно примѣнимыми и полезными въ жизни на свободно избранныхъ, жизненныхъ путяхъ.

ГЛАВА XI.

Какъ избѣжать конфликтовъ.

Пока дѣти подчиняются совершенно волѣ родителей, все кажется обстоящимъ въ лучшемъ порядкѣ. Но это только кажется. При этомъ родителями могутъ ставиться, а дѣтьми исполняться многія неразумныя и ложныя требованія. Но, когда при воспитаніи не возникаетъ конфликтовъ, родители думаютъ, что они на правильномъ пути. Воспитаніе только тогда становится для нихъ проблемой, когда они, при своихъ требованіяхъ, наталкиваются на сопротивленіе со стороны дѣтей.

Обыкновенно дѣти беззащитны въ такихъ случаяхъ. Одного недовольства родителей достаточно, чтобы упрекнуть ребенка въ отсутствіи любви и дурномъ поведеніи. Предполагается такимъ образомъ, что родители правы всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ. Странно, что мы здѣсь вполнѣ довѣряемъ разуму взрослыхъ, между тѣмъ какъ вѣдь обыкновенно, когда дѣло касается напр. нашего сосѣда, одинаковаго съ нами возраста, мы весьма мало склонны находить его во всѣхъ отношеніяхъ разумнымъ и добродѣтельнымъ.

Мы всё вообще очень критически относимся къ разуму нашихъ близкихъ и ничуть не воздерживаемся отъ порицанія ихъ. Мы убѣждены, что въ школѣ, церкви и семьѣ совершается много грубыхъ ошибокъ въ области воспитанія. Но когда дѣти говорятъ объ этомъ, или противъ этого, старшее поколѣніе чувствуетъ себя сейчасъ-же солидарнымъ, и готово къ рѣзкому отпору.

Какъ-бы дѣти сильно не страдали отъ различныхъ поступковъ взрослыхъ, они ни смѣютъ ихъ критиковать: это считается вообще и во всякомъ отдѣльномъ случаѣ непозволительной, неслыханной дерзостью. Мы считаемъ во всякомъ случаѣ своей обязанностью заткнуть имъ ротъ и разъ навсегда внушить имъ, что дѣтямъ не подходитъ критиковать поступки взрослыхъ.

Это правило можно было-бы допустить, еслибы эти мѣропріятія или поступки дѣйствительно ни въ какой степени не касались дѣтей. Но когда дѣти сами являются объектомъ этихъ мѣропріятій, то можно было бы думать, что они должны имѣть также право сказать, какъ они себя при этомъ чувствуютъ. Артуръ Бонусъ сказалъ однажды совершенно вѣрно: „Когда мы 12 лѣтъ терпимъ въ школѣ дурное обращеніе, только тогда мы становимся компетентны въ вопросѣ, чувствовали-ли мы или нѣтъ это дурное обращеніе“. Если слишкомъ строгіе родители относятся съ малыхъ лѣтъ съ нелюбовью, или жестоко наказываютъ ребенка за его дѣйствительные или мнимые проступки, то я никоимъ образомъ не могу понять, почему онъ не имѣетъ права жаловаться на это.

Когда этотъ ребенокъ станетъ взрослымъ человѣкомъ и будетъ рассказывать о своемъ мрачномъ дѣтствѣ, всякій найдетъ, что онъ имѣетъ полное право это дѣлать.

Читая въ бібліографіяхъ знаменитыхъ людей эти жалобы на то, что въ дѣтствѣ никто не считался съ ихъ склонностями и желаніями, что имъ навязывали духовную пищу, которая была имъ не по душѣ, что ихъ заставляли идти по жизненнымъ путямъ, которые были противны ихъ натурѣ—мы всё возмущаемся неразумностью и жестокостью ихъ воспитателей. Жаль только, что наше возмущеніе является слишкомъ поздно. Намъ слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, вывести изъ такихъ біографій заключеніе, что намъ самимъ нужно постараться избѣгать подобныхъ промаховъ при воспитаніи нашихъ дѣтей.

Вмѣсто этого наши самые извѣстные педагоги и теперь еще выставляютъ общее положеніе: дѣти должны повиноваться. Я позволилъ себѣ скромный вопросъ, должны ли они повиноваться всегда и всёму; должны-ли они также повиноваться и тогда, когда отъ нихъ требуютъ чего-нибудь дурного, несправедливаго. Я напомнилъ о множествѣ случаевъ дурного обращенія съ дѣтьми, объ эксплуатаціи дѣтскихъ силъ, о

совращеніи, о духовномъ порабощеніи — о всѣхъ тѣхъ ужа-сахъ, о которыхъ намъ свидѣтельствуесть статистика и почти каждый номеръ нашихъ ежедневныхъ газетъ. Если бы родители всегда были тѣмъ, чѣмъ выставляетъ ихъ Лютеръ, т. е. замѣстителями Бога по отношенію къ дѣтямъ, и въ качествѣ таковыхъ, разумными охранителями и руководи-телями своихъ дѣтей,— тогда былъ-бы справедливъ законъ непремѣннаго и обязательнаго повиновенія. Если-бы наши школы и ихъ представители были по духу и системѣ воспи-танія выше всякихъ сомнѣній,—тогда требованіе: „учись по-виноваться“—было бы обязательно для всѣхъ. До сихъ поръ всякое новое поколѣніе презрительно отзывалось о воспи-тательной мудрости предшествовавшаго. Чиновные педагоги нашихъ дней насмѣхаются надъ Руссо и надъ филантропами. Но сами они уже стоятъ подъ перекрестнымъ огнемъ очень силь-ной и оживленной критики, и число мужчинъ и женщинъ, признающихъ господствующее у насъ школьное воспитаніе образцовымъ, сильно падаетъ.

Если-бы могли изслѣдовать тѣ безчисленные случаи конфликтовъ, которые произошли въ семьѣ и школѣ вте-ченіи послѣдняго столѣтія, то мы несомнѣнно нашли-бы при безпристрастномъ разборѣ, что вина такъ-же часто была на сторонѣ воспитателей или родителей, какъ и на сторонѣ дѣтей. Я еще разъ напоминаю, что въ первой половинѣ прош-лаго столѣтія отъ гимназистовъ требовалась ежедневная обязательная умственная работа, которая означала 11-ти часо-вой формальный рабочій день. Каждое противорѣчіе юнаго гимназиста, каждое неисполненіе требуемой задачи,—считалось виной, и безчисленны были тѣ случаи, когда ученики тер-пѣли выговоры и наказанія и дома, и въ школѣ за неуспѣш-ность. Въ наше время каждый воспитатель и каждый врачъ признаетъ, что эти требованія были преувеличены, а потому и несправедливы; ученики терпѣли, значитъ, несправедли-вости. Увѣрены-ли мы, что тѣ требованія, которыя мы те-перь предъявляемъ юношеству, во всѣхъ отношеніяхъ спра-ведливы? У меня есть убѣжденіе, что мы въ наши дни дѣ-лаемъ, если не тѣ-же, то во всякомъ случаѣ, менѣе важ-ныя ошибки въ воспитаніи. Я не хочу и мнѣ не нужно при-водить ихъ здѣсь каждую въ отдѣльности, такъ какъ всѣ мои—и не только мои—сочиненія за послѣдніе годы полны одинаковыми жалобами на господствующую у насъ систему воспитанія. Но я хочу еще разъ напомнить нѣсколько при-мѣровъ.

Вся система изученія языковъ, а особенно родного языка, какъ она проводится въ наше время въ школахъ, противна природѣ, — а потому является насиліемъ надъ дѣтьми. Языкъ становится предметомъ критически-логичес-кихъ упражненій ума, что лежитъ внѣ дѣтскаго интереса, а

также и дѣтскаго пониманія. Мы отнимаемъ у ребенка его наивность и простоту въ выраженіи своихъ мыслей,—мы внушаемъ ему недоувѣріе къ собственному языку; мы мѣшаемъ его естественному духовному развитію, его жизнерадостности. Ребенокъ выносить эту несправедливость съ той трогательной беззаботностью и покорностью, на которую способны только дѣти,—до тѣхъ поръ, пока онъ въ силахъ и можетъ удовлетворять предъявляемымъ ему требованіямъ. Когда же силы его изсякаютъ и наступающая неуспѣшность въ изученіи родного языка, что уже само по себѣ стыдъ и страданіе, еще подчеркивается выговоромъ и наказаніемъ,—то ребенокъ считаетъ это большой несправедливостью по отношенію къ себѣ—и я думаю, что онъ имѣетъ на это полное основаніе.

И во всякой другой области мы несправедливы къ ребенку, когда требуемъ отъ него умственной силы или душевной работы, которой онъ не въ состояніи исполнить. Юристъ знаетъ это изъ своей практики: *ultra posse nemo obligatur*. Нельзя спрашивать ни съ кого сверхъ его силъ. Ни съ кого? Дѣтей почти постоянно заставляютъ дѣлать то, что выше ихъ силъ. Въ школѣ ставятъ требованія, сообразуясь не съ силами дѣтей, а съ учебнымъ планомъ, выработаннымъ высшей мѣстной школьной комиссіей. Мы не можемъ себѣ представить ничего возмутительнѣе зрѣлища кучера бьющаго лошадь, которая не можетъ сдвинуть съ мѣста тяжело нагруженный возъ. То же самое зрѣлище повторяется безчисленное количество разъ въ нашей школѣ. И мы не должны думать, что дѣти отъ этого меньше страдаютъ. Люди нашихъ дней, которые даютъ себѣ такъ мало труда и времени читать въ душѣ другихъ, а особенно въ душѣ дѣтей, всегда страшно удивляются или дѣлаютъ видъ, что удивляются,—когда какой-нибудь ученикъ самоубійствомъ кончаетъ свои мученія. Тогда ищутъ кругомъ причины, сваливаютъ вину справа налево и считаютъ большой мудростью, когда наконецъ приходятъ къ заключенію, что отвѣтственнымъ считается изнѣженное воспитаніе и нравственная испорченность современной молодежи. Школа, которая ничѣмъ не поступаетъ въ своихъ требованіяхъ, такъ какъ она стала у насъ самоцѣлью и совершенно разучилась служить жизни;—эта школа жалуется на нервность и на наследственную и благопріобрѣтенную слабость дѣтей. Но вмѣсто того, чтобы служить этимъ слабымъ дѣтямъ, какъ всякій разумный врачъ, вмѣсто того, чтобы помочь ихъ слабой природѣ соответственнымъ обращеніемъ съ ними, школа довольствуется тѣмъ, что устанавливаетъ фактъ. И есть убѣжденные учителя, которые признаютъ совершенно въ порядкѣ вещей, когда дѣти, не удовлетворяющія требованія школы,—просто погибаютъ. Это называется тогда биологическимъ закономъ природы,—естественнымъ подборомъ

лучшихъ и болѣе сильныхъ. Такъ какъ всѣ учителя выдержали установленные необходимые экзамены, то они считаютъ себя этими лучшими избранниками, можетъ быть даже единственными, которые имѣютъ полное право на жизнь. Когда же семья и школа, какъ принято красиво выражаться, идутъ „рука объ руку“, т. е. вмѣстѣ несправедливо относятся къ ребенку, то во всякомъ случаѣ трудно рѣшить вопросъ о винѣ; мнѣ кажется, что они смѣло могутъ подѣлить вину на равныя части между собой.

Въ тѣхъ конфликтахъ между воспитателями и дѣтьми, съ которыми мнѣ довелось познакомиться до сихъ поръ, я почти всегда находилъ вину на сторонѣ воспитателей. Я могъ-бы привести сотни примѣровъ и прошу, къ тѣмъ немногимъ, которые я приведу ниже, отнести только, какъ къ примѣрамъ.

Въ одномъ курортѣ я видѣлъ однажды, какъ одна дама оживленно бесѣдовала съ другой. Она забыла въ этой бесѣдѣ о своемъ маленькомъ, двухлѣтнемъ ребенкѣ. Ребенокъ отошелъ на нѣсколько шаговъ дальше и сталъ болтаться ручками въ находившейся тамъ плевательницѣ съ водой. Я указалъ на это матери, и что-же вышло изъ этого? Ребенка поколотили.

У одной служанки украли ночью изъ бѣльевого шкафа всѣ ея сбереженія въ нѣсколько сотъ марокъ. Сынъ хозяйки, 12-лѣтній мальчикъ, потрясенный крикомъ и плачемъ дѣвушки, подарилъ ей свою копилку. Я былъ свидѣтелемъ суроваго выговора, который онъ получилъ за это отъ отца. Это дѣло родителей, дескать, а онъ, глупый мальчикъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла, которыя его не касаются.

Мать одного юнаго гимназиста, послѣ развода со своимъ мужемъ, взяла на себя обязанность ухаживать за однимъ больнымъ знаменитымъ писателемъ. Своего-же единственнаго сына она, противъ его воли и способностей, отдала въ совсѣмъ чужую среду и въ нежелательное для него учебное заведеніе; тогда юноша убѣжалъ и этимъ заставилъ свою мать уступить. Ему удалось занять очень уважаемое положеніе.

Одна мать дала обѣтъ у постели своего больного сына посвятить его, въ случаѣ его выздоровленія, духовному званію. Ребенокъ не обнаруживалъ никакихъ способностей къ наукѣ, но мать настояла на своемъ.

Слишкомъ усиленные занятія, слишкомъ долгое сидѣніе на одномъ мѣстѣ, благодаря которымъ такое большое количество нѣмецкихъ дѣтей остаются физически неразвитыми, портятъ зрѣніе, наносятъ ущербъ ихъ жизнерадостности, естественности, способности къ наблюденію и вообще всей индивидуальной жизни—все это проводится на основаніи существующихъ культурныхъ и социальныхъ тре-

бованіи. Но не можетъ, не должно быть такихъ требованій, ради которыхъ нужно жертвовать всѣмъ, что есть лучшаго въ жизни. Безуміе создавать и развивать культуру, которую можно купить только цѣною потери здоровья и естественности жизни. Тогда она перестаетъ быть культурой; тогда это уже сверхъ-культура, которая хуже всякаго отсутствія культуры. Когда при современномъ воспитаніи получается тотъ результатъ, что большинство нѣмецкихъ юношей негодно для военной службы, такъ напр., въ Берлинѣ при послѣднемъ наборѣ только 30% явившихся оказались годными,—то это воспитаніе въ своемъ корнѣ ошибочно. И очень неправильно попрекать молодыхъ людей ихъ физической слабостью. Наоборотъ, было бы гораздо справедливѣе, еслибы молодые люди обвиняли въ этомъ своихъ воспитателей и ихъ притянули-бы къ отвѣту.—Къ сожалѣнію, наша молодежь воспитывается въ безусловномъ послушаніи и проклятой трусливости—до такой степени—что она изъ за этого забываетъ свои самые близкіе и важные жизненные интересы. Рабочіе устраиваютъ стачки изъ за слишкомъ низкой заработной платы. Почему наша молодежь не устраиваетъ стачки изъ за того, что наносится ущербъ ея здоровью, отнимается ея жизнерадостность? Въдь на эти блага она имѣетъ естественное право!? Наша образованная публика возмущается каждымъ случаемъ противорѣчія, или протеста со стороны ученика; но она слишкомъ мало думаетъ, или слишкомъ лѣнива для того, чтобы возбудить хотя бы только вопросъ, нѣтъ-ли достаточныхъ основаній для такого сопротивленія. Для взрослыхъ чрезвычайно удобно просто предписывать дѣтямъ обязанность: учитесь повиноваться! Это удобно, но очень несправедливо, когда мы не изслѣдуемъ добросовѣстно тѣхъ обязанностей, для которыхъ мы требуемъ повиновенія. Животныя, а также и дѣти необыкновенно склонны къ повиновенію. Мы убѣждаемся теперь, что даже самыхъ, казалось-бы, дикихъ звѣрей можно подходящимъ обращеніемъ приучить дѣлать все, что отъ нихъ требуется. Я утверждаю вмѣстѣ съ Фребелемъ, что ребенокъ, занятый подходящимъ для него дѣломъ, никогда не шалить. Я утверждаю изъ своего собственнаго домашняго опыта, что съ дѣтьми можно жить впродолженіи многихъ лѣтъ въ лучшемъ мирѣ и согласіи, когда только даешь себѣ трудъ относиться къ нимъ справедливо. Дѣти такъ-же охотно живутъ въ мирѣ, и при этомъ веселы и довольны, какъ и взрослые. Они такъ-же мало любятъ конфликты, какъ и мы. Они очень охотно ладятъ съ нами и предпочитаютъ все улаживать добромъ. Но и ихъ терпѣніе имѣетъ границы; хотя они гораздо терпѣливѣе и покорнѣе взрослыхъ, гораздо болѣе склонны, чѣмъ взрослые, все принимать въ шутку, т. е. и въ непріятностяхъ находить веселую сторону;—но когда ихъ такъ глу-

боко не понимаютъ, когда самое скромное проявленіе ихъ дѣтской натуры встрѣчаетъ грубое отношеніе,—то и ихъ терпѣніе истощается наконецъ. Правда, дѣти шумятъ и забываютъ въ своемъ весельи, что рядомъ находится усталый отъ службы отецъ, который нуждается въ отдыхѣ; правда, они не представляютъ себѣ, что измученная мать можетъ иногда не находить веселья въ ихъ шумѣ и крикахъ; не понимаютъ также, почему люди, живущіе подъ нами, сердятся за ихъ смѣхъ и топанье ногами; особенно дѣти не понимаютъ, зачѣмъ они въ прелестную погоду, когда ихъ всѣми силами тянетъ на воздухъ, къ солнцу, должны сидѣть надъ нежеланной, непонятной для нихъ работой, навязанной имъ чужими людьми. И во всемъ этомъ дѣти не дѣлаютъ ничего дурнаго.

Несправедливость заключается въ томъ, что за дѣтьми не признаютъ права на собственную волю, и что поэтому къ нимъ примѣняютъ совсѣмъ другую мѣрку, чѣмъ къ самимъ себѣ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Требованіе, которое мы представляемъ уже 10-лѣтнимъ мальчикамъ, чтобы они понимали необходимость изученія и любили латинскій языкъ—въ высшей степени неправильно. Когда же ученикъ неохотно занимается имъ,—то это какъ разъ вполне правильно. Мы надѣемся, что наступитъ время, когда вся система изученія языковъ, господствующая еще теперь въ нашей средней школѣ, будетъ разсматриваться, какъ остатокъ мрачныхъ средневѣковыхъ пытокъ души.

Какъ только мы станемъ предъявлять дѣтямъ разумныя требованія, исчезнутъ конфликты при воспитаніи. Въ моемъ домѣ уже и теперь не бываетъ никакихъ катастрофъ, и все не потому, что я самъ, человѣкъ со слабой волей, и съ непростительной снисходительностью, предоставляю каждому жить по своей волѣ. Нѣтъ, въ моемъ домѣ ничего не совершается помимо моей воли, ничего, на что я бы не далъ своего ясно выраженаго согласія. Мои дѣти совершенно не избалованы, не изнѣжены и не упрямы. Я имѣю на это доказательства со стороны ихъ школьнаго начальства. Оба старшихъ мальчика уже нѣсколько лѣтъ учатся въ одной средней прусской школѣ. Ихъ поведеніе, вниманіе и прилежаніе всегда отмѣчаются отмѣткой: „хорошо“, а иногда даже и лучшей. Они еще никогда не приносили домой порицанія изъ школы, за то очень часто—похвалу. Ихъ еще никогда не наказывали въ школѣ, но и дома ихъ тоже еще никогда не наказывали. У меня въ домѣ, кромѣ серьезныхъ объясненій,—наказанія, которыя я допускаю—нѣтъ ничего изъ того арсенала наказаній, которыя я нахожу въ употребленіи въ другихъ семьяхъ. Я не ставлю въ уголь, не лишаю пищи, не угрожаю и не пугаю чернымъ дядей, полицейскимъ или

старшимъ учителемъ; я не отказываю дѣтямъ въ ихъ справедливыхъ дѣтскихъ удовольствіяхъ. Конечно, я никогда не бью своихъ дѣтей, не сержусь на нихъ долго, а напротивъ послѣ неизбѣжныхъ иногда у живого человѣка вспышекъ гнѣва или неудовольствія, становлюсь съ ними нѣженъ по прежнему. Не заведены у меня также извиненія, и просьбы о прощеніи. Всякій моральный спектакль, всякая проповѣдь добродѣтелей мнѣ отвратительны. И если-бы я когда-нибудь вздумалъ сдѣлать что-нибудь подобное, то мои дѣти съ удивленіемъ посмотрѣли бы на меня и спросили меня отецъ, что это съ тобой? Я ничего не имѣлъ противъ, когда мой самый младшій сынъ зачастую торжественно заявлялъ, что самый глупый человѣкъ въ домѣ это—отецъ; я также не допускалъ, чтобы старшіе рѣзко возмущались этимъ и требовали настойчиво отъ маленькаго объясненія его словъ. На ихъ вопросы, почему я позволяю малышу такія дерзости, я могъ смѣло отвѣтить имъ: потому что то же самое я позволялъ и вамъ въ свое время. Мой маленькій, конечно, по мнѣнію всѣхъ тетокъ, не воспитанъ, а я именно поэтому въ восхищеніи отъ него. Онъ еще во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ правдивъ, а такъ какъ я правду считаю наивысшей добродѣтелью и всѣ недостатки нашего времени вывожу изъ царящей теперь неправды,—то мнѣ очень важно, чтобы присущій ему прекрасный инстинктъ правдивости сохранился въ немъ нетронутымъ. Одна хорошая наша знакомая, очень милая дама, чтобы скрыть свое восхищеніе дѣйствительно большою красотой моего второго сына, которому тогда было около 6 лѣтъ, нѣсколько разъ сказала ему: „ты, дѣйствительно слишкомъ ужъ некрасивъ; я все время смотрю на тебя, такого некрасиваго ребенка я уже давно не видѣла“. Онъ спокойно выслушалъ это заявленіе нѣсколько разъ, затѣмъ у него лопнуло терпѣніе, и онъ сказалъ очень рѣшительнымъ тономъ: „нѣтъ, тетя, я не такъ некрасивъ; но ты некрасива, твое лицо все въ морщинахъ, а, если ты этому не вѣришь, то я принесу тебѣ зеркало“. Неправда-ли, любезный читатель, возмутительно невоспитанно? Что слѣдуетъ за это? конечно, порядочная порція колотушекъ. Вы такъ думаете, почтеннѣйшій? А я въ этомъ случаѣ молчалъ и вообще держалъ себя пассивно.

Съ дѣтьми совершенно не считаютъ нужнымъ считаться, но за то внушаютъ имъ черезмѣрно, что они всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, должны считаться со взрослыми.

Само собой разумѣется, что и я требую послушанія и повиновенія отъ своихъ дѣтей. Но я не охотно называю это повиновеніемъ, такъ какъ у меня съ моими дѣтьми существуютъ такія хорошія дружескія отношенія, что вопросы рѣшаются не повиновеніемъ, а по доброму взаимному уговору и согласію. Какъ извѣстно, дѣти очень неохотно уходятъ спать,

когда въ домѣ гости, бесѣда которыхъ и вообще оживленіе приводятъ ихъ въ радостное и возбужденное состояніе. Когда однажды въ подобномъ случаѣ, мои гости стали отпускать разныя критическія замѣчанія по поводу моей педагогической системы, я рѣшилъ сейчасъ-же испробовать свои силы въ области воспитанія на моемъ шестилѣтнемъ сынкѣ. Ребенокъ былъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи; вниманіе всего общества было направлено на него; онъ выкидывалъ разныя шутки, которыя вызывали все общее веселье—и былъ поставленъ вопросъ, смогу-ли я его по срединѣ этого веселья увести спать безъ сопротивленія и слезъ. Существовало очевидное намѣреніе устроить мнѣ педагогическое пораженіе. Но я лучше зналъ моего Фрида. Я позвалъ къ себѣ ребенка, посадилъ его на колѣни и шепнулъ ему на ухо, что теперь онъ долженъ идти спать. На это онъ отвѣтилъ мнѣ очень рѣшительно: „Но я не хочу“. А я ему: „Но я хочу“. И онъ въ отвѣтъ: „Да, если ты этого хочешь, то это, конечно, всеѣмъ другое дѣло!“ За этими словами послѣдовалъ, вопреки всякой педагогикѣ, всеобщій смѣхъ. И, конечно, эффектъ. Я еще разъ повторилъ ему очень мягко свои слова, тогда онъ уступилъ и молча, безъ всякаго сопротивленія, вышелъ изъ комнаты. Я, дѣйствительно, былъ гордъ своимъ успѣхомъ, который поразилъ также все общество. Но какъ тонко и осторожно нужно обращаться съ подобными вещами и какъ легко дѣлаются ошибки, это мы сейчасъ-же увидѣли, по этому-же самому поводу. Одна дама позвала мальчика обратно и преложила ему проститься со всеми присутствующими. Это, конечно, была ошибка. Этимъ опять пробуждалось желаніе вернуться къ обществу, и прощаніе съ каждымъ гостемъ въ отдѣльности вызвало-бы новое промедленіе и создало-бы новыя затрудненія. Послѣ такой побѣды, которую мальчикъ только что одержалъ надъ самимъ собой, его нужно было совершенно оставить въ покоѣ. Я не позволилъ поэтому, чтобы ребенокъ, изъ-за совершенно лишней въ данномъ случаѣ пустой формальности, еще разъ вошелъ въ залу. Но я самъ пошелъ потомъ къ нему, подошелъ къ кроваткѣ, и сказалъ ему, какъ я счастливъ, что онъ такъ мило велъ себя.

Подобнымъ образомъ я въ безчисленныхъ случаяхъ добивался того, что дѣти побѣждали свое желаніе и подчинялись дружескому уговору родителей. Они дѣлали и дѣлаютъ тогда все, что хотятъ родители. И дѣлается это безъ шума, угрозъ и наказаній. Если это хотятъ называть изнѣженнымъ воспитаніемъ, то хорошо, пусть называютъ. Мы вѣдь въ наше время имѣемъ опять такъ много сторонниковъ розги. При этомъ говорится, конечно, только о розгахъ—для другихъ:

Я нахожу, что въ жизни достаточно противорѣчій, конф-

ликтовъ, жестокости. Мы вѣдь и такъ уже достаточно сильно страдаемъ отъ противорѣчій, созданныхъ различіемъ поколѣній, различіемъ переживаемаго времени. Этихъ противорѣчій мы не можемъ устранить изъ жизни даже при самомъ лучшемъ взаимномъ желаніи; въ лучшемъ случаѣ эти противорѣчія ведутъ къ компромиссамъ. Но вѣдь и кромѣ того, жизнь такъ полна препятствій, разочарованій, неудачъ и горестей, что мы должны собирать и сберегать силы молодежи для борьбы съ этими внѣшними трудностями жизни, которыя съ годами все увеличиваются. Это укрѣпленіе силъ молодежи я ищу въ гармоніи жизни, которая должна дать ребенку ежу силу и значеніе завершенной единицы и личности.

Твердый и ровный строй жизни разовьетъ въ ребенкѣ мужество и довѣріе къ себѣ, онъ сохранитъ свою индивидуальность и будетъ отражать чужія посягательства съ все возрастающей рѣшительностью и силой. Ребенокъ, который еще слабъ и не довѣряетъ себѣ, долженъ получать такую поддержку своихъ силъ въ семьѣ. Въ противномъ случаѣ онъ слишкомъ легко подчинится чужому и неподходящему вліянію. Когда ребенокъ чувствуетъ себя заодно съ отцомъ и матерью, его силы возрастаютъ и въ немъ развивается внутренняя крѣпость, которая сохраняется потомъ на всю жизнь. Если-же ребенокъ живетъ съ отцомъ, или съ отцомъ и съ матерью, въ постоянныхъ неладахъ и не находитъ въ семьѣ естественной и необходимой для него поддержки, то, предоставленный собственнымъ слабымъ силамъ, онъ быстро исчерпываетъ всѣ свои средства, и въ бѣдствіяхъ жизни находитъ зачастую только одинъ выходъ: онъ уходитъ изъ нея. Такимъ образомъ не изнѣженнымъ и изнѣживающимъ является это мирное воспитаніе въ семьѣ, а укрѣпляющимъ и закаляющимъ въ лучшемъ смыслѣ.

Сюда также относится такое по виду мало важное замѣчаніе. У насъ часто считается постыдной слабостью высказать участіе и состраданіе дѣтямъ, даже самымъ маленькимъ, когда они причинили себѣ боль. Обыкновенно, мы слышимъ очень суровыя слова: „Ахъ, что такое, это пустяки“, и „Только не ревѣть. Мальчикъ не долженъ обращать вниманія на боль“. А затѣмъ родители удивляются, что дѣти становятся грубыми и безчувственными. Здоровенный отецъ, который готовъ вамъ цѣлые часы плакаться на то, что онъ при какой то дѣловой неудачѣ потерялъ нѣсколько тысячъ марокъ, былъ-бы очень возмущенъ, если-бы вы на это сказали ему: „Это вѣдь пустяки. Человѣкъ долженъ также привыкать и къ денежнымъ потерямъ. Не привязывайся къ благамъ, только временно украшающимъ жизнь, кто имѣетъ что-нибудь, долженъ научиться и терять“. Я не понимаю, почему я долженъ отказать моему ребенку, при-

бѣжавшему ко мнѣ въ слезахъ, въ томъ участіи, которое даже животныя дарятъ своимъ дѣтенышамъ. На каждый ожогъ или ушибъ, на каждую шишку на головѣ у моихъ дѣтей — сейчасъ-же накладывался шеколадный пластырь. Этимъ обыкновенно прерывается потокъ слезъ, вслѣдъ за которыми идетъ уже благодарный смѣхъ. Но, несмотря на это, мои дѣти не боятся боли и умѣютъ переносить ее.

Когда мой пятилѣтній сынъ сломалъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку, онъ, сдерживая слезы, пришелъ къ матери и сказалъ ей: „Мама, не трогай, пошли сейчасъ-же за врачомъ, я вывихнулъ себѣ руку“.

И затѣмъ при наложеніи перевязки онъ такъ героически переносилъ боль, что врачъ послѣ этого не только ему, но и мнѣ выразилъ свое удивленіе и уваженіе. А мой старшій сынъ, который въ первые годы своей жизни былъ такъ боязливъ, что я—къ моему стыду да будетъ это всѣмъ извѣстно—почти каждый вечеръ до тѣхъ поръ держалъ его ручку въ своей, пока онъ засыпалъ, недавно вырвалъ себѣ у врача 4 коренныхъ зуба. Врачъ сказалъ мнѣ послѣ этого, что я могу гордиться мальчикомъ, который велъ себя, какъ вполне взрослый мужчина. У него, говорилъ онъ, есть въ практикѣ много офицеровъ, которые не подвергнулись бы этой необходимой въ данномъ случаѣ мучительной операциі съ такой готовностью, какъ это сдѣлалъ мой мальчикъ. Я не придаю никакого значенія грубому закаливанію, которымъ во всякомъ случаѣ закаляется только сердце—воля-же остается упрямой и хрупкой.

Я знаю очень хорошо, что большинство педагоговъ придерживается того мнѣнія, что молодежь укрѣпляется для будущей жизни именно въ многочисленныхъ конфликтахъ, которые преднамѣренно устраиваетъ особенно строгій методъ воспитанія. Это—теорія, а не практическіе выводы. Когда мы читаемъ біографіи знаменитыхъ людей, мы находимъ въ нихъ безчисленныя жалобы на тираническое воспитаніе и множество препятствій къ развитію. И ужъ навѣрное очень рѣдко слова благодарности за насильныя посягательства и искусственно созданные конфликты. При этихъ конфликтахъ дѣло никогда не обходится безъ сильнаго возбужденія, безъ страстей, безъ напрасной и расточительной траты силъ; въ нихъ обыкновенно выплываютъ наружу всѣ самыя отвратительныя стороны человѣческой природы. Уже достаточно плохо, когда ребенокъ начинаетъ раздумывать надъ вопросомъ, правъ-ли отецъ или нѣтъ, стоитъ-ли жить или нѣтъ; достаточно плохо, когда ребенокъ плачетъ по цѣлымъ днямъ, сердится или ходитъ съ мрачными мыслями; когда онъ думаетъ о мести или проводитъ прекрасные дни своей юности въ самобичеваніи, въ добровольномъ или вынужденномъ раскаяніи. Я считаю неощимымъ благомъ,

когда весь этот драматическій душевный аппарат остается нетронутымъ во все время дѣтства, и дѣти приносятъ съ собой въ дальнѣйшую жизнь воспоминаніе о ничѣмъ не омраченной веснѣ своей жизни. Изъ этихъ мирныхъ и залитыхъ солнцемъ весеннихъ воспоминаній они должны черпать бодрость до конца своей жизни. Это основной тонъ, который долженъ звучать потомъ всю жизнь, и который долженъ также согласовать всѣ будущіе фальшивые тона жизни и приводить ихъ къ гармоніи. Но тамъ, гдѣ уже и въ молодости душа полна рѣзкими, кричащими звуками гнѣва, возбужденія, ненависти, презрѣнія, боли, раскаянія и униженія—тамъ она съ трудомъ приходитъ опять въ равновѣсіе. Но кто прожилъ все свое дѣтство въ раю, изъ котораго никто никогда не изгонялъ его, тотъ остается на всю жизнь жизнерадостнымъ ребенкомъ и преодолеваетъ горе жизни съ дѣтской беззаботностью. Пусть другіе съ своей болѣе строгой педагогикой добиваются внѣшнихъ успѣховъ, которые ихъ удовлетворяютъ: казарменнаго повиновенія, молчаливой подчиненности, блестящихъ школьныхъ успѣховъ, одобренія милыхъ сосѣдей, отличныхъ экзаменовъ и положенія, дающаго право на пенсію. Кто смотритъ глубже и дальше, кто цѣнитъ жизнь, людей не по ея внѣшнимъ успѣхамъ, а не по внутреннему достоинству—того такіе осязательные грубые результаты воспитанія не могутъ ни поразить, ни удовлетворить. Повиновеніе само-по себѣ вовсе не нравственный поступокъ. Даже пудель оказываетъ его и зачастую въ очень высокой степени. Нужно быть только самымъ крайнимъ эгоистомъ, чтобы умѣть принудить болѣе слабого къ безусловному повиновенію. Это поистинѣ не блестящее доказательство педагогическаго искусства. Этимъ можно также избѣжать внѣшнихъ конфликтовъ, но въ концѣ концовъ, скрытое противодѣйствіе все таки прорывается, и для такихъ долго сдерживающихъ себя сыновей и учениковъ наступаетъ наконецъ часъ мести; съ годами силы молодости увеличиваются, силы-же стариковъ—падаютъ. Затѣмъ наступаетъ время, когда молодые чувствуютъ себя равными старикамъ. И это часъ расплаты.

ГЛАВА X.

Дѣтскіе недостатки.

Меня будутъ обвинять, какъ уже часто раньше, въ неслыханной односторонности за то, что я возлагаю отвѣтственность за конфликты преимущественно на родителей и воспитателей.

Вѣдь дѣти дѣйствительно не всегда ангелы—и конечно гораздо вѣроятнѣе, что они подаютъ поводъ къ нарушенію мира, чѣмъ обратно. Дѣти не ангелы... Это и я знаю; и слава Богу, что дѣти не ангелы, они и не должны ими быть. Что такое—ангелы? Ихъ представляютъ себѣ безсильными и безкровными существами невыносимой для меня добродѣтели. Слабое подобіе такихъ ангеловъ мы видимъ, попадая въ кругъ, т. н., благовоспитанныхъ пансіонскихъ дѣвицъ, которыя находятъ удовольствіе только въ развлеченіяхъ, разрѣшенныхъ правилами ихъ заведеній. Дѣти, какъ существа не фантастическія, а живыя, изъ плоти и крови, имѣютъ также, конечно, и сильныя жизненныя инстинкты. Эти жизненныя инстинкты мы называемъ добродѣтелями до тѣхъ поръ, пока они согласны съ потребностями и правами взрослыхъ людей; въ противоположныхъ случаяхъ мы называемъ ихъ шалостями, грѣхами и пороками. Все воспитаніе у насъ стремится къ тому, чтобы подавлять грѣшныя наклонности и развивать добродѣтельныя. При этомъ предполагается, какъ нѣчто само-собой понятное, что воспитатели имѣютъ для всѣхъ этихъ крайне трудныхъ вещей непогрѣшимо вѣрный инстинктъ и готовыя средства леченія и обузданія. Но мой жизненный опытъ не подтверждаетъ этихъ предположеній.

Я постоянно поражаюсь, какъ часто даже профессиональные воспитатели ошибаются въ своихъ сужденіяхъ и средствахъ. И потому именно, что я самъ не считаю себя исключеніемъ, я такъ сдержанъ съ своей педагогикой по отношенію къ дѣтямъ. Это не есть переоцѣнка дѣтей, это—правильная оцѣнка природы, которая во всѣхъ случаяхъ оказывалась все таки умнѣе, чѣмъ мы, учителя. Книга, въ которой были бы собраны на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, всѣ ошибки родителей и учителей, была-бы въ высшей степени поучительна и необходима. Исторія и жизнеописанія даютъ намъ уже достаточно матеріала въ руки. Что примѣрныя дѣти, которыя росли на радость и утѣшеніе своихъ родителей и учителей, исполняли всѣ свои обязанности, въ дальнѣйшей жизни зачастую не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ—извѣстно теперь почти уже всѣмъ. Отъ дѣтей пасторовъ ждутъ, что они будутъ неудачными людьми, отъ перваго ученика никто не ждетъ, что онъ затѣмъ будетъ первымъ и въ жизни. Зачастую приводятся школьныя аттестаціи великихъ людей только ради смѣшного контраста. Что мы можемъ сказать на то, что учителя бывшаго императора Наполеона Перваго жаловались, по свидѣтельству его матери, на то, что онъ учится съ трудомъ, такъ медленно все понимаетъ, что они часто приходятъ отъ него въ отчаяніе! Такъ передаетъ графъ Прокешъ-Остенъ тотъ разговоръ, который онъ велъ съ

Летицией, матерью Наполеона I-аго, въ Римѣ 21 Юля 1832 года. И что врачъ, на котораго мы возлагаемъ теперь наши надежды, ничего не подозрѣвалъ о той чудесной силѣ, которая таилась въ молодомъ Наполеонѣ, доказываетъ его презрительный отзывъ о Наполеонѣ; это случай излеченія водянки головы. То, что намъ при воспитаніи кажется дѣтской шалостью или невоспитанностью, на $\frac{9}{10}$ есть не шалость, а хорошее качество. Мы должны это доказать на отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторыхъ категорій дѣтскихъ недостатковъ, которые все еще продолжаютъ подробно перечисляться, какъ недостатки воспитанія.

Ребенокъ лжетъ. Озабоченная мать откроетъ можетъ быть эту книгу, чтобы узнать изъ нея, какъ отучить ребенка отъ лжи. Пусть она не совсѣмъ напрасно ищетъ здѣсь для себя совѣта. Слѣдуетъ-ли наказывать за ложь, или нѣтъ—мы совсѣмъ не можемъ рѣшить принципиально. Надо знать, какое сознаніе и какая воля породила эту ложь. Мы, всѣ люди, которые не знаемъ сущности вещей, лжемъ во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія высшаго ума, который прозрѣваетъ сущность вещей. Мы говоримъ только то, что кажется намъ вѣрнымъ или, что диктуетъ намъ въ данную минуту наше настроеніе. Совершенно такъ же поступаетъ ребенокъ въ своей болѣе узкой области опыта и чувства. Для его міра и для его сознанія это—правда, и онъ не понимаетъ, почему взрослые люди не согласны съ нимъ въ этомъ. Ребенокъ находитъ наоборотъ неправду во взрослыхъ и опять-таки совсѣмъ не понимаетъ тѣхъ требованій, которыя находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ его дѣтскимъ разумомъ. Ребенокъ живетъ въ совершенно другомъ мірѣ точно такъ-же, какъ пророки, философы, поэты, которые вѣдь также считаются, обычно, невѣжественнымъ народомъ дураками или зачастую и обманщиками. И пошлый умъ, который нигдѣ не видитъ проблемъ и всегда старается стоять на твердой почвѣ дѣйствительности и фактовъ—именно такой умъ менѣе всего способенъ судить о правдѣ. Ложь ребенка, такъ-же какъ его болтовня, зачастую есть только игра его губъ, потребность въ дѣятельности и проба силъ. Ребенокъ пытается этимъ перейти тѣсныя границы непосредственнаго міра своего опыта, онъ развиваетъ при этомъ неощутимыя силы, которыя немного позже проявляются, какъ художественное творчество на благо человечества. Это такъ называемый обманъ фантазіи, къ которому разумный воспитатель будетъ относиться съ осторожностью. Но и болѣе строго осуждается ложь, а именно эгоистическая ложь, которая имѣетъ вначалѣ тѣ-же корни. Ребенокъ еще не настолько знаетъ мораль и правовыя понятія взрослыхъ, чтобы онъ могъ жить съ тѣми-же понятіями и обуздывать, благодаря имъ, свои сильные жизненные инстинкты. За перешедшей границы волей слѣдуетъ

затѣмъ также и мысль. И тогда въ чувствѣ устанавливается идентичность воли и мысли, которыхъ ребенокъ уже не можетъ отдѣлить другъ отъ друга. И съ ребенкомъ происходитъ приблизительно то-же, что съ мистикомъ, который отождествляетъ себя и міръ съ Богомъ, и который въ своемъ экстазѣ дѣлаетъ и говоритъ такія вещи, которыя трезвыми людьми осуждаются, какъ явное безуміе и какъ святотатство. Нашъ современный судъ начинается, наконецъ, оцѣнивать въ области права ложь ребенка и всѣ нарушенія имъ чужихъ правъ съ психологической стороны. И теперь знаютъ изъ строго научныхъ наблюдений, какъ надо смотрѣть на свидѣтельскія показанія не только дѣтей, но и взрослыхъ. Какъ несправедливо видѣть ложь тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о неясныхъ или одностороннихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ или волевыхъ побужденіяхъ, въ которыхъ успокоившійся затѣмъ разумъ неспособенъ дать себѣ ясный отчетъ! То что дѣлается во время аффекта, дѣлается какъ бы въ состояніи опьяненія. Дѣти не только не могутъ, при лучшемъ желаніи, сказать, что они сдѣлали и почему они это сдѣлали: они этого не знаютъ. Въ особенности это относится къ дѣтямъ съ патологическими наклонностями; у нихъ эгоизмъ проявляется съ почти атавистически-животной силой которая не даетъ развиться правосознанію. Такъ, дѣти съ наклонностью къ воровству, дѣйствительно лживыя, жестокія и мстительныя—въ большинствѣ случаевъ и душевно-больныя дѣти, и потому ихъ нельзя дѣлать отвѣтственными за ихъ дикіе инстинкты. Но мы говоримъ здѣсь не о больныхъ дѣтяхъ. Эта книга не должна быть руководствомъ по патологіи. Но и здоровыя дѣти нуждаются, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ такомъ-же вдумчивомъ и снисходительномъ отношеніи къ ихъ словамъ и поступкамъ. Потому что и въ здоровомъ ребенкѣ заложены тѣ-же наклонности, которыя болѣзненно повышенно проявляются въ больномъ. Мать не должна пугаться лжи ребенка. Раньше всего она не должна пугаться тогда когда эта ложь является результатомъ ея собственной строгости. На судѣ даже отъ взрослыхъ не ждутъ, чтобы они сами себя обвиняли. Какое-же право мы имѣемъ требовать героизма самообвиненія отъ дѣтей, котораго законъ не требуетъ отъ взрослыхъ? Когда мнѣ говорятъ о вообще здоровомъ ребенкѣ, что онъ лживъ, то я сейчасъ-же вывожу заключеніе изъ этого, что у ребенка грубый и суровый воспитатель. Ложь—это оружіе слабаго. Она одинаково нравственна и одинаково безнравственна, какъ и бѣгство зайца отъ волка. Быть слабымъ и говорить правду тирану—это значитъ предавать самого себя.

Мои дѣти не лгутъ. Это я уже нѣсколько разъ говорилъ и повторяю опять не для того, чтобы хвалить ихъ, это вовсе не заслуга съ ихъ стороны. Но я говорю это, чтобы рекомен-

довать и другимъ мою систему воспитанія, которая дѣлаетъ для дѣтей бесполезнымъ отступленіе отъ правды. Наши дѣти были бы всѣ правдивы, если бы ихъ поставили въ среду исключительно правдивыхъ людей. Но кругомъ царить ложь. Едва-ли можно быть еще лживѣе, чѣмъ наше общество. Все поддѣльно. Цѣлые народы больны религіозной ложью; наша культура чахнетъ, потому что ей не достаетъ правдивости. Наши житейскія отношенія, отношенія отцовъ и дѣтей, наша политическая жизнь, государство и церковь дѣлаютъ все труднѣе открытое исповѣданіе своихъ убѣжденій; наоборотъ они заставляютъ насъ лицемѣрить въ своихъ убѣжденіяхъ. И самое худшее это то, что и въ школѣ, и въ церкви воспитывается съ малыхъ лѣтъ, съ помощью всѣхъ средствъ власти, показная набожность, показная жизнь. Развѣ хоть одинъ человѣкъ вѣритъ, что наши дѣти по собственному побужденію посѣщаютъ обѣдни, слушаютъ воскресныя проповѣди или ходятъ на уроки грамматики? Развѣ ихъ не заставляютъ здѣсь постоянно подавлять свою собственную натуру и поступать по волѣ, и согласно съ внѣшними формами жизни, людей имъ чуждыхъ и непонятныхъ? Это, конечно, называется приучать дѣтей къ религіозности, но при этомъ отъ нихъ требуется, чтобы онѣ вели себя торжественно, стояли опустивши глаза, и проявляли растроганность или воодушевленіе. И вѣдь всѣ знаютъ отлично, что это можетъ быть только притворствомъ. Такимъ образомъ приучаютъ также дѣтей вынужденной вѣжливостью по отношенію къ чужимъ людямъ говорить неискреннія слова, лицемѣрить въ убѣжденіяхъ—однимъ словомъ быть нечестными. Никто не выноситъ полной искренности дѣтей. Къ ней относятся, какъ къ невоспитанности. Возмущаются, когда ребенокъ говоритъ: я не люблю этого дяди, когда онъ не хочетъ некрасивому, отталкивающему гостю подать руку или поцѣловать. Извѣстно, конечно, что дураки и дѣти говорятъ правду, но когда ребенокъ это дѣлаетъ, то въ ужасѣ отсылаютъ этого enfant terrible въ его комнату. Не хотятъ совсѣмъ имѣть правдивыхъ дѣтей. Въ случаяхъ же, когда ложь дѣтей вредитъ родителямъ, изъ нея дѣлаютъ трагедію. И тогда начинается эта фальшивая трагикомедія, какъ будто-бы родители совсѣмъ не могутъ понять, откуда въ ихъ домѣ и у ихъ ребенка появился этотъ ужасный недостатокъ. И учителя не должны удивляться лжи учениковъ въ школахъ при ихъ современной постановкѣ. Вѣдь извѣстно, что преувеличенныя требованія, предъявляемая дѣтской природѣ, создали для защиты отъ нихъ у учениковъ цѣлую систему лжи и плутовства, которая дѣлаетъ сомнительнымъ все воспитательное значеніе преподаванія. Довольно только вспомнить о фабричномъ производствѣ недозволенныхъ вспомогательныхъ средствъ и о томъ злорадствѣ, съ которымъ бывший ученикъ

вспоминаетъ тѣ продѣлки, съ помощью которыхъ ему удавалось когда-то обманывать строгую бдительность учителей. Это составляетъ уже собственную отрасль нашей нѣмецкой литературы: борьба учениковъ посредствомъ лжи и обмана съ тираническими школьными требованіями. Недавно мнѣ рассказывалъ одинъ почтенный гражданинъ и извѣстный врачъ, какъ торжественно школьный служитель передавалъ ему его письменныя работы на аттестатъ зрѣлости въ экзаменаціонный залъ. Дѣло происходило такъ: Задачу онъ выбрасывалъ за окно; тамъ ее подымали товарищи и рѣшали, а затѣмъ она вносилась съ будто-бы забытымъ дома буттербродомъ въ экзаменаціонную комнату съ привѣтомъ отъ матери.

И все таки первая и высшая задача воспитанія—это искоренить лживость въ ребенкѣ. Какимъ образомъ сдѣлать это? Опять съ помощью тѣхъ-же средствъ: примѣромъ, терпѣніемъ и снисходительностью.

Къ фантастической лжи нужно относиться, какъ къ игрѣ фантазіи, и самому принимать участіе въ этой игрѣ. При этомъ нужно, когда дѣло заключаетъ въ себѣ опасность, только дать замѣтить ребенку, что мы понимаемъ сущность игры и цѣнимъ ее. Я имѣю обыкновеніе своему самому младшему сыну, который обладаетъ художественной фантазіей, говорить въ такихъ случаяхъ съ улыбкой: „это ты прелестно выдумалъ“. И этимъ онъ вполне доволенъ.

Другой родъ лжи, который вытекаетъ изъ духовной скрытности, можно устранить только любовнымъ отношеніемъ къ ребенку: вызвать въ немъ полное довѣріе къ воспитанію. Ребенокъ долженъ знать, что въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни можетъ найти поддержку у своего воспитателя, онъ долженъ не убѣгать отъ него, а прибѣгать къ нему.

Третій родъ лжи, порождается эгоизмомъ или собственной выгодой, можетъ быть, конечно, доказательствомъ недостойнаго и низкаго образа мыслей. Я самъ зналъ дѣтей, которыя не останавливались передъ тѣмъ, чтобы ради своей выгоды навлечь на своихъ соучениковъ самое тяжкое подозрѣніе, мало того, которые даже злорадствовали, когда товарищи невинно несли наказаніе по ихъ злобѣ. Это преступныя наклонности. И ребенка съ такимъ характеромъ я взялъ бы подъ строжайшій надзоръ; я при первомъ-же случаѣ постарался бы уничтожить въ немъ эту низкую черту, всѣми средствами, находящимися въ моемъ распоряженіи.

Еслибы врачъ не могъ установить въ ребенкѣ никакой душевной болѣзни, я отдѣлилъ бы его отъ другихъ дѣтей на цѣлые дни и недѣли. Намъ нуженъ уже и въ обществѣ дѣтей подборъ лучшихъ, мы не должны относиться съ безразличной любовью къ дурнымъ и хорошимъ дѣтямъ, потому что этимъ мы лишаемъ хорошихъ дѣтей поощренія, и укрѣ-

пляемъ въ дурныхъ дѣтяхъ ихъ дурныя качества—и поступаемъ несправедливо такимъ образомъ съ тѣми и другими. Дѣтямъ должно внушать съ самаго ранняго дѣтства, что счастье ихъ жизни обуславливается ихъ собственнымъ поведеніемъ въ жизни. Это относится, конечно, не только къ живымъ дѣтямъ, но ко всѣмъ тѣмъ, которыя отдаются низкимъ и общественно вреднымъ страстямъ, не борятся самостоятельно съ вырожденіемъ своей собственной природы. Но по моему опыту, такіе случаи крайне рѣдки, и я все еще думаю, что они бываютъ только у душевно-больныхъ дѣтей или у такихъ, которые были совершенно заброшены уже въ первые годы своей жизни, и поэтому одичали. За свою двадцатипятилѣтнюю учительскую дѣятельность я видѣлъ только одного ребенка, въ моральномъ излеченіи котораго я самъ отчаялся. Я узналъ также позже, что этотъ ребенокъ пошелъ неудержимо по пути преступленія. Но я думаю, что въ этомъ ребенкѣ, на котораго ничѣмъ нельзя было подѣйствовать, уже въ раннихъ годахъ побоями уничтожено было всякое чувство чести, я думаю даже, что онъ родился съ моральными дефектами.

Если англійскому воспитанію удастся развить въ молодежи радостное стремленіе и любовь къ правдѣ и этимъ ввести во все воспитаніе юности такой свѣжій и здоровый тонъ, то то-же самое должно быть возможно и у насъ. Если это намъ не удастся, то вина лежитъ въ воспитателяхъ, а не въ дѣтяхъ. Или мы должны быть готовы къ компрометирующему насъ признанію, что англійскій народъ по рожденію и крови болѣе благородный чѣмъ нѣмецкій народъ.

Упрямство. Также трудно рѣшить въ принципѣ, есть ли упрямство недостатокъ или нѣтъ, и насколько. Всѣ великіе люди стали великими, потому что они обладали большимъ упрямствомъ. Вѣдь упрямство—проявленіе сильной индивидуальности. Выколачивать изъ ребенка упрямство значитъ лишать его индивидуальности. Упрямство ребенка можетъ стать тягостнымъ для другихъ. Но равнодушный воспитатель не станетъ его ломать, а постарается обуздать. Мы, взрослые, имѣемъ въ своемъ распоряженіи столько средствъ, для направленія ребенка, что не пользоваться ими значитъ признать свою духовную бѣдность, отсутствіе мысли и умственную лѣнь. Мы радуемся, что ребенокъ обладаетъ сильной волей, потому что онъ будетъ настоятельно нуждаться въ ней въ дальнѣйшей жизни. Но мы слишкомъ лѣнны, чтобы заняться воспитаніемъ и развитіемъ этой воли. Зачастую дѣло заключается только въ томъ, чтобы эту силу, которая рѣзко проявляется въ ребенкѣ, тихимъ движеніемъ направлять по другому пути.

Когда я вижу въ своихъ дѣтяхъ сильную волю, то я

представляю этой волѣ поле дѣятельности и цѣль. Не всегда именно то, что хотѣли дѣти, потому что ихъ неопытность приводитъ ихъ, конечно, къ неисполнимымъ желаніямъ. Мои старшіе сыновья хотятъ взойти на Дахштейнъ. Мнѣ говорятъ знатоки, что это имъ не по силамъ. Поэтому нужно пока отказаться отъ этого плана. Но вмѣсто этого, какъ подготовка къ нему, они пойдутъ на Лозеръ и Триссенвандъ, и благодаря этому, дѣти поймутъ, что здѣсь дѣло не въ отказѣ ихъ желаніямъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать возможнымъ исполненіе этихъ желаній. Второй примѣръ, маленькій ребенокъ не во время проситъ пирожное. Этимъ онъ испортитъ себѣ аппетитъ и повредитъ своему и безъ того уже слабому пищеваренію. Тогда достаточно сказать ребенку спокойно: если ты теперь хочешь ѣсть пирожное, то получишь только одно, а если будешь ѣсть его послѣ ужина, то получишь два". Ребенокъ при этомъ задумывается и, хотя нерѣшительно, но уступаетъ. Когда дѣти приучаются в теченіи долгихъ лѣтъ такими воспитателями къ пониманію разумности запрещенія, то затѣмъ достаточно уже одного объясненія, что желаніе неисполнимо. Я знаю, что другіе воспитатели не отвѣчаютъ на вопросъ ребенка: почему неисполнимо? считая, что ребенокъ не имѣетъ права задавать этотъ вопросъ. Я считаю такую систему ошибочной. Ребенокъ имѣетъ право узнать наши причины. Немногими словами, которыя мы потратимъ для такого объясненія, мы избѣгнемъ позднѣйшихъ непріятностей и уже беспокойныхъ объясненій. Опять примѣръ: къ моимъ дѣтямъ пришли въ гости товарищи, и они возятся возлѣ той комнаты, гдѣ я работаю и нуждаюсь поэтому въ тишинѣ. Перваго моего требованія, чтобы они вели себя тихо, они не слышатъ, занятые веселой игрой. Это вынуждаетъ меня къ объясненію: „я хочу и долженъ работать здѣсь и не могу работать въ другомъ мѣстѣ. Вы хотите играть и громко разговаривать. Очень понятно. Но обѣ эти вещи несовмѣстимы рядомъ. Долженъ ли я оставить мою работу. или вы оставьте игру?—Само собой разумѣется, что дѣти или совсѣмъ бросаютъ игру или переносятъ ее въ другую комнату. Если я, ссылаясь на свидѣтелей, еще разъ рѣшаюсь увѣрять всѣхъ, что въ теченіи 16 лѣтъ я еще ни разу до сихъ поръ не столкнулся съ сознательнымъ упорствомъ своихъ дѣтей, что мы въ нашемъ домѣ вообще еще никогда не пережили такой сцены, гдѣ-бы обѣ стороны непоколебимо стояли на своемъ, которая кончилась-бы упреками, слезами и долгой ссорой—то я дѣлаю это только затѣмъ чтобы добиться признанія моей воспитательной системы и найти для нея послѣдователей, ко всеобщему благу. При всемъ этомъ вѣдь дѣло все таки только въ успѣхѣ. Я достигаю того-же, чего достигаютъ и послѣдователи самой суровой системы воспитанія. При моей системѣ дѣти

дѣлають охотно и съ радостью то-же, что тамъ дѣлается неохотно и съ внутренней злобой. Но раньше всего при моей системѣ въ ребенкѣ сохраняется то, изъ чего въ послѣдствіи развивается зрѣлый человѣкъ: собственная воля, которая сначала имѣетъ характеръ своеволія. Одинъ очень извѣстный и пользующійся большимъ вліяніемъ, воспитатель восхваляетъ разумность одной англійской матери, которая такъ долго колотила своего упрямого ребенка, пока онъ не отказался отъ своего упрямства. Если-бы мать остановилась на седьмомъ разѣ сѣченія, то она ничего не добила-сь-бы. Такъ какъ она была достаточно мужественна, чтобы высѣчь его еще въ восьмой разъ, то она достигла того, что принесло ему пользу на всю жизнь, а именно сломила его собственную волю и добила-сь безусловнаго послушанія. Я думаю, что я безъ единого удара хотя и не сломилъ-бы собственно говоря воли этого самаго ребенка, но направилъ-бы ее въ другую сторону, и такъ, чтобы ребенокъ не сознавалъ съ болью своей зависимости отъ меня. Прежде считалось необходимымъ среди охотниковъ избить сначала одинъ разъ до полусмерти всякую охотничью собаку, чтобы развить въ ней нюхъ на всю жизнь. Теперь лучшіе заводчики учатъ насъ, что достаточно одного удара, чтобы испортить на вѣки породистую собаку или лошадь. Я горжусь тѣмъ, что имѣю послушныхъ дѣтей, не употребивши ни одного раза палку, для этого.

Любовь къ лакомствамъ, воровство, тщеславіе. По отношенію и къ этимъ дѣтскимъ недостаткамъ нужно воздержаться пока отъ всякаго нравственнаго возмущенія. Дѣти очень любятъ сладости. Это во всякомъ случаѣ имѣетъ свою фізіологическую причину. И у очень старыхъ людей мы встрѣчаемъ возвратъ къ этому дѣтскому свойству.

Организмъ ребенка просто требуетъ сладкой пищи, и потому я даю въ эти первые годы ребенку сахаръ точно такъ-же, какъ олелеводъ или пастухъ даютъ лизать соль оленямъ и овцамъ. Я въ случаѣ особаго пристрастія къ лакомствамъ сначала спросилъ бы у врача, какое питаніе онъ считаетъ подходящимъ въ данномъ случаѣ для ребенка. Вѣдь очень поразительно то обстоятельство, что любовь къ лакомствамъ у дѣтей не простирается ни на икру, ни на маіонезъ изъ омаровъ. Если дѣтямъ даютъ желанную или и полезную для нихъ пищу въ достаточномъ количествѣ, то у нихъ исчезаетъ склонность постепенно лакомиться. Конечно, многіе дѣлають ошибку тѣмъ, что раздражаютъ сами небо ребенка слишкомъ изысканными сладостями и тѣмъ, такъ сказать сами воспитываютъ въ немъ приверженность къ лакомствамъ, на которую потомъ такъ несправедливо жалуются. Здѣсь всего можно достигнуть разумной привычкой, но если

когда нибудь ребенокъ, съѣсть за спиной матери яблоко или пирожное, то стыдъ быть застигнутымъ, уже въ большинствѣ случаевъ достаточно болѣзненно чувствуется ребенкомъ. Если эта любовь къ лакомствамъ вырождается, если она развивается въ воровство другихъ предметовъ, которые не имѣютъ отношенія къ ѣдѣ, какъ напримѣръ книгъ, игрушекъ, ножииковъ и т. п.—то дѣло становится серьезнымъ, и мы обязаны тогда строго слѣдить за ребенкомъ. Опять мнѣ кажется необходимымъ раньше всего обратиться къ врачу. Такія моральныя слабости происходятъ обыкновенно отъ физической слабости. Недостаточно питаемый мозгъ не рождаетъ сильной и здоровой воли. Я знаю отъ опытныхъ воспитателей психопатическихъ дѣтей, что они лечатъ и вылѣчиваютъ такъ называемую kleptomaniю, точно такъ же, какъ и болѣзненную лживость дѣтей не моральями и наказаніями, а физическимъ уходомъ. Въ такихъ случаяхъ нужно обращаться къ такимъ лицамъ, какъ директоръ Трюперъ въ Іенѣ, и къ другимъ извѣстнымъ знатокамъ дѣтской нервности, какъ Фюрстенбергу въ Фридрихсгагенѣ возлѣ Берлина, д-ру Мартину и Кампману въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ нарушенія чужого права, мы легко придемъ къ справедливому сужденію о ребенкѣ—ворѣ, если мы основательно рассмотримъ дѣло. Обыкновенно душевные процессы настолько сложны, что мы несправедливы къ ребенку, когда строго осуждаемъ или наказываемъ его. Мы знаемъ изъ уголовной литературы, что дѣти очень часто въ пылу игры завладѣвали чужой собственностью. Они едва-ли сознавали при этомъ, что нарушали чье-нибудь право. Имъ нужны были дощечки для индійскихъ палатокъ, рѣпа для лагернаго поля; они должны были зажечь сторожевой костеръ, и при этомъ они совершили цѣлый рядъ наказуемыхъ поступковъ, что они начинаютъ сознавать тогда, когда жандармъ держитъ ихъ уже за шиворотъ. Здѣсь играетъ также роль своеобразный духъ упрямаства. Дѣти, въ особенности въ ранніе годы, не понимаютъ, почему общественное устройство должно быть именно, такимъ, раньше всего они не понимаютъ, почему они должны терпѣть отъ этого порядка вещей. Запрещенный плодъ имѣетъ свою особую привлекательность не только для Адама и Евы, но и для всякаго новаго человѣка. При этомъ въ ребенкѣ пробуждаются старые охотничьи и хищные инстинкты. Дѣти совсѣмъ не рождены для нашихъ асфальтовыхъ улицъ и огороженныхъ садовъ. Они стремятся въ міръ, гдѣ собственными силами добываются средства къ жизни и гдѣ завоевывается свое право. Имъ не нравится умѣренная и всякая культурная жизнь, гдѣ они не могутъ примѣнять и гдѣ ненужны ихъ элементарныя природныя силы. Ребенокъ хочетъ испытывать свои собственныя силы, онъ хочетъ развиваться въ работѣ и въ борьбѣ.

Я не восхваляю воровства, я только стараюсь сдѣлать понятнымъ, какъ ребенокъ съ сильными жизненными инстинктами можетъ дойти до того, чтобы начать воровать; разбирая психологически этотъ вопросъ, я объясняю поступокъ, но не одобряю его. Впрочемъ, и наши суды для малолѣтнихъ приходятъ теперь къ этой обоснованной, а потому и болѣе справедливой оцѣнки дѣтскихъ преступленій. Намъ нужна въ дальнѣйшей жизни, особенно на войнѣ, та храбрость, которую обнаруживаетъ смѣлый воришка яблокъ, для очень серьезныхъ и полезныхъ цѣлей. Опять, значить, дѣло заключается только въ томъ, чтобы правильно направить природенные сильные инстинкты. Итакъ, я рекомендовалъ бы устраивать съ дѣтьми въ открытомъ мѣстѣ, на лонѣ природы, воинственныя игры, съ нападеніемъ на непріятельскій лагерь, съ захватомъ фуражнаго обоза. Такія игры удовлетворили бы любовь дѣтей къ приключеніямъ и то, что теперь зачастую должно становиться преступленіемъ, было-бы только веселой забавой. Какъ глубоко такіе инстинкты коренятся въ человѣческой природѣ, какъ темны и все таки могущественны они во всемъ своемъ существѣ, видно, напр., изъ того, что беременныя дѣвушки и женщины очень легко становятся воровками. Особенно онѣ тащутъ полотно и матерію на одежду съ тѣмъ же самымъ животнымъ инстинктомъ, съ какимъ беременная кошка или строящая гнѣздо птица готовятъ ложе для своихъ дѣтенышей. Совершаетъ-ли грѣхъ дѣвушка, ворующая въ такихъ случаяхъ бѣлье? Я подчеркиваю—дѣвушка. Именно одинокая, брошенная, бѣдная и безпріютная, которая ушла назадъ въ своихъ чувствахъ къ первобытному животному состоянію. Совершаетъ-ли она грѣхъ, или не поступаетъ-ли она скорѣе согласно своей обязанности, согласно святому, еще ей самой несознанному завѣту, который дѣлаетъ ея самой высокой обязанностью заботу о неродившемся еще ребенкѣ? Гдѣ говорятъ первобытные законы природы, тамъ земной судья долженъ молчать и отказаться судить. Это не воровство, это—природный инстинктъ. И всякая женщина, которая когда-нибудь сама носила ребенка, которая ощущала въ себѣ эту чудесную, внутреннюю жизнь, должна стыдиться до глубины души, когда она изъ за пары какихъ-нибудь жалкихъ тряпокъ, тащить въ судъ свою же сестру. Но отъ всего этого въ нашемъ пустомъ, безчувственномъ и жестокомъ обществѣ отдѣляются единственно словомъ осужденія; и моралистъ воображаетъ, что онъ обнаруживаетъ большую душевную силу, когда онъ выстаетъ положеніе: „Воровство—это воровство; я противъ глупой сантиментальности!“ Психологія должна своимъ глубокимъ проникновеніемъ избавить насъ отъ всего этого грубаго механизма въ воспитаніи. Но мы едва-ли ошибаемся, когда предполагаемъ здѣсь

инстинкты, унаслѣдованные отъ первобытныхъ временъ и дошедшіе до настоящаго времени.

Конечно, всего этого не должно быть—развѣ нужно это говорить?—Съ этимъ нужно бороться, но мы должны, глубоко и серьезно подумавъ, быть при этомъ кроткими и справедливыми, чего требуетъ отъ насъ христіанская и уже и до христіанская мораль по отношенію къ нашимъ ближнимъ. И въ воспитаніи мы опять будемъ стараться быть справедливыми при позволеніи и запрещеніи. Могу-ли я опять позволить себѣ привести примѣръ изъ собственной практики? И у моего старшаго сына появилось въ свое время желаніе производить впечатлѣніе своей наружностью. Я не хотѣлъ впасть въ ошибку тѣхъ родителей, которые возстаютъ противъ желанія наряжаться и тщеславія ребенка и совсѣмъ не могутъ понять, почему мальчикъ не хочетъ больше носить старыхъ брюкъ или курточки, передѣланной изъ отцовскаго сюртука. Я былъ доволенъ, что вполне нормально явилось то, что я самъ, какъ всякій здоровый человѣкъ, пережилъ въ такомъ-же возрастѣ, и что я считалъ тогда очень важнымъ. Поэтому я принялся наряжать своего мальчика: пусть онъ имѣетъ удовольствіе отъ своей наружности. Пусть онъ научится держать себя. Отъ этого онъ возвышается въ своемъ собственномъ сознаніи, и пойдетъ увѣрениѣ дальше по своему жизненному пути. Поэтому я привезъ ему изъ своего путешествія пестрый шелковый галстукъ, которымъ такъ пріятно выдѣлялся приказчикъ въ лавкѣ еще въ Геттевскомъ „Германъ и Доротея“, подарилъ ему серебряную булавку для галстука и такъ излюбленное теперь шелковое кашне. Этимъ я избавилъ какъ себя, такъ и его отъ глупыхъ и непріятныхъ конфликтовъ. Ибо вѣдь все это только временное. Вѣдь это продолжается не долго, затѣмъ исчезаетъ это удовольствіе, которое имѣешь отъ своей собственной наружности, и женѣ впоследствии съ трудомъ удастся заставить своего мужа одѣться настолько прилично, чтобы онъ могъ появиться въ обществѣ. Когда-же родители настолько глупы, что совершенно не считаются съ законнымъ тщеславіемъ своихъ дѣтей, то они не должны удивляться, когда дѣти достаютъ себѣ тѣ, что имъ необходимо, другимъ, даже непозволеннымъ путемъ. Я говорю нарочно необходимо. Потому что, какъ говоритъ Рейтеръ „что человѣку нужно, то онъ долженъ имѣть“. И молодой дѣвушкѣ нужна пестрая лента и новая шляпа. Юношѣ нуженъ воротникъ въ 6 сантим. вышины, желтые башмаки и красно-коричневые лаковые перчатки. Опять я вижу и слышу нравственно возмущенныхъ, моихъ высокопочтенныхъ противниковъ, и между ними есть не только мужчины, но и дамы: „Итакъ, слѣдуетъ еще потакать тщеславію, любви къ нарядамъ, легкомыслію и надменности молодежи? Развѣ это не

значитъ толкать ее съ открытыми глазами на погибель? Въ особенности въ наше время, когда и безъ того уже такъ сильно развиты въ нашей молодежи страсть къ наслажденіямъ, поверхностность, роскошь и изнѣженность, когда молодежь такъ легко поддается совращенію и всякимъ соблазнамъ! И такія разсужденія мы находимъ въ книгѣ о воспитаніи! И нѣчто подобное смѣютъ предлагать образованной серьезной нѣмецкой публикѣ? Мы живемъ въ различныхъ мірахъ, мы никогда не поймемъ другъ друга—я и старые воспитатели. Они едва-ли могутъ думать обо мнѣ хуже, чѣмъ я о нихъ. Они едва-ли могутъ быть болѣе недовольными мною, чѣмъ я былъ недоволенъ ими всегда до сихъ поръ, и теперь еще. Но я хочу, по крайней мѣрѣ, дать имъ возможность понять, что я думаю. Поэтому я и говорю здѣсь: конечно, въ дѣтяхъ должны воспитывать скромность и серьезность. Да, но этого мы должны именно достигнуть тѣмъ, чтобы идти навстрѣчу ихъ естественнымъ, а потому и законнымъ желаніямъ, и именно настолько, что-бы дѣти чувствовали нашу справедливость и сочувствіе.

Разумно питаемый инстинктъ развивается нормально. И нормальный инстинктъ именно потому нормаленъ, что онъ гармонируетъ съ другими инстинктами. Когда дѣти замѣчаютъ, что и родители ихъ заботятся объ ихъ наружности и одеждѣ, когда они видятъ, что это—важная, но далеко не самая важная вещь въ жизни, то они, безъ всякой внутренней борьбы и уговоровъ со стороны, перенимаютъ взгляды на этотъ вопросъ своихъ родителей, которые они находятъ разумными и справедливыми. Это именно и спасаетъ ихъ отъ пустоты и фантовства. Потому что и здѣсь запретъ привлекателенъ и ведетъ къ преувеличенію. Этимъ не надо возмущаться, такъ какъ это лежитъ уже въ человѣческой природѣ. Когда родители,—что я настоятельно совѣтую имъ—серьезно разговариваютъ со своими дѣтьми о томъ, какая одежда имъ больше всего къ лицу и совѣтуютъ имъ, какъ имъ одѣться по новой модѣ—тогда дѣло становится предметомъ дружеской бесѣды. Именно въ этой области люди очень чувствительны, и потому ихъ особенно легко задѣть. Я могу гораздо легче заставить ребенка отказаться отъ обѣда, или перенести какую-нибудь физическую боль, чѣмъ надѣть шляпу, которая ему не нравится. Недавно я былъ случайнымъ свидѣтелемъ того, какъ одна баварская старушка покупала соломенную шляпу шестилѣтнему мальчику. Шляпа была сама по себѣ вполне прилична, и я не могъ понять, почему мальчикъ постоянно срывалъ ее съ головы съ упрямой миной на лицѣ. Тогда я вмѣшался и спросилъ, почему ребенокъ не хочетъ новой шляпы. Да, сказала старуха, ему хочется имѣть настоящую баварскую шляпу, не такую городскую. Тогда дѣло мнѣ сразу стало ясно. Ребенокъ со-

вершено правильно чувствовалъ, что онъ будетъ смѣшонъ въ кругу своихъ товарищей въ этой шляпѣ съ твердымъ донышкомъ, такими же полями и пестрыми ленточками, которая сдѣлана для мальчика берлинскаго Тиргартена. Ему хотѣлось имѣть пастушескую шляпу, которая стоила дороже на одну марку.

Онъ зналъ навѣрное, что это шляпа придется по вкусу его друзьямъ. Я вынулъ недостававшую марку изъ кармана и надѣлъ мальчику на голову желанную шляпу. Я хотѣлъ-бы запечатлѣть на картинѣ его взглядъ удивленія и благодарности при этомъ. Дѣти хотятъ такимъ образомъ вовсе не всегда лучшую и болѣе элегантную вещь, они хотятъ того, что подходитъ имъ и ихъ обществу. Это также вовсе не всегда тщеславіе; наоборотъ, это очень часто скромность, это именно желаніе не выдѣляться между другими. Извѣстно, что можно быть смѣшнымъ и въ плохомъ, и въ очень нарядномъ платьѣ. Во многихъ случаяхъ это только социальная война, которая ведется въ области вкуса.

Служанка мучается цѣлый годъ, чтобы въ немногіе праздничные дни не узнавали въ ней сейчасъ-же служанки, а принимали-бы ее за барышню. Достойно-ли это порицанія? Развѣ дамы всѣхъ слоевъ общества не стремятся всегда къ тому, чтобы имѣть такіе-же туалеты, какъ дамы выше ихъ стояція?

Кто изобрѣтаетъ моды въ Германіи? Почему дамы носятъ такія сумасшедшія модныя шляпы? Развѣ онѣ, которыя должны были-бы своимъ примѣромъ мудраго самообладанія дѣйствовать воспитывающимъ образомъ на народъ, имѣютъ право предписывать законы такъ называемымъ низшимъ классамъ? Развѣ это не отрадно и не есть признакъ высшихъ стремленій, что нашъ рабочій народъ плохо чувствуетъ себя въ воскресеніе въ своей рабочей одеждѣ, и что онъ своимъ внѣшнимъ видомъ и манерами хочетъ походить на лучше поставленные классы? Мнѣ казалось въ Англіи признакомъ высокой культуры, что въ воскресеніе почти нельзя отличить рабочаго одѣтаго джентльменомъ, отъ человѣка лучшаго общества.

Дерзость. Вообще маленькія дѣти всѣ безъ исключенія робки и скромны. Безъ исключенія. Они съ недоумѣніемъ вступаютъ въ жизнь и правы въ этомъ. Потому что только недоумѣніе защищаетъ ихъ отъ гибели. Постепенно они сживаются со своей средой. Они при этомъ съ такой же осторожностью приступаютъ ко всему, какъ животныя, которыя съ дѣтства пользуются своими острыми чувствами для того, для чего чувства собственно и существуютъ: для самозащиты. Если ребенокъ, вначалѣ такой скромный, съ годами становится дерзкимъ, то причина этого лежитъ во всякомъ случаѣ въ окружающихъ его условіяхъ. Ребенокъ

въ такихъ случаяхъ, значить, получилъ представленіе, что окружающіе его люди болѣе слабы въ своей волѣ и поступкахъ, чѣмъ онъ. Это происходитъ отъ того, что взрослые нарочно не пользуются своими силами по отношенію къ ребенку, ради игры, или по слабости и мягкости характера. Мать позволяетъ ребенку въ шутку бить себя, отецъ позволяетъ ему тоже шутки ради срывать шляпу съ головы. Это всѣ находятъ очень забавнымъ, а ребенокъ привыкаетъ къ этимъ деспотическимъ выходкамъ, и считаетъ, что онъ поступаетъ хорошо и что имѣетъ на это право. И такимъ образомъ, слабый отъ рожденія и сознающій свою слабость, ребенокъ становится совершенно естественно дерзкимъ и нахальнымъ существомъ. Дѣти очень тонко понимаютъ разницу между серьезнымъ дѣломъ и игрой. Они очень хорошо понимаютъ, когда взрослые играютъ съ ними, и когда они серьезны и не желаютъ играть. Ребенокъ пытается, конечно, иногда игнорировать и перейти эти границы, такъ какъ ему трудно оставить сферу игры, но здѣсь именно воспитатель долженъ помнить свою руководящую роль. Онъ долженъ относиться просто и возможно болѣе довѣрчиво къ дѣтямъ, но не долженъ при этомъ терять своей собственной личности. Это—коренная ошибка всякаго ложно—свободнаго воспитанія. Но это также несправедливо, когда намъ, воспитателямъ—реформаторамъ, приписываютъ эту ошибку. Мы очень хорошо знаемъ сущность нашей профессіи воспитателей, ея права и обязанности. Ребенокъ не станетъ дерзкимъ, когда въ обращеніи съ нимъ будутъ всегда помнить о его человѣческомъ достоинствѣ. И это уваженіе, котораго ребенокъ требуетъ къ себѣ, онъ самъ долженъ потомъ въ одинаковой степени оказывать всѣмъ людямъ. Дѣломъ воспитателей является развитіе въ ребенкѣ чувства уваженія и почтенія къ другимъ. Гете называетъ уваженіе цѣлью всякаго воспитанія. Это особенно усердно повторяютъ всѣ послѣдователи строгой, требующей почтенія къ авторитетамъ, педагогики. Но они забываютъ при этомъ, что Гете говорилъ также объ уваженіи къ слабымъ и малымъ симъ, что для него это почтеніе было то же самое, что для Римлянъ—*pietas*—милосердіе. Это слово также обозначаетъ поведеніе, согласное съ долгомъ, по отношенію ко всѣмъ людямъ; и отъ отца требуется справедливость и милосердіе по отношенію къ ребенку, а не только наоборотъ. А мы, современные воспитатели, требуемъ этой справедливости или уваженія даже по отношенію къ животному или растенію. Въ такой обстановкѣ не будетъ для ребенка ни толчка, ни повода быть дерзкимъ. Когда господа вѣжливо обращаются съ прислугой, когда гувернанткѣ и въ обществѣ оказывается ея хозяевами должное ей уваженіе, тогда и въ ребенкѣ не разовьется дерзость. Но когда въ нашемъ обществѣ считается хорошимъ тономъ именно обра-

шение свысока съ прислугой, чѣмъ колеблется чувство уваженія къ людямъ у дѣтей, то не надо также удивляться, что они становятся дерзкими. Дѣти богатыхъ людей гораздо чаще обладаютъ этимъ недостаткомъ, чѣмъ дѣти бѣдняковъ. Бѣдныя дѣти большей частью сознаютъ свою зависимость и безсиліе и смотрятъ съ безграничнымъ восхищеніемъ на нарядныхъ и живущихъ въ роскоши богачей. Но когда эта скромность переходитъ у нихъ въ упрямство и дерзость, то это почти всегда является сознательнымъ продуктомъ воспитанія, это есть ненависть и зависть родителей, перенесенная въ ихъ дѣтскія отъ природы незлобивыя сердца. Мнимое огрубѣніе современной молодежи есть сознательное возмущеніе противъ верхнихъ слоевъ общества, все болѣе рѣзко отдѣляющихся отъ остальныхъ классовъ. Тамъ, гдѣ еще существуютъ здоровыя, патріархальныя отношенія и гдѣ высшіе и низшіе живутъ еще общей жизнью—тамъ нѣтъ и почвы для развитія дерзости. Воспитаніе должно также здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, исходить изъ спокойнаго и дружескаго поученія и дѣйствовать примѣромъ, чтобы устранить зло. Зачастую одна какая нибудь единичная дерзкая выходка не есть еще проявленіе дерзости, а только неловкое выраженіе своей силы и сознанія собственнаго достоинства. Дѣти во многихъ случаяхъ не понимаютъ вполне значенія своихъ словъ. Они также говорятъ между собой на другомъ языкѣ, чѣмъ взрослые. Слова, которыя обычно употребляются между сверстниками и никого тамъ не задѣваютъ, воспринимаются взрослыми, какъ пренебреженіе и насмѣшка надъ ихъ авторитетомъ. Когда сынъ говоритъ отцу: „не болтай-же глупостей“, то это можетъ быть и сознательной дерзостью, но можетъ и не быть этимъ.

Зачастую дерзость является также замаскированной застѣнчивостью. Именно дѣти очень стѣсняются, мальчики, можетъ быть, еще больше, чѣмъ дѣвочки, проявлять какія-нибудь нѣжныя чувства. Особенно во время какихъ-нибудь лирическихъ переживаній. Тогда подростки и молоденькія дѣвушки становятся съ виду дерзкими. Это мнимая дерзость есть только средство защиты, которымъ чувствительная душа хочетъ охранить себя отъ собственнаго и чужого прикосновенія. И какъ разъ тогда, когда душа особенно глубоко чувствуетъ говорятся самыя отталкивающія слова. Сколько разъ любящая дѣвушка оттолкнула отъ себя такимъ образомъ навсегда любимаго юношу, и потомъ оплакивала это долгіе годы—и наоборотъ! Въ этомъ возрастѣ, который вообще представляетъ воспитателю больше всего загадокъ, люди или преувеличенно замкнуты или преувеличенно откровенны и дерзки. И то, и другое означаетъ одинаковое желаніе защитить свою душу, и довольно часто встрѣчаются вмѣстѣ. Но одновременно растетъ также жела-

ніе выйти изъ дѣтскихъ лѣтъ и доказать свое внутреннее развитіе внѣшнимъ образомъ. И школа, и семья возмущаются тайнымъ куреніемъ сигаръ, попойками, ношеніемъ палки и другими ранними и преувеличенными проявленіями взрослости въ юношахъ, а въ дѣвушкахъ ихъ любовью къ нарядамъ, пустотой и жеманствомъ, съ которымъ онѣ желаютъ уже изображать изъ себя молодыхъ дамъ. Это все тоже объясняютъ дерзостью, недостаткомъ самопознанія. Потому что юности приличествуетъ вѣдь скромность! Она не должна дерзать даже одѣваться, держать себя и вообще вести такой же образъ жизни, какъ взрослые.

Это есть опять борьба противъ природы. И поэтому совершенно излишняя. Сначала нужно, по крайней мѣрѣ, признаться самому себѣ, что тутъ нѣтъ никакого зла, а затѣмъ надо признать и за молодежью право роста и развитія: они хотятъ и должны стать взрослыми. Если они ошибаются въ средствахъ, то это зачастую происходитъ именно отъ того, что въ нихъ слишкомъ круто подавляется ихъ естественное сознаніе собственнаго достоинства. Въ школѣ ихъ называютъ конечно, еще, глупыми мальчишками, молокососами, но они хотятъ доказать взрослымъ, что они уже больше не дѣти и преувеличиваютъ поэтому наружные признаки наступившей зрѣлости. Нужно также принять въ соображеніе и то, что ребенокъ въ этихъ вещахъ считается съ мнѣніемъ своихъ сверстниковъ. Подростающимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, конечно, гораздо важнѣе мнѣніе и сужденіе о нихъ сверстниковъ, чѣмъ взрослыхъ, которые въ корнѣ вѣдь имъ совершенно чужды.

Потому что сынъ сосѣда носить высокіе воротники и палку, потому что онъ не позволяетъ себѣ дѣлать никакихъ замѣчаній ни своимъ сверстникамъ, ни родителямъ, ни учителямъ, ни вообще взрослымъ—его другъ, по чисто социальному инстинкту, считаетъ необходимымъ держать себя такъ же точно. При этомъ онъ хочетъ добиться одобренія товарища, которому онъ хочетъ доказать, что онъ не отстаетъ отъ него. Къ этому присоединяются еще, внося обостреніе, взаимныя отношенія между поколѣніями. Мальчикамъ гораздо важнѣе, чтобы о нихъ были хорошаго мнѣнія дѣвочки, чтобы онѣ не смѣялись надъ нами и вообще импонировать дѣвочкамъ, чѣмъ поступать согласно желаніямъ воспитателей. Воспитатель долженъ стараться понять это совершенно своеобразное социальное чувство въ молодежи.

Если онъ сѣмѣлъ стать на этомъ пути опять товарищемъ въ жизни молодежи, то для него не будетъ существенныхъ сюрпризовъ и неожиданностей при воспитаніи. Тогда онъ находитъ также объясненіе для каждаго отдѣльнаго явленія, которое не волнуетъ и не сердитъ его, не даетъ ему повода для морализированія, а только матеріаль для размышленія

и сравненія. И здѣсь онъ приходитъ къ убѣжденію, что дѣло только въ томъ, чтобы научиться понимать, что значить научиться также прощать. И раньше всего опытный воспитатель долженъ знать, что все это есть только переходныя явленія, связанныя съ опредѣленными годами развитія, и что поэтому не надо употреблять насильственныхъ средствъ, чтобы излечить то, что измѣнить само время. Потому что дерзость можно ограничить въ ея внѣшнемъ проявленіи, но не искоренить ея совсѣмъ. Отъ природы дерзкій человѣкъ остается дерзкимъ, развѣ только когда путемъ ласки и снисходительности удастся измѣнить его къ лучшему.

У насъ въ Германіи воспитываютъ въ дѣтяхъ слишкомъ много скромности и покорности. Мы должны были бы по этому переносить слишкомъ сильныя юношескія явленія или сознанія своей личности съ вѣрой, что это есть выраженіе, и обыкновенно также, плодъ сильной индивидуальности. Жизнь уже сама дастъ содержаніе этой силѣ, а міръ представитъ достаточно препятствій, съ которыми она можетъ помѣряться. Все таки лучше такой избытокъ сознанія своей силы, чѣмъ противоположное явленіе—чувство безсилія и покорности. Какъ часто мы встрѣчаемъ людей, которые гибнутъ изъ за недостатка вѣры въ себя! Какъ часто жизнь теряетъ для людей всякую цѣнность только потому, что ихъ никогда не покидаетъ чувство застѣнчивости, сознаніе, что другіе люди считаютъ ихъ ничего не стоящими, и что всѣ другіе лучше, умнѣе и энергичнѣе ихъ. Если еще подавлять, появляющійся внезапно и неуверенно, остатокъ вѣры въ себя, который только по неловкости выражается въ формѣ дерзости, тогда человѣкъ становится совершенно безоружнымъ, тогда именно развиваются тѣ напуганныя натуры, которыя никогда больше не обрѣтаютъ внутренняго равновѣсія и вѣры въ себя. У насъ, конечно, будутъ тогда такъ называемыя послушныя дѣти, дѣти, которыя никогда не противорѣчатъ, которыя всякому незнакому человѣку робко протягиваютъ руку, которыя охотно слушаются всякаго приказанія учителя, но которыя никогда не имѣютъ собственной воли и собственной инициативы въ дѣлѣ, которыя никогда не смѣютъ отважиться на „нѣтъ“, когда другой говоритъ: „да“. И такъ они поступаютъ во всѣхъ возрастахъ. Сломленная въ дѣтствѣ вѣра въ себя похожа на дерево, у котораго сломали послѣдній побѣгъ: оно никогда больше не будетъ здоровымъ и сильнымъ. Несомнѣнно лучше переносить этотъ выходящій изъ границъ задоръ молодежи съ вѣрой въ то, что, какъ говоритъ Гете, молодое вино перебродитъ и станетъ крѣпкимъ. Англійскому воспитанію, при помощи чувства уваженія, которое оно развиваетъ въ молодежи во всѣхъ отношеніяхъ, удастся развить въ ней сильную вѣру въ себя, которая однако не

вырождается въ дерзость. Такого мнѣнія придерживаются нѣмецкіе воспитатели, которые изучали англійскую молодежь въ ея родной странѣ. Я вынесъ оттуда такое-же впечатлѣніе. Молодежь, полная благородной искренности, прямая, довѣрчивая, увѣренная въ себѣ, но не дерзкая. Въ ея взорѣ нѣтъ ничего рабски-угодливаго, ничего безпокойнаго и раньше всего ничего собачьяго. Но мы знаемъ также, что англійскіе воспитатели относятся очень снисходительно къ ошибкамъ молодежи, потому что ихъ взоръ всегда устремленъ въ будущее, именно на будущаго человѣка. Нужно помнить, что всѣ люди, которые потомъ очень многое сдѣлали въ жизни, считались въ молодости нескромными и дерзкими. Это идетъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, отъ Алкивіада до Ницше. Вѣдь и зрѣлыхъ людей, когда они осмѣливаются хотѣть быть другими или лучшими, чѣмъ остальная масса ихъ товарищей по профессіи, или по общественному положенію, порицаютъ за нескромность. Едва-ли найдется хоть одинъ великій поборникъ культуры, котораго не обвиняли бы въ свое время въ нескромности и въ недостаточномъ почтеніи къ мнимымъ и наиболѣе призваннымъ судьямъ.

Злость и жестокость. Нѣкоторыя дѣти пугаютъ насъ уже въ раннемъ дѣтствѣ своей, большей частью скрытой, злобой и жестокостью. Они любятъ мучить животныхъ, заирать и раздражать людей, злорадствуютъ, когда тѣ сердятся или страдаютъ. Они обнаруживаютъ хитрость и жестокость, которая заставляетъ думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ, въ корнѣ болѣзненной или испорченной, натурой. Здѣсь не имѣется въ виду та общая всѣмъ людямъ жестокость, необходимая съ первобытныхъ временъ человѣку для сохраненія рода, та жестокость, которую порождаетъ сила и жажда знанія.

Нѣтъ, мы говоримъ здѣсь о тайномъ, злобномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бессмысленномъ мучительствѣ другихъ созданій. Откуда у нѣкоторыхъ дѣтей появляется такая черта, трудно сказать, и на этотъ вопросъ должны попытаться отвѣтить психологи. Я предполагаю, что она во многихъ случаяхъ является результатомъ дурнаго обращенія съ дѣтьми въ раннихъ годахъ со стороны грубой прислуги. Этимъ пробуждаются ужъ въ первые годы жизни чувства мести въ ребенкѣ, которымъ негдѣ проявлять себя, которыя поэтому накапливаются, какъ-бы застаиваются въ душѣ, и затѣмъ проявляются при первомъ удобномъ случаѣ. Ребенокъ, котораго въ раннемъ дѣтствѣ много мучили и били, который никогда не можетъ понять необходимости и справедливости побоевъ, теряетъ такимъ образомъ всякое понятіе о правѣ и справедливости. Натура, которую мучили, мститъ тѣмъ, что она мучитъ другихъ. Можно было-бы думать, что народы, которые страдаютъ отъ деспотизма властителей, такъ глу-

боко научатся понимать и сочувствовать страданіямъ и угнетенію, что бы желать вообще уничтожить такое зло въ мірѣ. Но нѣтъ, они удваиваютъ суровость и жестокость, и дѣлаютъ это, автоматически и не сознавая страстей, руководящихъ ими. Такимъ образомъ жестокость болѣе сильныхъ не смягчаетъ и не покоряетъ болѣе слабыхъ, а дѣлаетъ ихъ болѣе дикими. Слабый всегда думаетъ о мести; когда онъ когда-нибудь самъ пріобрѣтетъ власть надъ другими, онъ пользуется случаемъ и проявляетъ ее съ хитростью и коварствомъ, такъ какъ силы у него мало. Во многихъ случаяхъ наблюдалось также, что эта склонность къ жестокости стоитъ въ тѣсной связи съ половой жизнью и поэтому объясняется также нервнымъ расстройствомъ. Я рекомендую поэтому въ такихъ случаяхъ не слишкомъ суровыя мѣры. И здѣсь нужны отвлеченіе, общее укрѣпленіе натуры ребенка и его самосознанія, и въ связи съ этимъ направленіе его на здоровую, разумную дѣятельность. Мы должны перевести такого ребенка въ другую, новую среду окружить его любовью, хорошимъ физическимъ уходомъ, давать ему возможность проводить время въ веселыхъ играхъ со сверстниками. Если это не помогаетъ, то нужно, чтобы ребенокъ научился понимать на своемъ собственномъ тѣлѣ тѣ боли, которыя онъ причиняетъ другимъ. Принесетъ-ли эта мѣра пользу, во всякомъ случаѣ является вопросомъ. Здѣсь мы опять должны повторить то, что можно сказать вообще для всѣхъ случаевъ: какъ тѣла, такъ и души бываютъ больныя, ненормальныя, которымъ нельзя помочь ни тѣлесной, ни душевной медициной. Но число такихъ случаевъ меньше значительно, чѣмъ принято большей частью думать, и родители не имѣютъ основанія отчаиваться до тѣхъ поръ, пока не исчерпаны всѣ вышеназванныя попытки и способы леченія.

Половые извращенія. Во всякомъ нормальномъ ребенкѣ, вначалѣ совершенно нечувствительномъ въ половомъ отношеніи, съ возрастомъ развиваются половыя ощущенія. Это развитіе наступаетъ много, много раньше, чѣмъ это думаютъ и знаютъ родители. Поэтому эта глава о воспитаніи заслуживаетъ, конечно, величайшаго вниманія. Здѣсь мы должны вспомнить, что до сихъ поръ на эту сторону воспитанія не обращали вниманія. А почему? Потому что отношеніе къ половой жизни, какъ къ чему-то грѣшному и порочному, дѣлало совершенно невозможнымъ спокойное, научное и чисто человѣческое отношеніе къ половому вопросу. Сюда присоединяется далѣе и то, что благодаря-ли естественнымъ побужденіямъ, или вслѣдствіе воспитанія, для родителей стало чрезвычайно труднымъ разговаривать свободно и непринужденно объ этихъ вещахъ со своими собственными дѣтьми. Надъ половыми вопросами лежитъ разъ

навсегда какой-то таинственный флеръ. Уваженіе къ родителямъ основано на томъ таинственномъ мракѣ, который окружаетъ въ глазахъ дѣтей родителей—этотъ непонятный, но все таки признанный источникъ жизни.

Ребенокъ хочетъ чтить въ своей матери мадонну. И у него отнимается все лучшее, что ему даетъ домашнее воспитаніе, когда онъ видитъ, что и его мать—страстная, чувственная женщина. Въ этой области больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, примѣръ—это все. Отъ полнаго просвѣщенія дѣтей въ половыхъ вопросахъ, которое въ наше время такъ сильно проповѣдуется и страннымъ образомъ, больше всего женщинами и дѣвушками—я жду мало пользы, или вовсе не жду ея. Откровенное объясненіе не удовлетворяетъ любопытства дѣтей потому, что главное и важнѣйшее въ этой области—чувственное желаніе и его удовлетвореніе—не поддается объясненію, или при описаніи дѣйствуетъ развращающимъ образомъ. Когда вся человѣческая жизнь протекаетъ въ скромныхъ и естественныхъ формахъ, какъ напримѣръ въ деревнѣ, въ еще прочной крестьянской семьѣ, то и проблема зарожденія и рожденія воспринимается ребенкомъ чисто, какъ проявленіе и часть жизни окружающей его природы, и понимается дѣтьми соотвѣтственно ихъ возрасту.

Я не думаю, чтобы какіе-нибудь крестьянскіе родители просвѣщали своихъ дѣтей въ половыхъ вопросахъ, и тѣмъ не менѣе дѣти ихъ въ свое время знали, такъ-же, какъ и курица во дворѣ и скоть на пастбищѣ, чего ждетъ отъ нихъ природа. Почему-же въ наше время придаютъ такое важное значеніе этому вопросу и такъ сильно выдвигаютъ его на первый планъ? Только потому, что вся наша жизнь, какъ половая, такъ и вообще вся область чувствъ и ощущеній, сошла съ своего нормальнаго пути. И потому что у насъ нѣтъ нужной физической и нервной силы, чтобы чувствовать и переживать нормально эти нормальные процессы. Всевозможныя обстоятельства являются причиной половыхъ извращеній: унаслѣдованная слабость, переутомленные нервы, страданія отъ гнета ученія, испытаній, отъ экзаменаціонныхъ бѣдъ; фантазія, разгорячаемая развращающими разговорами, чтеніемъ, раздражающимъ чувственность, театромъ, балетомъ и т. п.; стремленіе родителей, чтобы дѣти уже въ возможно юномъ возрастѣ постигали салонное обращеніе; къ этому присоединяются еще всевозможныя возбуждающія нервы средства, какъ чай, кофе, пиво, вино и никотинъ; ко всему этому—еще дурной примѣръ самихъ родителей, недостаточный надзоръ за молодежью—и затѣмъ, въ рѣшительныхъ случаяхъ, лицемерное возмущеніе. Наши врачи утверждаютъ, что между городскими мальчиками около 90%, между городскими дѣвочками около 60%—страдаютъ она-

низмомъ. Я говорю съ намѣреніемъ, „страдають“. Я ни въ коемъ случаѣ не могу назвать порокомъ или грѣхомъ то, что является послѣдствіемъ совращенія, неопытности и психической слабости, какъ я говорилъ уже въ первой части этой книги. Фактъ существуетъ; ничего не выйдетъ, если мы будемъ только плакаться или возмущаться имъ. Нужно признать существованіе этого факта и бороться съ нимъ. Я рекомендую вначалѣ здѣсь, какъ и во всѣхъ случаяхъ, такія близкія и довѣрчивыя отношенія между родителями и дѣтьми, чтобы, въ этихъ послѣднихъ и самыхъ мучительныхъ для нихъ вопросахъ, дѣти могли обратиться съ довѣріемъ къ своимъ родителямъ. Тамъ, гдѣ этого удастся добиться, воспитаніе достигло величайшихъ успѣховъ. Тогда родители будутъ такъ-же честно отвѣчать на эти вопросы, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ, и никогда не будутъ дѣлать ошибокъ на этомъ пути. Когда дѣти питаютъ полное довѣріе къ своимъ родителямъ, они будутъ имъ также сообщать о всѣхъ попыткахъ, которыми имъ, кто-нибудь стоящій внѣ семьи, пытается раскрыть тайну половой жизни. Въ болѣе юныхъ годахъ дѣти дѣлаютъ это вполне невинно и простодушно. Такимъ образомъ родители получаютъ опять желанную возможность вліять на своихъ дѣтей, и могутъ исправить, или совершенно устранить непростенное поученіе со стороны. Если дѣти совращены уже въ раннемъ возрастѣ, отъ чего мы едва-ли можемъ оградить ихъ, особенно при посѣщеніи ими школы—тогда, конечно, уже многое испорчено, и является м. б., большой но необходимой жестокостью, возможно скорѣе удалить такихъ дѣтей, которыя сами уже испорчены въ такомъ раннемъ возрастѣ и могутъ или хотять совратить и другихъ. Но куда дѣвать такихъ дѣтей? Такъ спрашиваютъ иногда жестоко пораженные родители. Такихъ дѣтей надо посылать въ лечебницы, или во всякомъ случаѣ, они должны находиться подъ наблюденіемъ врача. Врачъ предложитъ тогда подходящее къ случаю леченіе. Тѣмъ, что къ ребенку относятся, какъ къ больному, ухаживаютъ за нимъ, какъ за больнымъ, вмѣсто того, чтобы запугивать или наказывать его—уже начать правильный путь леченія.* Нѣтъ ничего хуже, какъ запугивать ребенка, какъ предоставить его собственнымъ силамъ, какъ возлагать на его, отъ природы слабую, волю еще отвѣтственность. Ребенокъ совершенно изнуряется въ такихъ случаяхъ отъ ужасной душевной борьбы, отъ постояннаго напряженія воли, и отъ постоянной невозможности побѣдить свой недугъ. Воспитатель долженъ постепенно, какъ при методической гимнастикѣ, укрѣплять волю ребенка и избавлять его отъ страха и раскаянія при единичныхъ неудачахъ. Ребенокъ долженъ чтить въ воспитателѣ товарища и друга, который, какъ врачъ, общается ему спокойное развитіе душевной силы и здоровья. Воспи-

татель долженъ стараться отвлечь интересъ ребенка отъ половой сферы, относиться къ этому вопросу, какъ къ исчерпанному, не стоящему вниманія, заботиться о томъ, что-бы у ребенка явились новые, сильные и радостные импульсы къ жизни; онъ долженъ начать новую, здоровую жизнь съ ребенкомъ, которая должна главнымъ образомъ проходить въ физической дѣятельности на лонѣ прекрасной природы, между жизнерадостными людьми. Сюда должно присоединиться далѣе бодрое поощреніе закалить тѣло и сдѣлать его послушнымъ и трудоспособнымъ слугою духа. Нужно оживить сознание собственнаго достоинства и гордость въ ребенкѣ. Нужно указать ребенку на всѣ тѣ блага и высокія радости, которыя жизнь обѣщаетъ тому, кто въ молодости закалилъ свои силы для борьбы. Строгое раздѣленіе половъ въ школѣ и въ обществѣ не принесло желанныхъ и ожидаемыхъ успѣховъ. Мы слышимъ, наоборотъ, что при совмѣстномъ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ естественныя простыя взаимныя отношенія охраняютъ дѣтей долѣе отъ половыхъ возбужденій и проявленій половой дѣятельности. Мы должны въ этихъ вещахъ отложить въ сторону унаслѣдованную „стыдливость“ и научиться думать и чувствовать болѣе просто и естественно. Полное просвѣщеніе въ половыхъ вопросахъ и стыдливость — вопросъ, что хуже. И то, и другое слишкомъ усиливаетъ интересъ ребенка къ половымъ вопросамъ и создаетъ въ дѣтяхъ представленіе, что это нѣчто важное въ жизни, какъ они это и предполагали. Въ противоположность такому представленію нужно дѣтямъ постоянно подчеркивать, что половые вопросы ихъ собственно еще очень мало касаются. Но вообще недостаточно имъ только говорить, имъ нужно это доказывать на дѣлѣ, поступками. Это достигается тѣмъ, что дѣтямъ предоставляется полная возможность свободно проявлять другія ихъ наклонности, и что честолюбіе ихъ направляютъ на цѣли, лежащія въ этомъ направленіи. Въ этомъ отношеніи англичане опять таки являются мастерами. Англійскій мальчикъ стремится получить первый призъ при состязаніяхъ всякаго рода. Поэтому онъ закаляетъ свои силы и постоянно думаетъ о своемъ крокетѣ и футѣ—боллѣ. Мы, нѣмцы, смѣялись до сихъ поръ надъ этими лѣнливыми мальчиками, которые очень равнодушно относятся къ своимъ дурнымъ отмѣткамъ по латинскому языку или въ англійскомъ правописаніи. Мы такъ гордились нашими школами, мы думали, что, кто не равенъ намъ въ этомъ отношеніи, дѣлаетъ самую важную ошибку въ воспитаніи. Мнѣ лично гораздо симпатичнѣе мальчикъ, который въ классѣ по всѣмъ предметамъ идетъ не изъ первыхъ, чѣмъ образцовый первый ученикъ съ блѣднымъ цвѣтомъ лица и робкимъ взглядомъ.

Для жизни совершенно безразлично, владѣеть-ли чело-

вѣкъ безупречно въ грамматическомъ отношеніи 2—3—4-мя иностранными языками; несмотря на это, онъ все таки можетъ быть глубоко несчастнымъ человѣкомъ, который въ тягость себѣ и другимъ. Наоборотъ здоровый и цѣломудренный юноша, который всегда пишетъ скверно свои переводы, но у котораго за то розовыя щеки, ясные глаза и чистая совѣсть,—создастъ себѣ счастливую жизнь, будетъ жить на радость себѣ и другимъ. Когда, наконецъ, люди признають истинныя цѣнности жизни, когда они наконецъ освободятся и перестануть гнаться за пустыми, только воображаемыми цѣнностями?

Все это шарлатанство съ дипломами, дающими права, отъ которыхъ уже въ теченіи ста лѣтъ стонетъ нѣмецкая молодежь, выработка сухихъ бюрократическихъ душъ—все это должно было-бы быть уничтожено сопротивленіемъ народа, который сознательно относится къ себѣ и своимъ истиннымъ интересамъ. Тогда молодежь вступала-бы также гораздо жизнерадостнѣе въ жизнь съ ея борьбой за существованіе и получала бы возможность гораздо раньше вступить въ бракъ. Тогда нѣмецкій молодой человѣкъ не былъ бы осужденъ, какъ теперь, или на неестественное воздержаніе въ теченіи 20—30 лѣтъ, или на сношенія съ проститутками; половина нашихъ дѣвушекъ, особенно изъ лучше поставленныхъ классовъ общества, не должны были бы оставаться незамужними и такимъ образомъ лишаться возможности исполнить свое назначеніе въ жизни. Всѣ вопли о безнравственности нашей молодежи, исходящія отъ тѣхъ, которые или слишкомъ слабы для того, чтобы сами понимать или испытывать чувственныя влеченія, или слишкомъ изолгались, чтобы признать свою чувственность и обуздывать ее—вся эта пустая болтовня должна была-бы прекратиться, еслибы наше воспитаніе дѣйствительно заслуживало имени воспитанія. Это воспитаніе совершенно не обращаетъ вниманія на то, чтобы сдѣлать нашу молодежь физически, духовно и морально дѣльной и пригодной для жизни; за то оно нагромождаетъ знанія, односторонне развиваетъ только разумъ молодежи, дѣйствуя при этомъ недостаточными средствами на совершенно неподходящихъ объектахъ, и въ заключеніе стремится и достигаетъ только внѣшняго общественнаго и соціальнаго успѣха. Наша молодежь создала-бы для себя гораздо лучше и болѣе здоровые законы, если-бы мы предоставили ей свободу. Но она сама уже также подчиняется гнету традиціи и порядкамъ неизмѣнимыхъ государственныхъ учреждений. Унаслѣдованная нами мораль такъ мало стоитъ, что гораздо нравственнѣе поступать противъ нея, чѣмъ слѣдовать ей. Въ наше время считается болѣе нравственнымъ, когда дѣвушка разрушаетъ свое собственное тѣло, свое уваженіе къ себѣ и даже жизнь, тайнымъ по-

рокомъ, чѣмъ, когда она, изъ свободнаго и радостнаго побужденія, слѣдуя завѣту природѣ или голосу своего сердца, отдается любящему и любимому человѣку. Внѣбрачнаго ребенка и живущую внѣ законнаго брака мать общество клеймитъ своимъ презрѣніемъ. Великая страсть, тайна зачатія и материнства, которыя у всѣхъ здоровыхъ народовъ считались самыми высокими святынями, больше всего заслуживающими почета и защиты, враждебно осуждаются и преслѣдуются теперь церковью и государствомъ.

Должны-ли поэтому молодые люди свободно и безъ удержу предаваться своимъ страстямъ? Они будутъ это дѣлать тогда гораздо меньше, чѣмъ теперь. Имѣя возможность свободно и всецѣло проявлять свои чувства, молодые люди будутъ гораздо глубже, чѣмъ теперь, охвачены святостью своей собственной жизни, жизни любимой женщины и будущаго ребенка, и будутъ для нихъ дѣлать то, что дѣлаютъ во всѣ времена всякій самецъ и самка въ мірѣ животныхъ.

Итакъ, когда родители наблюдаютъ въ своемъ ребенкѣ сильное чувственное влеченіе къ другому полу, то они могутъ этому радоваться, такъ какъ это служитъ доказательствомъ того, что ихъ ребенокъ здоровъ и нормаленъ въ своихъ чувствахъ. Все воспитаніе должно вѣдь именно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать молодежь здоровой и сильной, такъ какъ она является посредницей и носительницей новыхъ восходящихъ поколѣній.

Отсутствіе интересовъ, невнимательность, легкомысліе и лѣнность. Пока маленькія дѣти находятся дома, матери постоянно жалуются только на ихъ, слишкомъ большую любознательность и живость. Они предлагаютъ столько вопросовъ, что на нихъ могли бы дать отвѣтъ только десять мудрецовъ, они устраиваютъ такой беспорядокъ въ домѣ, что ни мать, ни прислуга не успѣваютъ за ними прибираться. Они берутся во всѣхъ углахъ дома, знаютъ все, что дѣлается въ домѣ, подхватываютъ каждое бѣглое замѣчаніе, поразительно воспріимчивы, въ особенности въ тѣхъ областяхъ, гдѣ имъ не слѣдовало бы ничего знать, поражаютъ каждый день новыми знаніями и новыми желаніями—и всѣмъ этимъ кажутся своимъ родителямъ очень живыми и воспріимчивыми въ умственномъ отношеніи. Только, когда дѣти поступили въ школу, родители узнаютъ, что ихъ дѣти ничѣмъ не интересуются, невнимательны, легкомысленны и лѣнны. И тогда родители сначала сильно возмущаются школой и учителями. И наоборотъ—учителя возмущаются одинаковой глупостью всѣхъ матерей, которыя, всѣ безъ исключенія, говорятъ, что у нихъ живыя, способныя и послушныя дѣти, не хотятъ и слышать, что это не такъ, и ссылаются при этомъ на свой шести и семи-

лѣтній опытъ. Но, когда изъ года въ годъ, не только этотъ учитель, но и всѣ другіе также одинаково жалуются на ея мальчика, въ то время, какъ они такъ-же настойчиво и постоянно хвалятъ другихъ дѣтей съ противоположными качествами, чѣмъ у ея ребенка—тогда сама любящая мать начинаетъ недовѣрять собственному сужденію и собственному сердцу, и признается, жалуясь себѣ и другимъ, что учителя правы. Она убѣждается также сама, что ея ребенокъ все больше и больше теряетъ охоту къ работѣ, что онъ сидитъ, задумавшись надъ книгой, что онъ поверхностно готовитъ свои уроки и становится равнодушнѣе къ порицанію и къ похвалѣ. Мать видитъ также, что жизнь ея ребенка вообще совершенно разстроилась, что онъ потерялъ свою любознательность, непринужденность, охоту играть и свой веселый смѣхъ, что онъ равнодушнѣе, утомленѣе, вялѣе и раздражителнѣе. Значитъ, учителя все-таки были правы, и мать должна съ болью признаться самой себѣ, что она дала жизнь малоспособному, неудачному ребенку. Но она имѣетъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что ея ребенокъ добронравнѣе, что, если онъ не умно говоритъ, то за то держитъ и ведетъ себя честно и пристойно. Но и это утѣшеніе скоро отнимается у нея. Домой начинаютъ получаться записки изъ школы: Карлъ списалъ свою работу—на часъ оставили въ школѣ; Карлъ хотѣлъ ложью уклониться отъ какой-нибудь школьной обязанности—выговоръ въ классной книгѣ; Карлъ поддѣлалъ подпись и упрямо настаиваетъ на своемъ обманѣ—на 2 часа оставили въ школѣ; и въ тотъ-же самый день его записали за невнимательность на двухъ урокахъ въ классную книгу; Карлъ списалъ что-то у своего сосѣда, онъ заслуживаетъ серьезнаго порицанія за свое поведеніе. Школьное сообщеніе къ Рождеству: успѣхи Карла въ латинскомъ и греческомъ ниже требованій класса, поэтому онъ не сможетъ перейти въ слѣдующій классъ. Его поведеніе также вызываетъ серьезныя размышленія, по этому настоятельно необходимо переговорить съ его отцомъ. Дома, гдѣ уже поколеблена вся вѣра въ юношу, во все время школьнаго ученія, увѣщанія чередуются съ наказаніями. Родители исчерпываютъ весь арсеналъ своихъ педагогическихъ дисциплинарныхъ средствъ: суровая брань отца, при этомъ смягчающія слова матери, сопровождаемая слезами и обѣщаніе поѣхать въ воскресенье къ теткѣ за городъ; на слѣдующій день изъ за плохой отмѣтки за латинскую письменную работу, конечно, отмѣна этого удовольствія, и, вмѣсто него, домашній арестъ на все воскресенье. Отецъ рекомендуетъ сыну карьеру слесаря или трубочиста и обѣщаетъ, что при слѣдующей плохой отмѣткѣ онъ серьезно займется этимъ. Чтобы еще больше усилить эффектъ своихъ словъ, онъ въ продолженіи недѣли совершенно не замѣчаетъ и не разго-

вариваетъ съ мальчикомъ, не цѣлуетъ его передъ сномъ; эти блага мальчикъ можетъ опять пріобрѣсти только хорошей отмѣткой за слѣдующій переводъ. День рожденія мальчика похожъ на день траура; гости являются съ соболѣзующими лицами и словами; они робко говорятъ, что дѣло еще поправимо и указываютъ на то, что дядя Феликсъ, который разбогатѣлъ въ Америкѣ, тоже долженъ былъ выйти изъ четвертаго класса гимназіи. Затѣмъ дѣлаются, конечно, попытки утѣшить родителей; дѣло, конечно, плохо, но все таки не надо терять мужества. Считаюсь съ плохимъ поведеніемъ Карла, милые родственники дарятъ ему худшіе подарки къ дню его рожденія. Они пользуются этимъ случаемъ, чтобы своей экономіей воспитывать мальчика. Къ сожалѣнію, не приходитъ также въ этотъ день и лучшей другъ мальчика. Подозрѣніе подтверждается: родители послѣдняго запрещаютъ ему дружить съ такимъ плохимъ ученикомъ. Незадолго до Пасхи мать дѣлаетъ послѣднюю попытку къ спасенію: и классный наставникъ сына холодно вѣжливъ съ нею. Она слышитъ много, хотя, необходимыхъ, но очень непріятныхъ вещей: о переводѣ, конечно, нечего и думать. Но особенно классный наставникъ интересуется выборомъ будущей профессіи; онъ очень тепло говоритъ о золотомъ поприщѣ ремесленника и приходитъ въ сильное волненіе, говоря о болѣзненномъ честолюбіи родителей. Школа является средствомъ естественнаго подбора наилучше одаренныхъ дѣтей. Для честныхъ людей—честными они должны быть во всякомъ случаѣ—есть вездѣ поле дѣятельности. Съ искреннимъ и сердечнымъ огорченіемъ и, конечно, съ очень слабыми утѣшеніями прощается онъ съ матерью, которая осмѣливается передать, уже и безъ того раздраженному, отцу только треть того, что она слышала отъ учителя. Самая послѣдняя попытка дѣлается еще разъ, такъ-какъ старшій учитель оставилъ еще тѣнь надежды: приглашается для добавочныхъ уроковъ послѣ школы сосѣдь-гимназистъ старшаго класса, которому платятъ марку за часъ. Когда Карлъ, усталый и измученный приходитъ изъ школы, этотъ юноша бодро принимается за свой первый педагогическій опытъ. Въ началѣ онъ очень доволенъ своимъ ученикомъ. Онъ совершенно не понимаетъ, почему учителя не довольны Карломъ, который хочетъ и можетъ учиться. Но уже въ теченіе второй недѣли онъ мѣняетъ слегка свое мнѣніе; на третьей недѣлѣ онъ возмущается апатіей, невниманіемъ, поверхностностью и лѣнностью своего ученика, считаетъ очень умѣстнымъ дать ему пару пощечинъ и отдаетъ полную справедливость учителямъ, которые находятъ, что такой неспособный и лѣнивый ученикъ не долженъ попасть въ университетъ. До Пасхи репетиторъ еще выдерживаетъ, ему вѣдь есть на что употреблять деньги,

которые онъ получаетъ за эти частные уроки; но на Пасхѣ наступаетъ давно ожидаемая катастрофа. Родительскій домъ превращается въ домъ траура, никто не смѣетъ ни громко, заговорить, ни засмѣяться, вся семья чувствуетъ себя опозоренной. Мать заявляетъ вполне опредѣленно, что она не смѣетъ выйти на улицу, отецъ убѣгаетъ въ пивную будто-бы для того, чтобы не видѣть глупаго мальчишку, который портитъ ему настроеніе. Тамъ онъ бранитъ поочередно то школу, то своего мальчика, то высокіе налоги. Затѣмъ начинается новый учебный годъ, Карлъ долженъ опять взяться за старое. Въ актовомъ залѣ его привѣтствуетъ пѣніе хора. «Благодарите всѣ сердцемъ, устами и руками Бога, который творитъ добро намъ и всѣмъ людямъ во всѣхъ концахъ міра.» Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь господина директора. Она начинается радующимъ всѣ сердца, сообщеніемъ, что наступаетъ новый учебный годъ и что господинъ помощникъ учителя Леманъ принять въ число учителей, что онъ предоставитъ всѣ свои силы на службу школѣ, и что ученики должны его встрѣтить съ подобающей любовью и уваженіемъ. Послѣдній привѣтствуется рукоплесканіемъ; затѣмъ слѣдуетъ то, что называется у военныхъ чтеніемъ воинскаго устава: „Если ученикъ по неосторожности разбиваетъ оконное стекло, то онъ долженъ уплатить за него; ученики могутъ посѣщать рестораны и кондитерскія только въ сопровожденіи взрослыхъ; куреніе воспрещается ученикамъ низшихъ классовъ до 6-го включительно; ученикамъ же старшихъ классовъ въ публичныхъ мѣстахъ и въ присутствіи учителей...“ Затѣмъ слѣдуетъ грустное напоминаніе о тѣхъ ученикахъ, которые въ прошломъ году обнаружили, къ сожалѣнію, недостаточный интересъ къ наукѣ, вниманія и прилежанія—„а теперь, мои милые ученики, въ добрый часъ за работу!“ Послѣ недѣли вновь тихо нарождающейся надежды—Карлъ сидитъ на первой скамейкѣ и долженъ бы теперь, оставшись на второй годъ, преодолѣвать играючи всѣ науки, но скоро слѣдуетъ ударъ за ударомъ. Латинская работа 2—3, тридцатый ученикъ въ классѣ между 42-мя; греческая работа—едва 3—22-ой изъ 42-хъ учениковъ. Подъ этими работами подходящее замѣчаніе учителя: „Карлъ долженъ значительно сильнѣе наперчь свои силы, если онъ не хочетъ опять потерпѣть неудачу.“ И такимъ образомъ опять начинаются старыя страданія. Между тѣмъ Карлу начинаютъ говорить и въ семьѣ, и въ школѣ о золотой юности. Ему ставится на видъ, что онъ въ жизни будетъ часто вспоминать про эти прекраснѣйшіе годы со слезами тоски и сожалѣнія. Только, когда онъ вступитъ въ жизнь и узнаетъ ея суровость, онъ признаетъ и пойметъ, какъ ему хорошо жилось подъ любовной защитой родителей и заботой господъ учителей. Такъ это тянется изъ году въ годъ. Въ семнадцать лѣтъ онъ доби-

вается цѣли — перешель въ послѣдній классъ. За это время онъ сталъ ко многому не чувствителенъ, (кромѣ того достигъ виртуозности въ школьныхъ плутняхъ). Нѣтъ ни одной ухватки или уловки для обмана своихъ учителей которыми онъ не научился-бы пользоваться въ совершенствѣ: его бумажныя манжеты содержатъ въ сжатомъ видѣ историческую хронологію; на записочкѣ, зажатой въ ладони, написано микроскопическими цифрами все, что нужно гимназисту его класса для рѣшенія самыхъ запутанныхъ тригонометрическихъ задачъ. Нѣмецкіе подстрочники къ древнимъ классикамъ переплетены въ черную блестящую кожу и выглядятъ, какъ невинныя записныя книжки. При экзаменаціонныхъ работахъ бѣлая прозрачная бумага прикрываетъ тщательно сдѣланные чертежи, которые необходимо воспроизвести. Вотъ обычные приемы, которые становятся вѣрной привычкой. Въ особенныхъ случаяхъ его умъ изобрѣтаетъ и особенныя вспомогательныя средства. Такъ проходитъ школьное время у безчисленнаго количества нѣмецкихъ мальчиковъ и юношей. И потому, что они проходятъ такъ, потому, что школа портитъ душу ребенка, потому, что она дѣлаетъ изъ добрыхъ, невинныхъ, веселыхъ дѣтей лѣнивыхъ, угрюмыхъ, замкнутыхъ и безчестныхъ людей — я считаю это школьное воспитаніе ошибочнымъ.

Всякое воспитаніе должно способствовать развитію и подъему всѣхъ здоровыхъ жизненныхъ способностей и наклонностей. Если оно этого не дѣлаетъ, то оно ошибочно при всякихъ условіяхъ. Школы должны быть учрежденіями для блага и пользы дѣтей. Если онѣ не являются таковыми, то онѣ не достигаютъ своей цѣли. Тогда школы похожи на больницы, въ которыхъ больные дѣлаются еще болѣе больными. Я утверждаю, что большинство нашихъ нѣмецкихъ дѣтей вступаетъ въ жизнь съ здоровыми умственными способностями, что между ними есть многіе, которые не только достаточно, но слишкомъ умственно воспріимчивы, именно болѣе воспріимчивы, чѣмъ это можетъ перенести ихъ организмъ и чѣмъ можетъ использовать школа. Но всякій отдѣльный ребенокъ имѣетъ свои индивидуальныя свойства и способности, и требуетъ поэтому индивидуальнаго къ себѣ отношенія и обращенія. Всякій ребенокъ представляетъ собой заключительное звено безконечно старой и разнообразной цѣпи; во всякомъ ребенкѣ есть унаслѣдованные признаки его расы, крови, физическихъ и умственныхъ свойствъ и образа жизни его предковъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Даже страсти и ошибки родителей отражаются въ ребенкѣ. Онъ является такимъ образомъ носителемъ наслѣдственно развившихся чертъ, которыхъ онъ не можетъ избѣгнуть, и за которыя онъ никоимъ образомъ не является отвѣтственнымъ. Такъ-же мало,

какъ мы можемъ бранить ребенка за то, что у него голубые глаза, бѣлокурые волосы, мы имѣемъ право упрекать его и за то, что онъ медленно думаетъ и что у него спокойный темпераментъ. Мы не должны также надѣяться, что мы сможемъ хоть что нибудь измѣнить въ такомъ темпераментѣ убѣжденіемъ или наказаніемъ. Все, что дѣлается съ такой цѣлью, является бесполезнымъ мучительствомъ. Когда родители говорятъ съ учителями о своихъ дѣтяхъ, они должны были бы также, чтобы быть справедливыми къ своему ребенку,—но они этого никогда не сдѣлаютъ—принести и свои школьныя свидѣтельства съ отмѣтками. Несправедливо требовать отъ нашихъ дѣтей больше, чѣмъ мы сами могли давать въ свое время. Потому что, какъ возможенъ подъемъ духовныхъ способностей, такъ же возможно и пониженіе ихъ. И такъ какъ свойства и способности зачастую прерываются и перемежаются, перескакиваютъ съ дѣдушки на внука, то можетъ случиться такъ, что способные родители имѣютъ менѣе способнаго ребенка: природа отдыхаетъ на немъ, какъ фруктовая деревья, которыя одинъ годъ принесли множество зрѣлыхъ плодовъ, а на другой годъ стоятъ совершенно голыя. Но этотъ отдыхъ подобенъ сну, который также укрѣпляетъ и собираетъ силы для новаго расцвѣта.

Наши дѣти не успѣваютъ въ школахъ такъ часло потому, что школы выработали совершенно опредѣленные учебныя и образовательныя нормы, къ которымъ одинаково должны приспособиться всѣ дѣти. Если-бы эти школьныя требованія были точно приспособлены къ различнымъ періодамъ жизни дѣтей, и къ ихъ юнымъ личностямъ, то дѣти въ большинствѣ случаевъ исполняли бы то, что отъ нихъ требуетъ школа. Но, если, наоборотъ, наши школы, особенно гимназіи, считаютъ большинство своихъ учениковъ неспособными, непослушными, разсѣянными и лѣнивыми, то этотъ суровый приговоръ падаетъ на школу, а не на учениковъ. Дѣти были во всѣ времена всегда живыми и любознательными. Но имъ нужно давать правильную, подходящую духовную пищу. Мы можемъ уничтожить и въ самомъ прилежномъ человѣкѣ его лучшія наклонности и стремленія, если мы поставимъ его на неподходящее ему мѣсто. Всѣ наши учебныя методы и весь учебный матеріалъ нуждаются въ добросовѣстномъ пересмотрѣ. При этомъ надо исходить изъ положенія, насколько они соотвѣтствуютъ естественнымъ и справедливымъ потребностямъ молодежи. Наша современная школа застыла въ своихъ традиціяхъ. Она потеряла право на существованіе. Недостаточно слегка измѣнить кое что въ одномъ или другомъ мѣстѣ, перемѣнить часы занятій, тамъ ввести новый учебникъ, здѣсь сократить старый; недостаточно также удлинять перемѣны на нѣскольکو минутъ, оставить свободнымъ послѣобѣденное время,

иногда устраивать школьную прогулку—все это только мушки, которые наклеиваются для красоты, но отъ которыхъ человѣкъ не дѣлается ни здоровѣе, ни умнѣе, ни красивѣе.

По моему многолѣтнему опыту, нѣтъ апатичныхъ, лѣнивыхъ дѣтей. Они также не разсѣяны и не поверхностны, если только имъ дають занятія подходяшія ихъ возрасту и натурѣ. Другими словами эти недостатки являются недостатками воспитанія. Сначала школа дѣлаетъ учениковъ тупыми, а затѣмъ жалуется и наказываетъ ихъ за тупость. Есть, конечно, совершенно опредѣленный сортъ учениковъ, для которыхъ наша школа подходитъ. Это никоимъ образомъ не самые умные ученики, но это тѣ, которые одарены большой воспримчивостью и хорошей, легкой памятью. Въ связи съ этимъ они обыкновенно легко понимаютъ все схематическое и логичное, т. е. умѣютъ мыслить въ стройномъ порядкѣ. Эти свойства почти совершенно естественно обуславливають недостатокъ самостоятельнаго мышленія и художественнаго воображенія. Поэтому, согласно опыту, прирожденные юристы и бюрократы были хорошими или нормальными учениками въ гимназіи, между тѣмъ, какъ всѣ талантливые и геніальные люди, и всѣ практически и очень односторонне одаренные люди съ трудомъ учились въ нашихъ гимназіяхъ.

Что-же должны дѣлать родители, чтобы защитить своихъ дѣтей отъ несчастій, причиняемыхъ имъ школой, не считающейся съ ихъ умственными способностями? Дешевый и большой частью ироническій совѣтъ—перевести дѣтей въ болѣе низкія общественныя и соціальныя сферы, практически непригодныя для нихъ. Это не есть, какъ постоянно утверждаютъ защитники школы, болѣзненное честолюбіе со стороны родителей, когда они хотятъ, чтобы ихъ дѣти получили высшее образованіе. Въ этомъ нѣтъ ничего болѣзненнаго! Это въ гораздо большей степени достойное уваженія стремленіе, проявленіе родительской любви, которое выражается въ желаніи, чтобы сынъ не былъ равенъ отцу, а лучше его. Школа же сама не перестаетъ поощрять честолюбія учениковъ; она чрезмѣрно восхваляетъ чисто духовныя цѣнности и только въ самое послѣднее время стала обнаруживать нѣкоторое пониманіе достоинства и благородства физической и практической работы.

Такимъ образомъ школа сама вырабатываетъ въ ученикахъ убѣжденіе, что они унижаютъ себя, когда не стремятся къ окончанію своего образованія. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что среднее сословіе, къ которому хотягь отослать болѣе слабыхъ учениковъ, ведетъ тяжелую борьбу за существованіе и не даетъ надежды на хорошее устройство въ будущемъ. Сюда дальше присоединяется еще то, что общественные слои отдѣлены другъ отъ

друга крутыми, высокими стѣнами и это значило-бы изгнать сына изъ его собственной жизненной сферы. Этотъ совѣтъ такимъ образомъ ни къ чему не пригоденъ. И вѣдь учителя у которыхъ есть неспособные сыновья, не подаютъ намъ такихъ примѣровъ. Я еще никогда не слышалъ, чтобы сынъ старшаго учителя, или директора гимназійи сталъ портнымъ или столяромъ. Это было возможно во времена Ганса Закса, когда ремесло находилось еще въ почести, когда оно могло возвысить отдѣльныя личности, давало имъ почетъ и вліяніе.

Мы должны такимъ образомъ думать о другихъ способахъ и путяхъ: и тутъ я знаю только одинъ: нашъ народъ долженъ наконецъ подняться; каждый въ отдѣльности долженъ, и отдѣльно и, сомкнувшись съ другими, настоятельно стремиться и требовать, чтобы у насъ были наконецъ школы, которыя соотвѣтствовали-бы правильно понятымъ потребностямъ молодежи. Такихъ школъ мы еще нигдѣ не имѣемъ, и такихъ школъ еще вообще никогда не было въ Германіи. Я хочу вкратцѣ намѣтить, почему ихъ не было: потому что наша культура была перенесена въ нашу страну извнѣ, какъ нѣчто совсѣмъ готовое, и затѣмъ во всѣ послѣднія столѣтія эта чуждая намъ культура была навязана, какъ норма, всему дѣлу воспитанія. Школа начинала такимъ образомъ съ изученія всего чуждаго, не нашего—и только постепенно приводила дѣтей назадъ, на ту почву, на которой они стояли до посѣщенія ими школы. Такимъ образомъ образовался пробѣлъ во всемъ дѣтскомъ и національномъ развитіи, который никоимъ образомъ не можетъ быть заполненъ. Въ школу долженъ быть заложенъ новый фундаментъ. Наши народныя школы также не должны оставаться больше на уровнѣ культуры реформаціонной эпохи; наши гимназійи должны отказаться отъ старыхъ гуманитарныхъ идеаловъ, отъ преувеличеннаго классицизма, отъ всѣхъ формальныхъ традицій—какъ своихъ основъ и цѣлей. Не потому что мы нѣмецкую культуру ставимъ выше, чѣмъ культуру другихъ народовъ, а потому, что нѣмецкому народу нужна нѣмецкая культура, и только нѣмецкая; поэтому мы и боремся съ чужеземными основными вліяніями. Мы надѣемся, что и другіе народы, англичане и французы, будутъ такъ-же разумно думать и поступать. Америка высказалась теперь на одномъ панамериканскомъ конгрессѣ за воспитаніе, согласное съ природой дѣтей, которое, вмѣсто исторіи и языковъ, исходитъ изъ изученія природы и естественныхъ наукъ. Это означаетъ побѣду новой педагогики.

Пока родители терпятъ господствующія теперь школы, они не должны жаловаться на неудачи своихъ дѣтей. Всякій народъ имѣетъ ту школу, которую онъ заслуживаетъ. Когда родители мирятся съ такимъ порядкомъ вещей, то они должны

направлять свои жалобы не противъ школъ, еще меньше противъ своихъ дѣтей—а только противъ самихъ себя. Кто долженъ создать намъ нѣмецкую школу, какъ не самъ нѣмецкій народъ?

Пока существуетъ господствующій теперь типъ школы, родителямъ можно дать только слѣдующій совѣтъ: раньше всего болѣзненные, или медленно развивающіеся дѣти должны какъ можно позже начинать посѣщеніе школы; никоимъ образомъ нельзя принуждать, или переутомлять умственно дѣтей вообще въ дошкольномъ возрастѣ. Умъ дѣтей растетъ и зрѣетъ совершенно подобно росту растенія. Здѣсь нельзя спѣшить и получать плоды раньше времени. Терпѣніе—первая и высшая добродѣтель воспитанія. Все придетъ въ свое время. Нужно умѣть ждать. Хотѣтъ вынудить, или даже побоями добиваться духовнаго роста такъ-же неумно, какъ дѣлать то-же самое при физическомъ ростѣ. Я еще никогда не слышалъ, чтобы человѣка наказывали за то, что онъ, не смотря на хорошее питаніе, не растетъ и не увеличивается въ вѣсѣ; но я слышалъ, конечно, что за нимъ тогда лучше смотрять и ухаживаютъ. Торопиться нечего. Когда дѣти здоровы и счастливы, то по человѣческому разсчету, имъ предстоитъ долгая жизнь. Самое главное все таки только то, чтобы человѣкъ радовался жизни, и именно радовался бы ей на всякой ступени ея. Неправда, что молодость есть только подготовительная ступень къ зрѣлому мужескому и женскому возрасту. Жизнь всегда на высотѣ. Зрѣлый человѣкъ не есть нѣчто лучшее, чѣмъ ребенокъ, онъ только старше. Воспитаніе должно заботиться о томъ, чтобы ребенокъ чувствовалъ себя на высотѣ жизни, чтобы онъ не терялъ ни одного дня, ни одного часа своей жизни, и всякій тяжело прожитый часъ потерянь. Мало этого, онъ отравляетъ также и послѣдующіе часы жизни. И тяжело прожитое дѣтство равняется большей частью испорченной жизни. Если дѣти созрѣли для ученія, то они въ одинъ день успѣютъ больше, чѣмъ раньше въ 10 дней.

Я рекомендую дальше родителямъ, дѣти которыхъ обнаруживаютъ въ школѣ всѣ выше названные недостатки, не только не повышать требованій къ дѣтямъ, но, гдѣ возможно, на время совершенно прекратить ученіе. Потому что всѣ эти явленія—это послѣдствія переутомленія. Когда мозгъ утомленъ, дѣти не могутъ выказывать ни интереса, ни сосредоточеннаго вниманія, ни постояннаго прилежанія. Ихъ безкровный мозгъ не можетъ создать этихъ свойствъ. Нельзя, значить, требовать невозможнаго. Эта разсѣянность и поверхностность суть именно ясные симптомы умственнаго истощенія. Всякій хоть немного опытный врачъ, всякій психологъ можетъ это доказать научно. И всякая здравомыслящая мать знаетъ это изъ собственнаго наблюденія надъ

своими дѣтьми. Поэтому мы должны на нѣсколько мѣсяцевъ совершенно отнять книги отъ такихъ дѣтей, не въ награду за ихъ лѣнность, а для ея леченія. Тогда мы должны стараться укрѣпить дѣтей физически и вмѣстѣ съ этимъ и духъ ихъ станетъ живѣе и бодрѣе. «Значить, еще одна премія за лѣнь?».—Слышу я вопросъ возмущеннаго учителя. Нѣтъ, это—леченіе больного духа. Когда мы предоставимъ ребенка болѣе продолжительное время самому себѣ, когда у него не будетъ его школьныхъ обязанностей, мы узнаемъ также, каковы его наклонности. А это самое важное.

Ставить вообще завѣтъ: работать!—чистѣйшая бессмыслица. Скажите мнѣ, надѣ чѣмъ я долженъ работать. Всякое созданіе работаетъ въ своей области и по своему внутреннему закону. Было-бы глупо, если-бы мы отняли у прилежнаго крестьянина его плугъ, дали бы ему вмѣсто этого въ руки листъ бумаги и перо и закричали бы ему: «Теперь работайте! напишите сочиненіе о пользѣ разведенія картофеля!» И наши строгіе школьные педагоги съ негодованіемъ отвергли бы требованіе, если бы мы закрыли ихъ книги и закупорили бутылочку съ красными чернилами, а вмѣсто этого дали бы имъ въ руки топоръ и кирку и предложили выкорчевывать пни; затѣмъ сами стали бы возлѣ и прочли имъ докладъ о благѣ и счастьѣ работы. Когда мы узнали, куда толкаютъ ребенка его способности и наклонности, мы должны сейчасъ-же, сообразуясь съ ними, выбрать для него школу, но сейчасъ, а не послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ и мучительныхъ лѣтъ. Нашъ ребенокъ не имѣетъ способностей къ иностраннымъ языкамъ; ну, хорошо, мы знаемъ это теперь. Это—не преступленіе и не несчастье, но мы выводимъ изъ этого заключеніе: мы избавляемъ ребенка отъ изученія чужихъ языковъ.

Родители и воспитатели должны при всѣхъ обстоятельствахъ быть готовы помочь ребенку; они вмѣстѣ съ нимъ должны думать о томъ, какъ честнымъ образомъ побѣдить тѣ трудности, которыя представляетъ теперь школа, особенно въ силу правъ, которыя даетъ ея окончаніе. Школа должна была-бы—и это можно было-бы устроить ежедневными предписаніями—гораздо больше идти на встрѣчу индивидуальнымъ способностямъ учениковъ; она должна была-бы въ одномъ случаѣ сдѣлать облегченіе, въ другомъ позволить помочь ученикамъ. До сихъ поръ школа избѣгала этого, ради самой себя, какъ самоцѣли. Она думала, что то, что годится для одного, хорошо и для другого, что она не должна дѣлать исключеній. Но это вовсе не должно быть исключеніемъ, это именно должно быть правиломъ, формулированнымъ такъ: каждому ребенку нужно дать, по возможности соответствующее его способностямъ, школьное образованіе. Приведеніе въ гармонию и оцѣнка этихъ способностей пре-

доставляются добросовѣстному испытанію со стороны учительской коллегіи. Нельзя правилами предусмотрѣть каждый отдѣльный случай. Каждый случай требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія и отношенія къ себѣ. Одному ученику помогаетъ перемѣна школы или только класснаго учителя; другому помогаетъ только выдержка и постоянство. Одного нужно избавить отъ нездоровой домашней обстановки, другого наоборотъ нужно отдать обратно въ спокойный родительскій домъ. Одному приносить спасеніе деревенскій пансіонъ, другой—тамъ окончательно излѣнивается, или никакъ не можетъ попасть въ тонъ жизни. Совершенно неправильнымъ мнѣ кажется запрещать дѣтямъ, которые не успѣваютъ въ школѣ, отдаваться любимому ими занятію. Именно при этомъ занятіи они научаются и проявляютъ прилежаніе, внимательность, выдержку и умственную сосредоточенность, именно при этомъ у нихъ вырабатываются самыя существенныя черты характера. Но въ школѣ во многомъ господствуетъ практика, которую я перенесъ и на себѣ при государственномъ экзаменѣ. Я усердно занимался Вальтеромъ фонъ деръ Фогельвейде и рассчитывалъ хорошо выдержать по немъ экзаменъ. Но что произошло. Профессоръ сказалъ мнѣ: „Вальтера фонъ деръ Фогельвейде вы, по собственному признанію, хорошо знаете, поэтому мы можемъ оставить его въ сторонѣ“. Онъ началъ меня спрашивать объ Отфридѣ и посадилъ меня въ этой и въ другихъ областяхъ. Нѣчто подобное происходитъ и въ школѣ. Тамъ говорятъ: «Вашъ сынъ интересуется математикой, но онъ долженъ перенести центръ тяжести своей работы на непріятную ему грамматику. Въ преодолѣніи этой несимпатичной ему работы закалится его характеръ“.

Есть, конечно, и мало способные дѣти. Но школа, въ которой главное вниманіе обращается на латынь и грамматику, является самымъ плохимъ критеріемъ для оцѣнки способностей. Вотъ почему многіе люди, которые затѣмъ выдвинулись въ жизни, считались въ школѣ глупыми и тупыми. Если мы хотимъ знать, что можетъ дать ребенокъ, мы должны предоставить ему поле дѣятельности, наиболѣе подходящее его натурѣ. Многія дѣти, которыя въ школѣ считаются тупыми, производятъ дома на своихъ, даже критически относящихся къ нимъ, родителей, впечатлѣніе живыхъ и способныхъ. Остальныхъ-же, дѣйствительно неспособныхъ дѣтей, которые ни къ чему не обнаруживаютъ ни сильнаго интереса, ни хорошихъ способностей, ни большого желанія—не сможетъ ни научить, ни существенно развить никакая школа, никакое воспитаніе. Это духовно обойденные дѣти, съ которыми бессильно все искусство воспитателя. Теперь устраиваются спеціальныя школы для такихъ отсталыхъ и неспособныхъ дѣтей, гдѣ стараются помочь имъ насколько возможно. Остается только пожелать, чтобы такія школы для

призрѣнія отсталыхъ дѣтей были устроены во всѣхъ городахъ. Но мы говоримъ здѣсь не о больныхъ, а о здоровыхъ дѣтяхъ.

ГЛАВА XIII.

Художественное образованіе.

Художественное образованіе, которое должны бы получать всѣ дѣти, не имѣетъ въ виду сдѣлать изъ нихъ художниковъ. Все воспитаніе должно, или должно было-бы быть художественнымъ. До сихъ поръ наше воспитаніе было преимущественно научнымъ. Это—корень всего зла. Дѣти смотрятъ на міръ не глазами ученаго, а глазами художника. И разумное воспитаніе должно исходить изъ собственнаго міровоззрѣнія дѣтей. вмѣсто этого наша школа почти совершенно вычеркиваетъ все то, что дѣти приобрѣли своими дѣтскими духовными органами въ дошкольное время. Дѣтское воспріятіе и представленія школа считаетъ поверхностною игрою и сознательно рѣзко противопоставляетъ имъ научную абстракцію и научную схему. И это во всѣхъ областяхъ ученія! Ребенокъ говорилъ красиво и образно на своемъ родномъ языкѣ, выражая имъ свободно свою душевную жизнь. Школа учитъ его воспринимать этотъ языкъ въ видѣ логической системы и отрѣзываетъ у него этотъ живой органъ, какъ ненужное мертвое тѣло. Ребенокъ выражаетъ свою внутреннюю жизнь—по художественному инстинкту—въ рисункахъ. Школа раньше—теперь уже нѣтъ—находила это дѣтское рисованіе ничего не стоящей игрою, ввела грамматику и въ рисованіе, и этимъ неподвижнымъ механическимъ методомъ убивала въ ребенкѣ присущее ему естественное чувство формы, и художественныя способности. Ребенокъ развиваетъ свои физическія силы въ свободныхъ играхъ, какъ это дѣлалъ во всѣ времена предоставленный самъ себѣ человекъ. Такимъ путемъ развивались и древніе германскіе герои—безъ уроковъ гимнастики. И у грековъ гимнастика состояла въ такихъ-же свободныхъ играхъ и далеко не была похожа на наше современное преподаваніе гимнастики, которое опять таки ведется по грамматической системѣ.

Ребенокъ старается понять окружающій его міръ, широко открывая на все глаза и спрашивая обо всемъ. Школа почти совершенно не допускаетъ вопросовъ и даетъ ребенку далекое и чужое ему, бумажное міровоззрѣніе, которое, къ сожалѣнію, только для самого ребенка не есть и не будетъ міровоззрѣніемъ. Но школа воображаетъ, что изученіемъ по книгамъ чужой культуры, она даетъ возможность

ребенку научно познавать и окружающій его міръ. Это значитъ поставить вверхъ ногами и разумъ, и опытъ. Такъ какъ наша школа построена только на наукѣ, то мы не можемъ себѣ представить ее безъ книги. „Почитая только безплотное слово“, она все больше и больше становилась школой словъ, рѣчей и слушанія. Но вѣдь мы же знаемъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не сталъ еще художникомъ отъ чтенія книгъ и слушанія объясненій! Потому что и искусство, такъ-же, какъ религія, имѣетъ своимъ источникомъ собственную внутреннюю, душевную жизнь человѣка, которую оно выражаетъ. Искусству, такимъ образомъ, также нельзя научиться. Можно только изучить средства передачи но вѣдь не всѣ же дѣти, какъ мы говорили выше, должны стать художниками. Конечно, нѣтъ; но дѣти должны научиться художественно понимать окружающій ихъ міръ; они должны понимать космосъ, какъ произведеніе искусства, какъ нѣчто живое; всю окружающую жизнь не какъ нѣчто научно воспринимаемое, а какъ художественно переживаемое. Научныя данныя мѣняются отъ столѣтія къ столѣтію; философскія системы уничтожаютъ одна другую. Ни одна наука не можетъ похвалиться тѣмъ, что она разрѣшила или разрѣшитъ конечную проблему въ своей области. *Ignoramus et ignorabimus.*

Мы не знаемъ и не будемъ знать, должны-ли ученики, изъ которыхъ только нѣкоторые пойдутъ и выдвинутся на научномъ пути, насыщаться этими отрывками науки? А глазами художника мы можемъ понять природу и охватить ее, какъ нѣчто цѣлое. Каждое маленькое произведеніе искусства показываетъ намъ и объясняетъ часть міра. Художникъ приходитъ такимъ образомъ, какъ и глубоко вѣрующій человѣкъ, къ гармоніи жизни. Въ немъ отражается міръ, котораго онъ вовсе не хочетъ понимать; онъ хочетъ только чувствовать его, наслаждаться имъ и творчески воспроизводить.

Самое существенное въ художественномъ воспитаніи это сжиться съ природой, какъ съ учительницей всѣхъ искусствъ. Всѣ остальные средства, какъ напримѣръ уроки рисованія, лѣпки, разсматриваніе картинъ, посѣщеніе музеевъ и т. п. имѣетъ только тогда настоящій смыслъ и успѣхъ, когда онѣ служатъ этой послѣдней задачѣ, или по крайней мѣрѣ не отвлекаютъ отъ нея. Въ художественномъ воспитаніи, которое теперь слишкомъ быстро вошло въ моду, мы замѣчаемъ во многихъ случаяхъ слишкомъ ревностное отношеніе къ несущественнымъ его сторонамъ. Здѣсь опять, какъ и при изученіи языковъ, средство смѣшивается съ цѣлью, дѣти со взрослыми. Всѣ эти учрежденія только тогда полезны, когда онѣ достигаютъ цѣли, къ которой нужно вести юношество—т. е. научаютъ его самостоятельному наблюденію, изоощряютъ его чувства, даютъ ему средства для

картиннаго изображенія. Къ тому-же самому нужно стремиться во всѣхъ областяхъ искусства, также въ пѣніи. И здѣсь теоретическое преподаваніе музыки не должно конкурировать съ музыкальными академіями. И здѣсь нужно стараться дать дѣтямъ только средства для выраженія, врожденной имъ, собственной музыкальности. Это означаетъ—культивированіе народной пѣсни и домашней музыки. Концертная и духовная музыка не относятся къ музыкальному преподаванію въ школѣ.

И въ художественной области, значить, преподаватель долженъ только помогать природѣ ребенка. И здѣсь онъ долженъ только отвѣчать на ея запросы. Самое лучшее, слѣдовательно, давать ребенку то, чего онъ самъ хочетъ. И всѣ дѣти идутъ въ этомъ отношеніи почти по одному типическому пути. Всѣ маленькія дѣти любятъ больше всего движеніе, а вслѣдствіе этого—животныхъ, поѣзда, моторы. Когда ихъ оставляютъ однихъ, они обыкновенно играютъ въ собакъ или желѣзную дорогу. Поэтому, и отъ того, кто будетъ учить ихъ рисовать, они вначалѣ потребуютъ также собаку и поѣздъ. Это я знаю изъ опыта. Ихъ не интересуютъ рисунки цвѣтовъ, художественныхъ орнаментовъ, домовъ, садовъ, картинъ природы. Когда исчерпаны животныя, на что уходитъ нѣсколько лѣтъ, тогда выступаетъ на первый планъ человѣкъ, котораго дѣти уже раньше видѣли рядомъ съ животными. Но человѣкъ также въ дѣйствіи, въ движеніи. Такъ наприимѣръ: сраженія, скачки, праздничныя шествія, дѣти, играющія въ снѣжки и т. п.

Дѣти ищутъ картиннаго изображенія для того, что всегда занимаетъ ихъ дѣтскую фантазію. Поэтому они во всякомъ возрастѣ находятъ удовлетворяющее ихъ въ этомъ смыслѣ выраженіе. Свои собственные неловкіе и безхитростные рисунки они находятъ лучше художественныхъ рисунковъ взрослыхъ. Поэтому это опять вредная ошибка педагоговъ, когда они навязываютъ дѣтямъ вкусъ взрослыхъ и такимъ образомъ препятствуютъ развитію ихъ собственнаго художественнаго пониманія. Все та же ошибка, что люди не ждутъ естественнаго роста, а хотятъ ускорить его искусственно. Этого, конечно, можно достигнуть, но за счетъ силы. Ребенокъ усваиваетъ чужіе взгляды и вкусы, и теряетъ поэтому свои собственные. Отъ этого онъ становится неувѣреннымъ въ себѣ и неискреннимъ. Такимъ путемъ нельзя воспитать ни художниковъ, ни людей, понимающихъ искусство. Но есть одна школа, которая никогда не обманываетъ. Эта школа—природа. Но и въ природѣ дѣти видятъ только то, что они могутъ и хотятъ видѣть. Въ этомъ именно и заключается чудо природы, что она всякому даетъ свое, а художественное произведеніе показываетъ намъ природу въ томъ видѣ, въ какомъ она отразилась въ душѣ художника. Это есть такимъ

образомъ, природа, наблюдаемая глазами отдѣльнаго какого-нибудь человѣка. Эту манеру художника видѣть природу можетъ понять только тотъ, кто сродни ему по духу. Это долженъ быть только такъ называемый Wunderkind, т. е. гений. И даже тогда ребенокъ не сможетъ охватить всего художественнаго произведенія, потому что ему недостаетъ жизненнаго опыта. Но природа не ставитъ ребенку неразумныхъ и несправедливыхъ требованій. Она даетъ ему какъ разъ то, что ему нужно: на бушующемъ морскомъ берегу—скромный цвѣтокъ, а въ дикомъ горномъ пейзажѣ пасущагося зайчика. Съ ростомъ ребенка растетъ также его жажда знанія, его способность наблюденія. Міръ расширяется передъ нимъ, и новыя наблюденія даютъ пищу новымъ мыслямъ и чувствамъ. Это—есть вѣчный и общій для всѣхъ художественный ростъ человѣка. Въ этомъ мы, взрослые, не можемъ и не должны ничего мѣнять. Поэтому есть только одно истинное художественное воспитаніе: это приближеніе къ природѣ и радостное наслажденіе ею, потому что только радостно настроенный человекъ можетъ обладать тѣмъ яснымъ душевнымъ зеркаломъ, въ которомъ художественно отражается природа.

Поэтому будемъ все таки учить дѣтей рисовать, лѣпить, играть на рояли, пѣть—но только тогда, когда мы этимъ будемъ развивать ихъ художественныя способности. Самый вѣрный признакъ того, что мы на вѣрномъ пути—это хорошее настроеніе и радость при этомъ самихъ дѣтей. Потому что нѣтъ большаго счастья для человѣка, чѣмъ духовный ростъ, успѣхъ и все болѣе развивающееся пониманіе и завоеваніе міра. Если работа исполняется неохотно, то она не уйдетъ дальше бесполезной техники. Можно также добиться ложной радости въ ребенкѣ, при искусственно достигнутомъ успѣхѣ, тѣмъ, что учитель стремится примѣрами, усиленной помощью и при посредствѣ особаго метода развить въ ученикѣ преждевременно большую технику и умѣнье блестяще выполнять работу. Но такой успѣхъ только кажущійся: при этомъ обмануты и родители, и ребенокъ.

Кто такъ относится къ художественному воспитанію, не имѣетъ повода ни жаловаться, ни смѣяться надъ нами, не имѣетъ также права упрекать насъ въ односторонности. И въ этой области мы только служимъ ребенку, и считаемся съ цѣльнымъ ребенкомъ, какъ таковымъ, а не только съ его головой. Мы хотимъ, такимъ образомъ, естественнымъ и желаннымъ самому ребенку путемъ, добиться того, къ чему окольными и длинными путями стремится гимназія со своимъ гуманитарно гармоническимъ образованіемъ. Одно художественное образованіе, конечно, не можетъ дать этого. Но если понимать его правильно, оно и не можетъ остаться изолированнымъ. Это образованіе должно находить поддержку и въ другихъ свойствахъ и силахъ ребенка, разви-

вать которая есть такая же серьезная задача воспитателя. Но эта послѣдняя не должна отвлекать воспитателя отъ первой—а обѣ должны выполняться имъ вмѣстѣ.

ГЛАВА XIV.

Воспитаніе воли.

Всѣ способности и силы не приносятъ человѣку пользы, если онѣ не направляются его волей. Неоспоримый опытъ учить насъ, что люди съ хорошими способностями скорѣе подвергаются опасности сбиться съ пути, чѣмъ мало-способные. Богатая душевная жизнь и сильныя страсти легко увлекаютъ ихъ за границы дозволеннаго, изъ рамокъ физически и душевно спокойной жизни. Они подвергаются опасности бесполезно растратить свои силы. Большіе таланты и страсти стоятъ на границѣ между геніальностью и безуміемъ, между культурой и преступленіемъ. Въ то время, какъ малоодаренные люди, собравъ всю силу своей воли, медленно, но вѣрно идутъ впередъ къ опредѣленной цѣли, богатоодаренные зачастую колеблются въ разныя стороны и вообще не находятъ цѣли, которая удовлетворяла-бы и ихъ самихъ, и другихъ. Неудавшіеся геніи существуютъ не только въ воображеніи; всѣ, кто только близко присматривается къ окружающей его жизни, найдутъ и въ ней, и въ своихъ воспоминаніяхъ много людей, которые, по праву подавали когда то самыя блестящія надежды и оправдали ихъ потомъ только въ очень незначительной степени. Отъ человѣка съ сильной волей мы можемъ ожидать большаго, чѣмъ отъ человѣка талантливаго и съ богатой фантазіей. Человѣкъ достигаетъ высшаго, когда въ немъ соединено и то, и другое. Безъ дисциплинированной воли никто не достигаетъ своей цѣли. Воспитаніе воли есть поэтому первая и послѣдняя задача всего воспитанія. Но не надо думать, что мы этимъ утвержденіемъ противорѣчимъ всему прежнему. Мы восхваляли прежде природу, какъ лучшую наставницу. Но предполагается, что природа есть также совратительница, и поэтому насъ предостерегаютъ отъ усерднаго подчиненія ей. Какимъ образомъ согласовать эти противорѣчія? Одни думаютъ, что воля лучше всего воспитывается въ борьбѣ съ природой. Ребенокъ долженъ приучаться дѣлать какъ разъ противоположное тому, что ему больше всего хочется. Онъ долженъ заниматься именно той работой, которая ему противна, той профессіей, которая противорѣчитъ всей его натурѣ. Но это дѣлаетъ будто бы молодежь крѣпкой, твердой и сильной и вооружаетъ ее для борьбы съ послѣдующей жизнью. Но

мы думаемъ, что жизнь сама представляетъ такъ много препятствій, что намъ не нужно создавать искусственно еще новыя трудности. Мы думаемъ дальше, что сила, чувство обязанности, вѣрность, упорная выдержка лучше всего закаляются тамъ, гдѣ любовь къ дѣлу вообще оживляетъ и украшаетъ жизнь. Мы думаемъ, что должны указать и дать понять молодымъ людямъ радость борьбы и побѣды надъ препятствіями тамъ, гдѣ удача можетъ послужить наградой за потраченныя усилія. Наоборотъ, неудача дѣйствуетъ и въ отдѣльномъ случаѣ, и на общее жизненное настроеніе угнетающе, ослабляетъ довѣріе къ себѣ и парализуетъ волю, такъ какъ впереди не видно успѣха. Поэтому мы должны воспитывать волю сообразно прирожденной натурѣ дѣтей. Если намъ удастся рано угадать внутреннее признаніе ребенка, то этимъ мы избѣгаемъ для него самыхъ худшихъ опасностей жизни. Есть безчисленное количество художниковъ, ученыхъ, а также чиновниковъ и ремесленниковъ, которые только потому нашли свой вѣрный жизненный путь, что ужъ въ раннемъ дѣтствѣ ясно обнаружилась ихъ натура и призваніе. Хуже обстоитъ дѣло съ тѣми, кто испробовалъ разные пути, на нихъ позналъ свое безсиліе, и только поздно пришелъ къ познанію своего истиннаго назначенія и къ правильному примѣненію своихъ силъ. Вѣдь самые несчастные люди и неудачники въ жизни—это тѣ, которые не занимаются любимымъ, или подходящимъ для нихъ дѣломъ. Постоянная борьба со своими наклонностями съ одной стороны, и съ внутреннимъ противодѣйствіемъ—съ другой, отнимаютъ столько силъ, что для жизненной работы идетъ ужъ только остатокъ ихъ. Наша школьная молодежь во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ рабскій образъ мыслей именно потому, что ее принуждаютъ къ подневольной работѣ. Она вѣдь совсѣмъ не слушается своей воли—только чужой. Но вѣдь это никоимъ образомъ не можетъ укрѣпить ихъ собственной воли. Побужденіе къ работѣ лежитъ не въ нихъ, а внѣ ихъ. Какъ только отпадаетъ принужденіе, отпадаетъ также желаніе работать. Это не есть школа для укрѣпленія воли. Только развитіемъ въ себѣ личной отвѣтственности, только тѣмъ, что мы перемѣщаемъ автономное чувство долга, какъ это называетъ Кантъ, извнѣ въ нашу собственную грудь—только этимъ мы служимъ высшей цѣли воспитанія—воспитанію воли. Намъ говорятъ, что человѣкъ долженъ также учиться дѣлать и неприятную ему работу. Этого никто не оспариваетъ. И въ неприятной работѣ нѣтъ недостатка ни въ одной области. Но мы будемъ охотно ее исполнять, если она идетъ въ направленіи желанной и избранной нами цѣли. Каждый человѣкъ уже съ дѣтства долженъ выбрать себѣ такую область труда, въ которой онъ можетъ работать всѣми силами. Глупости молодежь выкидываетъ только тамъ, гдѣ

она не имѣетъ возможности дѣлать ничего умнаго. Эти глупости и шалости являются большей частью выраженіемъ избытка силъ. Если мы устроимъ дѣтямъ игры, то имъ въ голову не придетъ бросать камни въ окно. И если мы имъ позволимъ до сыта, до усталости набѣгаться въ лѣсу и въ полѣ, то они не станутъ бесполезно слоняться по улицамъ и площадямъ. Если мы устроимъ такъ, что дѣти будутъ сами сажать и растить растенія, ухаживать за фруктовыми деревьями, то у нихъ не явится желанія раззорять чужіе сады и портить чужія деревья. Если мы дадимъ имъ растить маленькихъ животныхъ, съ которыми они затѣмъ станутъ близкими друзьями—мы не дадимъ развиться въ нихъ наклонности къ мучительству животныхъ и къ жестокости. Если мы дадимъ юношамъ возможность простого и рыцарскаго общенія съ молодыми дѣвушками своего круга, какъ это принято въ Англии и Америкѣ—то у нихъ не явится искушенія встрѣчаться тайкомъ съ сомнительными дѣвушками. Если мы довѣримъ самой молодежи, какъ это дѣлается тамъ, охрану и защиту молодыхъ женщинъ, тогда мы не будемъ вынуждены создавать другого рода охрану женщинъ отъ этой же молодежи. Такъ мы должны постоянно давать пищу уже существующей волѣ, давать ей средства и возможность проявлять себя, дѣйствовать. Если-же, несмотря на это, какая-нибудь отъ природы неувѣренная или болѣзненная натура собьется и пойдетъ по неправильному пути—тогда только вліяніе воспитателя должно противодѣйствовать проявленіямъ этой слабой воли. Есть несомнѣнно, кромѣ больныхъ, совершенно здоровыя натуры, которыхъ только по ошибкѣ считаютъ больными, потому что онѣ не могутъ ужиться въ тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыя случайно поставила ихъ судьба. Въ такихъ случаяхъ иногда играетъ роль и атавизмъ, возвратъ къ старымъ, побѣжденнымъ культурой, формамъ; иногда мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ слишкомъ торопливо развивающимися силами, которыя могутъ вылиться въ нѣчто совершенно для насъ неожиданное. Такіе люди не подходятъ къ своей средѣ и, такъ какъ общество не можетъ измѣниться ради нихъ, то должны измѣниться они; но такъ какъ это имъ съ трудомъ удается, то они должны искать другого поля дѣятельности. Примѣръ: мальчикъ, впослѣдствіи получившій титулъ лорда Клива, слишкомъ необузданный для мирной гражданской жизни своей родины. Его послали въ Индію; тамъ онъ нашелъ для себя поле дѣятельности и завоевалъ для своего отечества Индійскую имперію. Еслибы мальчика оставили въ Англии, сложили его волю, или заставили ее служить цѣлямъ обыденной, мѣщанской жизни—допустимъ, что это удалось бы—какой это былъ-бы ущербъ для самого мальчика и для всей англійской націи! Можно почти утверждать, что большин-

ство людей съ истинно великой и сильной волей въ своей молодости вызывали много неудовольствія своей необузданностью и считались несносными окружающими ихъ людьми. Многіе изъ нихъ были отосланы за море, въ Америку, и можно сказать, не боясь преувеличенія, что Сѣверная Америка обязана своей культурой, большей частью, трудамъ такихъ людей съ сильной волей, которые не нужны были мирной, прирученной Европѣ. Также Австралія и Новая Зеландія, Сибирь обязаны многимъ въ своей культурѣ сосланнымъ къ нимъ изъ Европы отбросамъ и преступникамъ. Въ великіе историческіе моменты появляется много героевъ, которые въ мирныя времена опасны для общества тѣмъ-же самымъ избыткомъ силъ и воли. Наши тюрьмы скрываютъ въ своихъ стѣнахъ много людей, сильная воля которыхъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могла-бы принести обществу громадную пользу. Часто ничтожный случай рѣшаетъ жизненное направленіе и судьбу людей.

Это разсужденіе приводитъ насъ опять къ той-же цѣли, а именно, что раньше всего нужно стараться дать волѣ то направленіе, которое ее удовлетворяетъ и даетъ ей возможность наиболѣе дѣятельно и сильно проявлять себя. Такъ какъ всѣ люди хотятъ добиться признанія себя и вліянія, то человѣкъ съ сильной волей только тогда становится опаснымъ для общества, когда не даютъ проявиться его волѣ и отнимаютъ у него этимъ смыслъ жизни. Другими словами: многіе люди стали преступниками оттого, что имъ не дали возможности проявить свою силу воли въ честныхъ и полезныхъ дѣлахъ. Великіе имена міровой исторіи только потому не попали въ число преступниковъ, что имъ удалось осуществить свою волю. Цезарь только потому стоитъ оправданнымъ передъ міровой исторіей, что онъ побѣдилъ въ борьбѣ съ правительствомъ.

Катилина былъ побѣжденъ и поэтому потомство считало его преступникомъ. Наполеонъ I названъ Великимъ за свои побѣды. Какой-нибудь государственный промахъ—и онъ попалъ-бы въ списокъ преступниковъ. Наши драматурги знаютъ это. Валленштейнъ прекрасно сознаетъ, что только узкая граница отдѣляетъ героизмъ отъ преступности. Воспитатель, который сознаетъ свою отвѣтственность передъ людьми съ сильной волей, будетъ остерегаться превращенія сильной воли юноши въ упрямое сопротивленіе. Легко направить рѣку въ новое русло—но невозможно ее въ немъ удержать. Поэтому и воли мы не должны ни ломать, ни задерживать—а только осторожно направлять ее.

Но мы должны также думать о дѣтяхъ съ слабой волей и найти средства укрѣпленія. Есть изнѣженные дѣти, которыя не могутъ противиться ни одному своему желанію и чувствуютъ себя несчастными, когда имъ приходится отказываться отъ

него. Это обыкновенно есть результат ложнаго воспитанія, когда ребенку съ самыхъ малыхъ лѣтъ неразумнымъ образомъ уступали во всѣхъ его желаніяхъ и капризахъ. Такимъ путемъ воспитываются маленькіе баловни и тираны. О нихъ думаютъ большей частью наши воспитатели, когда мы говоримъ о волѣ и ея воспитаніи. Но противъ этого рода изнѣженности воли такъ давно и такъ усердно борется наша современная педагогика, что намъ ужъ почти ничего больше не остается дѣлать. Тамъ, гдѣ воспитатель встрѣчается съ дѣтьми съ такой слабой и изнѣженной волей, онъ долженъ заняться ея гимнастикой. Волю можно укрѣпить, и именно упражненіемъ. Волѣ ребенка нужно поэтому задавать задачи, нужно приучать его отказываться отъ любимыхъ желаній. Руссо совѣтуетъ отказывать ребенку съ малыхъ лѣтъ ежедневно въ какомъ-нибудь одномъ особенно сильномъ его желаніи. Эта система намъ не нужна, она подходитъ также не для всѣхъ дѣтей. Гораздо дѣйствительнѣе будетъ, если мы перенесемъ ребенка въ такую среду, гдѣ его воля принуждена будетъ развиваться, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ считаться съ его дѣтскими потребностями. Самымъ лучшимъ средствомъ опять является физическое укрѣпленіе и закаливаніе дѣтей путемъ общихъ подвижныхъ игръ всякаго рода. Въ игрѣ ребенокъ побѣждаетъ свои склонности, капризы, слабости и шалости, научается переносить боль, научается выдержкѣ,—подчиненію общимъ правиламъ, считается съ правами своихъ товарищей по игрѣ и отучается требовать для себя какихъ-то особыхъ правъ; онъ забываетъ за игрой о ѣдѣ, и особенно о лакомствахъ и капризахъ. Это воспитаніе самой жизнью совсѣмъ не чувствуется ребенкомъ, какъ таковое, и потому оно такъ дѣйствительно. Оно также удобно и для самого взрослога воспитателя, такъ какъ послѣдній не долженъ при немъ терять времени на нотации и наказанія, и можетъ направить всѣ свои силы на общія задачи воспитанія. Если сначала долголѣтнимъ упражненіемъ закаляется воля одновременно съ тѣломъ, тогда въ свое время воля уже совершенно сама по себѣ проявится съ одинаковой силой и уже въ новомъ направленіи и въ другихъ областяхъ. Незамѣтно игра переходитъ въ область работы, и то-же самое внутреннее удовлетвореніе и сила воли переносятся въ новую область. Этой разумной педагогикѣ обязана Англія своимъ, полнымъ силъ, расцвѣтомъ.

Еще далеко не оцѣненнымъ въ Германіи средствомъ воспитанія воли является ремесло. Большинство дѣтей предпочло бы, конечно, занятія какимъ нибудь настоящимъ дѣломъ, инструментами и проч., чисто умственной словесной работѣ. Въ молодежи есть потребность къ физически—дѣятельной жизни; она любитъ все реальное, осязаемое. Когда мальчикъ или дѣвочка собственными силами смастерятъ себѣ

какую-нибудь вещь домашняго обихода—ящикъ, корзинку, дверной замокъ, платье, ремесленный инструментъ и т. п.—то это будетъ имѣть гораздо высшее воспитательное значеніе, чѣмъ, когда они повторяютъ мысли другихъ людей. А вѣдь почти только этимъ и занимаются въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Созданіе самой незначительной вещи имѣетъ всегда въ себѣ нѣчто художественное, творческое. Для человѣка нѣтъ болѣе радостнаго зрѣлища, какъ сказалъ однажды Сократъ, чѣмъ собственное и удавшееся ему дѣло. Человѣкъ радуется тогда не только пріобрѣтенному имъ реальному благу, но и собственной творческой работѣ—т. е. именно тому, что его собственная воля привела его къ осязательной цѣли. Онъ испытываетъ тогда гордое сознаніе и какъ бы увеличеніе своихъ силъ. Онъ этимъ завершаетъ также начатое имъ дѣло до конца, что всегда даетъ волѣ новые импульсы. Въ школѣ наши дѣти никогда не заканчиваютъ начатаго дѣла. Слишкомъ далека цѣль. При подъемѣ всякая отдѣльная ступень есть только подготовка къ слѣдующей.

Поэтому такая борьба, которая ведетъ къ умѣнью пользоваться природой и есть прекрасная школа для воспитанія воли. Здѣсь молодежь имѣетъ дѣло съ неизмѣнной матеріей, а не съ настроеніями и непонятными для нея воспитательными планами. Дерево, желѣзо, тростникъ имѣютъ разъ навсегда тѣ или другія свойства. Съ этимъ надо считаться, и они представляютъ каждому человѣку одинаковыя трудности при обращеніи съ ними. И только разумомъ, выдержкой, силой и ловкостью можно покорить ихъ себѣ, заставить служить себѣ. Въ этомъ заключается возвратъ къ очень древнему пути человѣческаго развитія. Такимъ образомъ это есть воспитаніе, согласное съ природой, успѣхъ котораго уже закрѣпленъ исторіей. Изученіе ремесла еще никогда не помѣшало и не повредило развитію человѣческой личности. Оно принесло уже большую пользу многимъ людямъ и привело ихъ этимъ путемъ и къ высшей духовной культурѣ,—такъ какъ они превращали свои собственные руки въ орудія, ведущія къ опредѣленной, вѣрной цѣли, и принуждали ихъ къ подчиненію опытному уму. При ручной работѣ работаетъ весь человѣкъ, тѣло и духъ въ нераздѣльномъ сотрудничествѣ. Умственно слабыя дѣти, которые совершенно не понимаютъ формально-логическихъ толкованій, развиваются удивительно хорошо въ чисто умственномъ отношеніи посредствомъ ручной работы. Когда человѣкъ работаетъ самъ, онъ становится умнѣе; когда онъ дѣлаетъ что-нибудь самъ, онъ становится также способнымъ судить и относиться справедливо и къ чужой работѣ. Въ Америкѣ лучше всего оцѣнили высокое воспитательное значеніе преподаванія ручнаго труда въ дѣлѣ воспитанія юношества, и тамъ его широко примѣняютъ. Въ Швейцаріи и Германіи Робертъ Зейдель, доцентъ въ Цюрихѣ,

Кершенштейнеръ въ Мюнхенѣ, Папстъ въ Лейпцигѣ, Иесенъ въ Берлинѣ—сильнѣе всего ратовали и больше всего сдѣлали для развитія преподаванія ручного труда въ школахъ. При прусскихъ дворахъ принцы по старой семейной традиціи изучаютъ одно какое нибудь опредѣленное ремесло. Когда всѣми будетъ признана польза такого введенія ручного труда для воспитанія тѣла и воли, то съ этой стороны должно воспослѣдовать и воспослѣдуетъ самое дѣйствительное нападеніе на нашу формально-логическую, одностороннюю, умственную культуру.

Наша церковь воспитываетъ волю своими церковными средствами. Она хочетъ дѣйствовать поученіемъ. Указаніемъ на примѣръ Христа и его послѣдователей, похвалой и застрашиваніемъ, т. е. принципомъ воздаянія. Воспитанникъ долженъ дѣлать добро, потому что онъ получитъ за это награду въ небѣ; избѣгать зла, потому что онъ въ такомъ случаѣ попадетъ къ дьяволу и въ адъ на мученія. Церковное (религіозное?) воспитаніе беретъ на себя этимъ функцію, въ которой оно вступаетъ въ конкуренцію съ полиціей, прокуроромъ и ночнымъ сторожемъ. Съ религіей это не имѣетъ ничего общаго. Христіанская этика только отчасти соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ и чувствамъ. Надо избѣгать зла и дѣлать добро по внутреннему правосознанію, а не по причинамъ, лежащимъ внѣ насъ. Примѣромъ для молодежи можетъ служить только то живое, что она можетъ понять и охватить всѣми чувствами. Я еще никогда не видалъ ни одного молодого человѣка, который устроилъ-бы свою жизнь по примѣру какой нибудь исторической личности. Только совершенно ложно воспитанные и потому потерявшіе способность чувствовать и думать, какъ это свойственно молодости, юноши, будутъ стараться слѣдовать въ своей жизни примѣру Христа. Именно дѣти съ глубокой натурой вступаютъ, при слишкомъ повышенныхъ религіозныхъ и моральныхъ требованіяхъ, въ противорѣчіе съ своей натурой, потому что она стремится къ свободному развитію. Поученіе и примѣръ требуютъ прямо противоположнаго тому, чего требуетъ природа ребенка, именно—борьбы и подавленія своихъ склонностей, презрѣнія собственной личности, самоотреченія, самоотрицанія,—послѣдствіемъ чего является постоянное колебаніе между тѣмъ, чего хочется и что можно сдѣлать, постоянно новыя желанія и новыя неудачи, конечный результатъ—отчаяніе или равнодушіе,—что чаще всего бываетъ—лицемѣріе и самодовольство. Тогда это—типъ примѣрнаго мальчика въ воскресной школѣ, или онъ и всю недѣлю проводитъ, какъ ханжа и святой, или онъ въ будни занимается своими юношескими проказами, и только въ воскресенье принимаетъ постную мину на показъ. Эта болѣзненная экзальтація воли не имѣетъ, такимъ образомъ, ничего

общаго съ воспитаніемъ воли. Воспитаніе воли должно потерпѣть неудачу, когда оно направлено на ложный объектъ и стремится къ ложной цѣли. Нормальный ребенокъ не можетъ теоретически понимать ученія Христа; практически онъ не въ состояніи его осуществлять, физиологически—не можетъ выносить. Мы возстаемъ въ наше время такъ горячо противъ лубочной литературы: но нѣтъ литературы, которая была-бы такъ противна всей природѣ молодежи, такъ возбуждала бы ее къ борьбѣ съ ея собственной натурой, и такъ способна была бы этимъ совершенно уничтожить ея внутреннее „я“, какъ нравственно-поучительная литература. Она выводитъ примѣры, которые понуждаютъ дѣтей къ самокритикѣ, побуждаютъ ихъ къ соревнованію, осуждаютъ на сознаніе собственнаго безсилія, и именно потому уничтожаютъ ихъ въ собственномъ сознаніи. Мы жалуемся на то, что современная молодежь то безмѣрно дерзка, то недостойно покорна. Въ обоихъ этихъ явленіяхъ отчасти виновата лубочная литература. Но все таки это гораздо здоровѣе, когда молодой человѣкъ, благодаря этимъ рассказамъ, полнымъ разбойниками и всякими другими ужасами, совершаетъ какіе нибудь дикіе или фантастическіе поступки (потому что тогда его развитіе идетъ все еще по нормальнымъ путямъ: цѣлые народы жили и дѣйствовали такимъ образомъ), чѣмъ когда эта литература, своей прописной моралью, высасываетъ мозгъ изъ костей людей, такъ что они становятся мягкими, трусливыми, картонными.

Картина, того, какъ такой ягненокъ каждое воскресенье покорно бредеть въ церковь, боязливо всѣхъ слушается и робко оглядывается кругомъ, для насъ, прямыхъ и смѣлыхъ нѣмецкихъ гражданъ.—ужасъ и отвращеніе. Слѣдовало-бы такому мальчишкѣ—какъ мало онъ не виноватъ въ этомъ—дать пару хорошихъ затрещинъ и къ этому еще прибавить, чтобы онъ вмѣсто обѣдни, пошелъ на лугъ и тамъ хорошенько подрался-бы со своими товарищами.

Всякое воспитаніе должно вести къ единной цѣли. Если-бы эта глава о воспитаніи воли стояла въ противорѣчьи, съ прежней о художественномъ воспитаніи, то или одна изъ нихъ, или обѣ вмѣстѣ—были-бы ошибочны. Художественное воспитаніе имѣетъ въ виду достиженіе гармоніи, въ которой человѣкъ долженъ находиться самъ съ собой и съ окружающимъ его міромъ. Ту-же цѣль преслѣдуетъ и воспитаніе воли. И оно хочетъ достигнуть того, чтобы воспитанникъ развилъ въ себѣ въ гармоническомъ равновѣсіи свои силы и отдалъ ихъ на служеніе міру. Онъ долженъ такимъ образомъ войти въ составъ мірового организма, помогать строительству жизни, дѣйствовать въ немъ не разрушающимъ, а созидающимъ образомъ. У кого воля направлена въ эту сторону, того можно назвать полезнымъ человѣкомъ. И это тоже производитъ

художественное впечатлѣніе. Мы въ такихъ случаяхъ употребляемъ охотно картинное выраженіе, что человѣкъ дѣлаетъ тогда изъ своей собственной жизни художественное произведеніе. Такимъ образомъ—нѣтъ противорѣчія между обѣими цѣлями, онѣ соединяются скорѣе въ одномъ пунктѣ: всѣ силы соединяются вмѣстѣ, чтобы создать жизнь, какъ художественное произведеніе, какъ продуктъ природы, подобно тому, какъ въ деревѣ для его строенія дѣйствуютъ вмѣстѣ всѣ силы, ни одна не выпадаетъ, ни одна не разрушаетъ и не портитъ строенія. И какъ результатъ этихъ дѣйствій—впечатлѣніе законченнаго художественнаго произведенія природы. Искусство и жизнь, искусство и природа—это не противорѣчія, это — явленія одного и того же единаго міра.

ГЛАВА XV.

Воспитаніе дѣвочекъ.

Само собой разумѣется, что о воспитаніи дѣвочекъ слѣдуетъ столько-же заботиться, какъ и о воспитаніи мальчиковъ. Но этимъ не сказано, что должно-быть сдѣлано одно и то же. Если задачей воспитанія мальчиковъ является воспитаніе изъ нихъ цѣльныхъ мужчинъ, то при воспитаніи дѣвочекъ мы не должны стараться создать изъ дѣвочекъ цѣльныхъ женщинъ. Ни одинъ человѣкъ, конечно, не станетъ утверждать, что истинный мужчина то же самое, что истинная женщина, но онъ не станетъ также утверждать, что истинная женщина есть нѣчто худшее, чѣмъ истинный мужчина. Безцѣльно спорить о томъ, который изъ обоихъ половъ важнѣе и стоитъ выше. Оба пола существуютъ на землѣ, оба необходимы, оба нуждаются другъ въ другѣ. Свое оправданіе они находятъ только въ томъ, что дополняютъ другъ друга. Счастье также, что каждый мужчина рожденъ женщиной. Это не позволяетъ ему презирать женщину. Кто-же станетъ съ неуваженіемъ относиться къ источнику своей собственной жизни!

Все наше міровоззрѣніе и отношеніе къ природѣ указываетъ намъ также вѣрные пути для воспитанія дѣвочекъ. Это воспитаніе должно дать дѣвочкамъ все то, что служитъ къ развитію силъ, заложенныхъ природою въ женское существо. Этимъ утвержденіемъ мы вступаемъ въ противорѣчіе съ новѣйшей реформой въ воспитаніи дѣвочекъ, которой ея поборники добились послѣ жаркой борьбы. Эта реформа видитъ свою конечную побѣду въ томъ, что теперь дѣвушкамъ открыты всѣ тѣ пути образованія, которые до сихъ поръ

были предоставлены только мужской молодежи. Этимъ будто-бы достигнуто признаніе равноправія женщинъ. О равноправіи, конечно, не должно быть и не будетъ здѣсь спора. Но мы не справедливы къ женщинъ, мы вредимъ ей въ ея сокровеннѣйшихъ индивидуальныхъ свойствахъ, когда навязываемъ ей мужское воспитаніе. И обратно, мы не должны воспитывать нашихъ мальчиковъ по-женски. Насъ нельзя подозрѣвать въ томъ, что мы переоцѣниваемъ воспитаніе мальчиковъ, какъ оно велось до сихъ поръ.

И именно потому, что мы считаемъ это воспитаніе ложнымъ, мы хотимъ по крайней мѣрѣ охранить отъ него дѣвочекъ. Соціальная нужда привела къ тому, что дѣвушки и женщины вовлечены въ промышленную жизнь, какъ конкуренты мужчинъ. Это надо признать, но считать это несчастьемъ, а не возводить въ добродѣтель. При теперешнемъ положеніи вещей, громадное число дѣвушекъ обречено, къ несчастью, играть въ общественной жизни роль мужчинъ, и тѣ миллионы честныхъ и серьезныхъ дѣвушекъ, которыя дѣлаютъ это съ полной преданностью и добросовѣстностью, имѣютъ право на наше величайшее уваженіе. Но онѣ должны сознавать, что являются жертвой извращенной культуры. И вмѣсто того, чтобы привѣтствовать это уравненіе половъ, какъ свою побѣду, онѣ должны были-бы относиться къ нему, какъ къ больному и болѣзненному возмущенію противъ природы и культуры, и бороться съ нимъ. Мы не нарушаемъ правъ женщины и не посягаемъ на ея индивидуальность, когда указываемъ ей область, для которой предназначила ее природа. Всякое воспитаніе, которое идетъ противъ предназначенія природы, въ принципѣ неправильно. Такое воспитаніе можетъ и будетъ нравиться именно такимъ существамъ, которыя, какъ уклоненіе отъ своего вида, не нашли удовлетворенія въ своей собственной природѣ. Но воспитаніе дѣвушекъ не должно считаться съ безбрачными и безполыми женщинами—это слово выражаетъ только природное половое отношеніе женщины къ мужчинъ—оно должно такъ воспитать каждое отдѣльное женское существо, чтобы оно раньше всего могло исполнять свое природное материнское призваніе.

Все, что вредитъ организму, должно быть заранѣе отброшено, какъ нѣчто извращающее и опасное. Мы должны думать о будущемъ, мы не имѣемъ права въ дѣлѣ воспитанія считаться только съ запросами или потребностями настоящаго дня, или отдѣльныхъ единицъ. Въ матери живутъ будущія поколѣнія. Мать та питательная почва, изъ которой произрастетъ сила будущихъ поколѣній. Молодая мать, у которой тѣло искривлено и недоразвито отъ долгаго сидѣнія на школьной самѣ, у которой узкій тазъ, неразвитыя груди, блѣдныя щеки и разстроенные нервы; мать, которая, стра-

даетъ мигрени, безпричинной боязнью, нервнымъ сердцебиениемъ, отсутствиемъ аппетита, у которой испорченные зубы, плохое зрѣніе; мать, которая не обладаетъ здоровыми крѣпкими костями, развитыми мускулами, полными грудями, здоровой подвижностью, хорошимъ аппетитомъ и достаточнымъ избыткомъ жизнеспособности; такая мать пусть лучше останется бездѣтной! Потому что всѣ ея дѣти принесутъ съ собой въ жизнь всѣ ея болѣзни и недостатки, но такъ какъ законъ не можетъ требовать ни отъ одного человѣка отреченія отъ брака, то отвѣтственность эта лежитъ на воспитателяхъ и на тѣхъ, кто занимается изданіемъ законовъ о воспитаніи и контролѣ надъ нимъ. Недостатокъ воспитанія дѣвочекъ раньше и теперь заключается въ томъ, что загроможденіе свѣдѣніями, культъ иностранныхъ языковъ, литературы, весь историческій балластъ былъ механически перенесенъ изъ мужской школы въ женскую.

Весь этотъ умственный багажъ имѣетъ въ виду создать салонную даму, а не мать. Не дай Богъ, чтобы наши дочери опозорили себя незнаніемъ какого-нибудь французскаго слова, или покраснѣли передъ какимъ-нибудь юношей оттого, что не сѣмѣютъ ничего сказать о Платонѣ или Саллюстіи. Онѣ должны умѣть обо всемъ разговаривать, а теперь также и работать во всѣхъ областяхъ. Никто опять таки не станетъ мѣшать имъ въ этомъ. Еслибы только это было счастьемъ для нихъ самихъ и для другихъ. Вѣдь мы сами, мужчины, жестоко страдаемъ отъ этой ложной культуры, и лучшіе умы среди насъ призываютъ къ борьбѣ съ этимъ классицизмомъ, задерживающимъ и угнетающимъ все живое. Вмѣсто того, чтобы радоваться, что дѣвушки, по крайней мѣрѣ, свободны отъ этого зла, что хотъ онѣ, всегда ближе стоявшія къ природѣ, сохраняютъ свою естественную свѣжесть и непринужденность, и что черезъ нихъ и мужчины опять возвращаются къ простотѣ и реализму жизни—вмѣсто этого онѣ устремляются въ наши умственно—перегруженные школы.

Современная женщина не хочетъ больше быть игрушкой для мужчинъ; она не желаетъ проводить свою жизнь въ пустякахъ и забавахъ, а хочетъ такъ-же серьезно и мужественно бороться за свое существованіе, какъ это дѣлаетъ мужчина. Мы желаемъ ей успѣха, намъ и нашему народу самую лучшую, полную всяческихъ достоинствъ, женщину. Мы желаемъ ее видѣть возвышенной и сильной. Но именно для того, чтобы создать для жизни такой типъ настоящей лучшей женщины—объ идеальной женщинѣ я неохотно говорю,—изъ уваженія къ ней и заложеннымъ въ ней живымъ силамъ природы, я борюсь противъ воспитанія, которое отдаетъ безъ нужды работу мужчинъ въ руки женщинъ и тѣмъ стираетъ вѣчныя границы между мужчинами и женщинами, установленныя самой природой, причемъ это вредитъ женщинѣ. Не должно, конеч-

но, препятствовать развитію истиннаго таланта, или сильныхъ склонностей. Какой мыслящій мужчина станетъ оттачивать способную и жаждущую знаній женщину отъ источника образованія. Но развѣ тѣ тысячи дѣвушекъ, которыя нынче въ соревнованіи со своими братьями сидятъ до поздней ночи надъ Цезаремъ, Ксенофонтомъ и Платономъ и портятъ себѣ свою молодость заботами объ экзаменахъ и аттестатахъ, развѣ онѣ, дѣйствительно, прирожденные филологи? Вѣдь и безъ того у насъ въ школахъ слишкомъ много людей занимается изученіемъ и накопленіемъ книжныхъ знаній, благодаря чему понижается ихъ уровень и теряется ихъ цѣнность. Въ Германіи нѣтъ недостатка въ филологахъ, врачахъ, философахъ и эстетикахъ—но ощущается большой недостатокъ въ самостоятельно мыслящихъ головахъ, въ руководителяхъ. Можно-ли думать, что этому злу можно будетъ помочь этой арміей учащихъ дѣвушекъ? Но наука и искусство едва-ли могутъ ожидать своего возвышенія или обогащенія отъ вмѣшательства въ ихъ область женщинъ. Это можетъ произойти только въ единичныхъ случаяхъ, гдѣ талантъ самъ пробиваетъ себѣ дорогу; но къ такимъ единичнымъ случаямъ не должно быть приспособлено общее воспитаніе дѣвушекъ. Вся наша культура болѣетъ этимъ избыткомъ духовной дѣятельности. Если теперь еще дѣвушки и женщины перенесутъ центръ тяжести своей жизни въ область чисто духовнаго, то вырожденіе неизбежно. Если мы вполне справедливо требуемъ въ воспитаніи мальчиковъ возвращенія къ физическому и связанному съ требованіями дѣйствительности, воспитанію, то это есть вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе стать ближе къ женщинѣ, дать дѣвушкамъ опять достойныхъ юношей. Увеличивающееся съ ужасающей быстротой безбрачіе является по большей части плодомъ преувеличеннаго воспитанія исключительно ума. Молодые люди, просидѣвшіе въ школѣ много лѣтъ и выдержавшіе огромное количество экзаменовъ, зачастую не обладаютъ больше физической и моральной силой, чтобы жениться на здоровой женщинѣ. Они боятся и должны бояться молодой женщины, вслѣдствіе своего недостаточнаго физическаго развитія. Если при этомъ хоть мать была-бы здорова и полна жизненныхъ соковъ, то она имѣла-бы возможность побѣдить слабость. Но если у обоихъ половъ понижена физическая сила, а вслѣдствіе этого и область чувствъ и ощущеній, то они оба настолько слабы, что можно съ большою достовѣрностью предсказать гибель ближайшихъ поколѣній.

Но въ такомъ случаѣ, слышимъ вопросъ взволнованныхъ и озабоченныхъ читательницъ—какъ воспитывать дѣвочекъ?

Раньше всего оно должно сблизить дѣвушекъ съ сильнымъ поломъ. Эта мысль теперь ярко выражается въ силь-

номъ стремленіи и желаніи совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Эта мысль правильна, какъ протестъ, противъ средневѣковой, монастырской суровости, жеманства и отчужденности отъ жизни дѣвушекъ. Съ этой точки зрѣнія совмѣстное воспитаніе здорово, разумно и желательно. Дѣвушки должны знакомиться съ другимъ поломъ съ ранняго своего дѣтства, для того, чтобы потомъ сѣумѣть себя поставить въ правильное положеніе по отношенію къ мужчинамъ. Онѣ должны отучиться отъ своего, ни на чемъ не основаннаго, преклоненія передъ мужчиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ признать, въ чемъ состоятъ неоспоримыя, неподражаемыя, своеобразныя свойства сильнаго пола. Молодые люди будутъ на перебой другъ передъ другомъ предлагать и оказывать рыцарскія услуги молодымъ дѣвушкамъ. Это—языкъ природы. И дѣвушкамъ это будетъ нравиться, онѣ будутъ чувствовать себя счастливыми при этомъ, и опять таки безсознательно вѣрны природѣ своего пола. Между обоими полами явится соревнованіе, но каждый полъ захочетъ и сможетъ проявлять себя наилучшимъ образомъ въ своей области. Но если это приводитъ къ тому, что дѣвочки стремятся къ физическому превосходству надъ мальчиками, а послѣдніе стараются превзойти дѣвочекъ въ области нѣжныхъ чувствъ и мечтательности—то это является уже нежелательнымъ и противнымъ природѣ. Совершенства можно достигнуть не только идя одинаковымъ путемъ, но и когда каждое существо идетъ своимъ особымъ путемъ. Вѣдь различныя существа берутъ изъ одной и той же пищи нужное и подходящее имъ. Такимъ образомъ молодая дѣвушка можетъ окончить курсъ гимназій и развиться при этомъ спокойно, сообразно своей женской природѣ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣдь наша борьба направлена не противъ самихъ предметовъ, проходимыхъ въ гимназійхъ, а противъ того метода преподаванія и умственнаго напряженія учащихся, которые неразрывно связаны съ ними. Дѣвушки живутъ быстрѣе и всегда раньше развиваются, чѣмъ мальчики. Шестнадцатилѣтній мальчикъ—ребенокъ по сравненію съ шестнадцатилѣтней дѣвушкой. И какъ неразумно запрягать въ одинъ плугъ эти два существа, возрастъ которыхъ одинаковъ по календарю, но далеко не одинаковъ по умственному развитію. Семнадцатилѣтняя дѣвушка уже вполне созрѣла для супружества и равняется такимъ образомъ, у насъ приблизительно 27 лѣтнему мужчине. И по своей душевной жизни она ближе къ этому послѣднему, чѣмъ къ своему семнадцатилѣтнему сверстнику. И организмъ ея уже съ 12—13 лѣтняго возраста требуетъ совсѣмъ другаго обращенія, чѣмъ у мальчика одинаковаго возраста. Дѣвочкѣ необходимъ покой и строго соразмѣрное напряженіе своихъ силъ, мальчику нужно сильное движеніе, почти до переутомленія. И само собою понятно, что и духовная сто-

рона развивается въ уровень съ физической. И такъ какъ дѣвушка настолько быстрѣе живетъ, настолько раньше старится, то съ ея быстро проходящими годами расцвѣта, а затѣмъ полнаго цвѣтенія, нужно обходиться особенно экономно. Ея весна проходитъ быстрѣе, чѣмъ весна мужчины; ея воспитаніе поэтому должно особенно заботливо избѣгать неудачныхъ приемовъ. Послушное природному инстинкту стремленіе укажетъ дѣвущкѣ, незанятой ученіемъ или профессіей, совершенно самостоятельно вѣрный путь. При воспитаніи дѣвочекъ еще меньше надо вмѣшиваться, дѣлать что-нибудь, чѣмъ при воспитаніи мальчиковъ. Чуткая деликатность, на которую по праву рассчитываетъ женщина, должна особенно проявляться въ этой области. Не давайте дѣвущкѣ ничего, къ чему не стремится ея дѣвичья природа. Маленькія дѣвочки играютъ со своими куклами, прежде чѣмъ онѣ могутъ понимать, что этимъ природа уже подготавливаетъ ихъ къ материнскому призванію. Въ наше время ослѣпленныя женщины считаютъ униженіемъ, что онѣ только матери или, какъ онѣ презрительно выражаются, только самки. Конечно, женщина не должна ограничиваться въ своей жизни исполненіемъ только одного этого природнаго назначенія. Но всѣ чувства, мысли, поступки и работа женщинъ вообще истекаютъ изъ природы ея пола, какъ все соотвѣтствующее у мужчинъ изъ его природы. Независимо отъ того, становится ли она матерью или нѣтъ—она одарена сильнѣйшими материнскими инстинктами. Поэтому она прирожденная насѣдка; поэтому она чиститъ, украшаетъ и придаетъ уютъ своему дому и всей жизни. Женщина также и внѣ брака дополняетъ своей женственностью мужчину, и наполняетъ собой его одинокую и неполную жизнь. Чѣмъ чище сохранилось въ ней ея женское существо, тѣмъ благотворнѣе она вліяетъ на истиннаго мужчину. Мы хотимъ помочь женщинѣ въ завоеваніи ею свободы. Но мы хотимъ предостеречь ее отъ ложнаго направленія и поведенія. Наши желанія относительно развитія женщины свободнѣе и открываютъ для нея гораздо болѣе широкія перспективы, чѣмъ желаніе поборницъ женскаго вопроса. Мы не хотимъ обезцѣнить женщинъ тѣмъ, что даетъ имъ только равныя права съ мужчинами, нѣтъ—мы хотимъ для нихъ особенныхъ правъ, недостижимыхъ для мужчинъ. Мы имѣемъ въ своей собственной средѣ достаточный излишекъ несовершенныхъ мужчинъ, незачѣмъ намъ брать еще подкрѣпленіе изъ среды женщинъ. Но мы имѣемъ страстное желаніе, хотя бы съ точки зрѣнія нашихъ сыновей, имѣть совершенныхъ женщинъ, и хотимъ воспитаніемъ сдѣлать возможнымъ ихъ рожденіе.

Никто не станетъ требовать отъ насъ здѣсь изложенія какой-нибудь опредѣленной системы воспитанія, или выработанной программы обученія дѣвочекъ. Достаточно, если намъ

удастся вызвать полное неудовольствіе и сомнѣніе въ реформѣ женскаго воспитанія, созданной государствомъ и педагогическими авторитетами. Бѣда на лицо. И надо напречь всѣ силы, чтобы устранить эту бѣду, для того, чтобы женщина опять нашла самое себя.

ГЛАВА XVI.

Учебныя заведенія.

Различія между высшими и низшими школами не должно было бы существовать. Вѣдь нѣтъ же высшихъ и низшихъ больницъ. Врачи, которые занимаются леченіемъ взрослыхъ людей не стоятъ-же выше на соціальной лѣстницѣ, чѣмъ дѣтскіе врачи. Воспитаніе человѣка—задача равноцѣнная во всѣхъ своихъ частяхъ. Всѣ школы должны быть народными школами; потому-что всѣ мы принадлежимъ къ народу. Народъ, какъ таковой, не нуждается въ высшихъ школахъ, точно такъ-же, какъ онъ мало нуждается въ академіяхъ художествъ. Послѣднее относится уже къ области спеціального образованія. Мы нуждаемся въ спеціальныхъ школахъ, но онѣ должны стоять на почвѣ народной школы и не должны быть ни кастовыми, ни классовыми школами. Оцѣнка различныхъ видовъ школы не должна быть въ зависимости отъ соціального положенія родителей учащихся. Не должно ставить гимназію выше потому, что она, по старому обычаю, посѣщается дѣтьми лучше поставленныхъ въ соціальномъ отношеніи классовъ. Цѣнность и достоинство школы могутъ и должны оцѣниваться только по той пользѣ, которую она приноситъ юношеству. И пользу, конечно, не во внѣшнемъ смыслѣ правъ, которыя она даетъ, или выбора профессіи для будущей жизни—а въ смыслѣ развитія личности—идеи, которая проникаетъ всю эту книгу. Для каждаго отдѣльнаго мальчика та школа лучшая, которая лучше всего развиваетъ его природныя данныя. Родители совершаютъ большой грѣхъ по отношенію къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, когда они при выборѣ школы приносятъ въ жертву своему тщеславію благо дѣтей. И эта жертва приносится тогда, когда отдають дѣтей въ школы, гдѣ методъ и программа воспитанія и обученія не соотвѣтствуетъ природнымъ даннымъ мальчика, и поэтому мѣшаетъ ихъ развитію. Нѣтъ отдѣльныхъ школъ для умныхъ и способныхъ, и другихъ—для неспособныхъ дѣтей, и нѣтъ поэтому аристократическихъ и менѣе аристократическихъ школъ. Пока существуетъ классическія гимназіи, туда надо посылать тѣхъ дѣтей, которыя обладаютъ природными способностями и

склонностью къ изученію классицизма, т. е. исторіи и древнихъ языковъ. Но при спокойномъ и тщательномъ изслѣдованіи мы найдемъ очень мало такихъ. Нельзя также никоимъ образомъ переоцѣнивать тѣхъ положительныхъ знаній, которымъ современная школа придаетъ такое большое значеніе. Въ этихъ именно знаніяхъ весьма, мало положительнаго. Научно эти знанія, большей частью, очень мало обоснованы и подвергаются каждый годъ исправленіямъ и дополненіямъ, такъ что наши школьныя знанія уже въ значительной степени опровергнуты, и совершенно устарѣли, пока мы стали зрѣлыми людьми. Какая-нибудь греческая исторія, которая была написана двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь устарѣла. Греческая исторія, которую мы теперь преподаемъ дѣтямъ, черезъ 20 лѣтъ будетъ опять таки устарѣвшей. Мы можемъ, такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ развить въ дѣтяхъ пониманіе и опредѣленный интересъ къ историческимъ событіямъ. Положительныя знанія, какъ мы видимъ, неустойчивы. Но это историческое пониманіе можно приобрѣсти въ одинаковой мѣрѣ при изученіи, какъ прошлаго, такъ и настоящаго. Достаточно понять одинъ историческій примѣръ, чтобы научиться затѣмъ вообще исторически мыслить. При изученіи географіи глазъ ребенка загромождается количествами народонаселенія въ различныхъ государствахъ. 10 лѣтъ спустя ни одна такая цифра не соотвѣтствуетъ истинѣ. Стихотворенія, которыя мы учимъ въ школѣ забываются нами, отчасти потому, что онѣ вытѣсняются одно другимъ изъ нашей головы, отчасти потому, что исчезаетъ интересъ къ нимъ. Зачѣмъ-же заставляють дѣтей учить стихи, которые годятся только для дѣтскаго возраста? Надъ которыми смѣется взрослый мужчина и даже юноша? Зачѣмъ съ другой стороны заставлять дѣтей учить стихотворенія, которыя они могутъ понимать только въ болѣе позднемъ возрастѣ? Мы имѣемъ въ Германіи многихъ выдающихся людей, которые публично заявляютъ, что они стали тѣмъ, что они есть, не благодаря школѣ, а вопреки ей. Наша школа старается изощрить память. Но совершенно еще не доказано научно, что усиленное упражненіе памяти изощряетъ ее, а не-наоборотъ притупляетъ.* Знанія, которыя человѣку нужны для жизни, онъ лучше всего самъ беретъ изъ жизни. Онъ поступаетъ при этомъ такъ-же, какъ нашъ организмъ, который изъ поглощаемый имъ пищи используетъ тотъ матеріаль, который соотвѣтствуетъ его строенію. Наши врачи рекомендуютъ намъ строгую діету въ тѣлесной пищѣ, наши казенные воспитатели не имѣютъ еще никакого понятія о духовной діетѣ. Наши философы пытались уже много разъ писать о діетѣ для души, но какъ разъ теперь я не знаю ни одной такой философской книги, которая говорила-бы о воспитаніи въ семьѣ и школѣ. Почти всѣ наши

*) См. в примечаніяхъ къ стр. 152-153.

х) Вспомогательныя упражненія по математикѣ.

школьники страдают гипертрофіей мозга. И такъ не переоцѣняйте-же, ради Бога, этого перегруженія наукой и знаніями. Научные матеріалы могутъ быть сами по себѣ очень питательны, но этимъ еще не сказано, что они переваримы и полезны для дѣтей. Извѣстно, что бифштексомъ и яйцами можно закормить дѣтей до смерти. То-же самое происходитъ въ умственной области благодаря тому, что дѣтей, по старому рецепту, кормятъ лучшими блюдами и портятъ имъ такимъ образомъ вкусъ къ простымъ, но полезнымъ для нихъ. Никогда еще само по себѣ разумное изрѣченіе о томъ „что именно для юношества все лучшее лишь достаточно хорошо“, не было такъ ложно истолковано. Лучшее для юношества не есть лучшее дѣйствительно, какъ это кажется намъ взрослымъ. Мы, взрослые, любимъ и цѣнимъ Эсхила, Платона, Тацита, Гёте. Но сюда подходитъ выраженіе, что все это—икра для народа, икра также для нашего юношества. Для дѣтей лучшей пищей является малоко и яйца, для болѣе взрослыхъ — черный хлѣбъ и яйца, но не омары, устрицы и шампанское. Если-бы хотѣли наконецъ признать, что съ духовной діетой дѣло обстоитъ такъ-же, какъ съ тѣлесной пищей: неискусная смѣсь блюдъ, неумѣренность, слишкомъ быстрая ѣда, ѣда, не вызываемая голодомъ и нелюбимыя, навязанныя блюда, слишкомъ частая ѣда, плохо приготовленныя блюда, подаваемая въ неправильномъ порядкѣ — все это вызываетъ отягощеніе желудка, портитъ вкусъ, вызываетъ потерю аппетита; питательныя части пищи остаются непереваренными и выдѣляются болѣзненнымъ процессомъ изъ организма. Такимъ образомъ совершенно неправильно оцѣнивать достоинство школы по количеству и абсолютной цѣнности даваемыхъ ею научныхъ свѣдѣній. Та школа, къ которой мы такъ стремимся, будетъ заботиться о томъ, чтобы дѣти получали меньше духовной пищи, чѣмъ они будутъ хотѣть. Такимъ образомъ она разовьетъ въ дѣтяхъ голодъ и жажду знаній и духовнаго развитія, и именно умѣренностью, спокойствіемъ, осторожнымъ выборомъ, совершеннымъ устраненіемъ принужденія и всякихъ насильственныхъ средствъ, такая школа сдѣлаетъ возможнымъ и будетъ благоприятствовать естественному духовному росту. Внѣшніе успѣхи, въ такой школѣ конечно, не будутъ годиться для парадныхъ представлений. Лучшее, что можетъ приобрести человѣческой умъ, это—скрытая сила, которая не обнаруживается по заказу, а ждетъ своего призыва и вдохновенія. Всякое созрѣваніе, также въ области духа, требуетъ извѣстнаго времени. Все великое растетъ медленно. Все прекрасное развивается безъ принужденія. Еще никогда человѣкъ не сдѣлался выдающимся въ своей средѣ потому, что сзади его все время подгоняли кнутомъ. Конечно, въ такой школѣ, многіе дѣти будутъ дѣлать только

скромные успѣхи, но вѣдь школа есть только начало и подготовка къ жизни. Кто хочетъ судить о достоинствѣ школы, тотъ долженъ смотрѣть не на оканчивающихъ ее теперь учениковъ, а на зрѣлыхъ мужчинъ, которые посѣщали ее 20—50 лѣтъ тому назадъ. Только зрѣлый человѣкъ можетъ служить показателемъ достоинства школы. Самая лучшая—это та, которая даетъ намъ много счастливыхъ стариковъ. Тогда только станетъ истиной то, что теперь сдѣлалось смѣшной фразой, что дѣти учатся не для школы, а для жизни. Школы, какія бы онѣ громкія названія не носили, если онѣ истощаютъ тѣло и духъ учениковъ, плохи. Лучшими школами въ Германіи, такимъ образомъ, являются тѣ, которыя предъявляютъ наименьшія требованія своимъ ученикамъ. Въ другихъ школахъ съ повышенными требованіями, естественная самооборона нормальныхъ дѣтей дѣлаетъ то, что эти школы, благодаря невнимательности и лѣни учениковъ становятся сносными. Одинъ извѣстный педагогъ говоритъ скорѣе остроумно, чѣмъ вѣрно: хорошій мальчикъ не даетъ себя переутомлять. „Хорошій мальчикъ“? Но при этомъ онъ идетъ противъ духа школы, онъ не исполняетъ школьныхъ обязанностей, и поэтому преслѣдуется школой, которая возмущается имъ и налагаетъ на него всевозможныя наказанія. Принимая во вниманіе нравственное чувство нашего юношества, мы не должны устраивать нашу школу такъ, чтобы только не исполняющіе своихъ обязанностей ученики считались въ ней нормальными, или также такъ, чтобы нормальныхъ учениковъ надо было втихомолку поощрять къ неисполненію ихъ обязанностей.

Обзору всѣхъ существующихъ типовъ школы или статистикѣ и критикѣ ихъ—здѣсь, конечно, не мѣсто. Исключеніе мы должны сдѣлать только для одного типа новыхъ школъ на лонѣ природѣ (т. н. Landerziehungsheime), такъ какъ они стремятся идти навстрѣчу современнымъ педагогическимъ пожеланіямъ.

Въ основѣ такихъ школъ лежитъ искреннее стремленіе снять слишкомъ большой духовный багажъ съ юношества, и хорошимъ физическимъ уходомъ, вдали отъ большихъ городовъ, на лонѣ природы противодѣйствовать вреду, приносимому нашей ложной культурой. Но имъ сильно мѣшаетъ то, что и они даютъ своимъ питомцамъ извѣстныя права при окончаніи. Если въ концѣ концовъ ученики такихъ школъ обязаны держать тѣ-же экзамены, что и въ другихъ школахъ, то очень мало могутъ быть измѣнены и требованія, предъявляемыя ими своимъ ученикамъ. Измѣненіемъ методы все таки чуда не произведешь. Латинская или французская грамматика имѣетъ свои трудности, которыхъ не можетъ устранить ни одинъ учитель. Слова должны заучиваться, и никакая метода не можетъ устранить трудностей

этого заучиванія. Остается, значитъ, въ школахъ этого типа только преимущество лучшаго воздуха, меньшаго числа уроковъ и, благодаря этому, болѣе близкое знакомство съ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ и болѣе индивидуализированное отношеніе къ нимъ.

Но противъ такихъ школъ можно также многое возразить: первымъ дѣломъ и самое важное то, что дѣти удаляются отъ вліянія родительскаго дома. Кто не знаетъ или не признаетъ блага домашняго воспитанія, тотъ вообще ничего не понимаетъ въ воспитаніи и всѣ его разсужденія объ этомъ—пустая болтовня. Дѣти должны жить въ родительскомъ домѣ. И только когда этотъ родительскій домъ распался, деревенскій пансіонъ можетъ его замѣнить. Но при этомъ такой пансіонъ долженъ поставить себѣ первой задачей—пріобрѣсти семейный характеръ. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ матери. Другими словами, въ такомъ пансіонѣ директоръ долженъ быть женатъ. Опытъ и знанія, которые ребенокъ пріобрѣтаетъ въ такомъ деревенскомъ заведеніи, не должны противорѣчить всей нашей соціальной жизни. Въ деревенскихъ заведеніяхъ, этихъ новыхъ и искусственныхъ насажденіяхъ, развиваются формы общежитія, которыя потомъ, по выходѣ изъ школы не находятъ себѣ примѣненія. И въ этомъ заключается опасность, которую до сихъ поръ еще многіе не сознали. Искусственно созданныя группы или семьи, какъ ихъ называютъ,—ихъ можно было бы также называть артелями—похожи на студенческія корпораціи, но онѣ еще опаснѣе послѣднихъ, такъ какъ они культивируютъ вредный корпоративный духъ уже въ такомъ раннемъ возрастѣ. Искусственно культивированный корпоративный духъ закрываетъ ребенку возможность вступить въ непринужденное свободное общеніе съ внѣшнимъ міромъ, выбирать свободно себѣ знакомыхъ и развиваетъ въ немъ совершенно ни на чемъ неоснованную спѣсь, какъ если бы напримѣръ мальчикъ только потому, что онъ носитъ красную или зеленую шапочку, былъ-бы другой и лучшій, чѣмъ бѣлошапочники. Въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ такой кружковщинѣ противодѣйствуетъ родительскій домъ, гдѣ заложены настоящіе жизненные корни, затѣмъ слабая связь между учениками класса, вліяніе учителей и частая перемѣна класса.

Дальнѣйшая опасность такихъ деревенскихъ пансіоновъ, лежитъ, какъ во всѣхъ интернатахъ, въ половой области. Природа, настойчиво требующая своего, не находитъ правильнаго удовлетворенія и во всякомъ случаѣ не находитъ выхода. Въ этомъ никого нельзя винить. Но фактъ тотъ, что въ сиротскихъ пріютахъ, интернатахъ, казармахъ, на корабляхъ и въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ вообще живутъ совмѣстно много людей одного пола—находятъ себѣ мѣсто и развиваются различныя половыя извращенія. Ни самый строгій надзоръ, ни наиболѣе

здоровый и близкій къ природѣ образъ жизни, не можетъ уничтожить этого зла. Ни одинъ опытный человѣкъ не станетъ этого оспаривать. И въ деревенскихъ пансіонахъ надо подумать о томъ, что будетъ за школьными стѣнами. Что произойдетъ съ этими аскетами, когда они внезапно попадутъ въ большой городъ? Это бѣгство изъ культурнаго міра, куда потомъ все таки надо вернуться, можетъ только увеличить зло. Да, еслибы можно было молодыхъ людей, выросшихъ въ отдаленныхъ деревенскихъ заведеніяхъ, оставить на всю ихъ дальнѣйшую жизнь въ той-же средѣ! Тогда было-бы нѣчто совсѣмъ другое. Но они возвращаются—допустимъ съ большими силами—къ этой самой культурѣ, и можетъ быть именно вслѣдствіе богатства своихъ силъ, они будутъ вовлечены въ излишества. Не тѣ люди лучше всего проживаютъ свою жизнь, которые родились сильными, но очень часто тѣ, которые, будучи физически слабы отъ рожденія, съ самаго ранняго дѣтства приучаются къ осторожности, умѣренности, самовоспитанію.

Эти опасности, которыя мы здѣсь съ намѣреніемъ освѣтили такъ ярко, можно ограничить, если устраивать такіе деревенскіе пансіонаты вблизи большихъ городовъ и такимъ образомъ постоянно сознательно поддерживать связь съ культурой, а затѣмъ и раньше всего, если придать такимъ заведеніямъ характеръ семейныхъ домовъ, при которомъ всѣ силы души и характера находятъ нужный имъ естественный уходъ. Поэтому такой типъ школы долженъ быть рекомендованъ всѣмъ тѣмъ родителямъ, дѣти которыхъ чахнуть въ условіяхъ городской жизни; съ другой стороны государство и общество должны позаботиться о томъ, чтобы возникали въ большомъ числѣ эти деревенскіе пансіоны, которые бы проводили у себя всѣ требуемыя временемъ реформы. Тогда эти школы приобрѣтутъ большое постоянство и устойчивость въ смыслѣ учителей, учениковъ и всей своей жизни, и только такимъ образомъ онѣ будутъ правильно выполнять свою задачу.

Какъ школой будущаго, многіе въ Германіи представляютъ себѣ единообразную національную общеобразовательную школу. Подъ этимъ понимается школа, которая до извѣстнаго возраста, приблизительно до 14 лѣтъ, даетъ всѣмъ ученикамъ всѣхъ слоевъ общества одинаковое образованіе; послѣ этого возраста учениковъ раздѣляютъ по спеціальностямъ. Такія школы уже существуютъ въ Америкѣ и даютъ тамъ очень хорошіе результаты. Такая школа принесла бы большую пользу тѣмъ, что въ результатѣ основное народное образованіе было бы тогда единообразнымъ и дѣти изъ различныхъ народныхъ слоевъ могли-бы, безъ всякихъ трудностей и усилія, переходить въ высшія школы. Тогда мы имѣли-бы право надѣяться, что духовная сила народа не

пропадетъ. Но такъ какъ духовная сила есть важнѣйшій капиталъ какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, и каждая потеря человѣка, таланта, или выдающейся энергіи есть національная потеря, то всѣ мы одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы духовныя богатства, дремлющія скрытно въ народѣ, появились бы на свѣтъ и принесли-бы свою пользу. Тогда мы имѣли-бы истинную народную школу, которая не считается съ различіемъ сословій или классовъ, а знаетъ только разницу въ способностяхъ и духовной одаренности учениковъ. Эта школа, демократическая по своему духу, разовьетъ въ своихъ питомцахъ аристократизмъ духа. Такая школа означаетъ подборъ лучшихъ; она создаетъ умственную аристократію.

ГЛАВА XVII.

Физическое воспитаніе.

Современный воспитатель не отдѣляетъ тѣла отъ души. Изложивши здѣсь свои взгляды на цѣли воспитанія, мы поэтому поговоримъ сначала о тѣлѣ, такъ какъ, начиная говорить о духовной сторонѣ воспитанія, мы всегда должны возвращаться къ тѣлу, какъ къ вмѣстилищу духа. Мы только тогда можемъ выполнить нашу задачу воспитанія человѣка, когда мы создадимъ для его духа твердую опору въ тѣлѣ; мы повторяемъ: тѣло и духъ составляютъ одно цѣлое. Но въ школѣ, гдѣ главное вниманіе обращается на духовное развитіе, легко забываютъ о тѣлѣ ученика, удѣляютъ ему очень мало заботы, и оно погибаетъ тамъ. Наши казенныя школы считаютъ достаточнымъ назначать 2 часа гимнастики въ недѣлю при 40 часахъ умственной работы. Хотя и наука и опытъ давно уже установили взаимодѣйствіе между тѣломъ и духомъ, наши воспитатели, по какой-то ложной традиціи, все еще не могутъ рѣшиться использовать на дѣлѣ эти установленныя данныя. Греки, которые какъ будто пользуются симпатіей нашихъ воспитателей, представляли себѣ здоровый и прекрасный духъ только въ здоровомъ и прекрасномъ тѣлѣ. Отталкивающая наружность мудраго Сократа казалась имъ парадоксомъ природы. Они не могли объяснить себѣ этой загадки природы, такъ сильно они привыкли смотрѣть на тѣло, какъ на инструментъ, на которомъ играетъ душа. Нѣмецкое воспитаніе, со всѣми его ошибками и заблужденіями, становится намъ понятно, когда мы рассматриваемъ его, какъ созданіе народа, совершенно не обращающаго вниманія на свое физическое развитіе. Наши философскія системы, наши учебники, наши манеры, вся наша обществен-

ная жизнь носить на себѣ печать народа, который и въ школѣ и въ жизни привязанъ къ своей комнатѣ и къ своему письменному столу. Мы опять стали книжниками и фарисеями. Намъ недостаетъ мускульной и нервной силы. Наша кровь сгущена, голова затуманена, глаза мутны и вооружены очками. Мы употребляемъ слишкомъ много швейцарскихъ пилюль, желѣзо. Мы сначала должны опять приучить себя къ свѣжему воздуху и къ сильному движенію на лонѣ природы. Мы опять должны научиться гордиться своимъ тѣломъ и считать своей обязанностью заботиться о его красотѣ. Мы сами отвѣтственны за нашу наружность и за наше лицо. Черты его намъ даны природою при рожденіи, но о выраженіи лица мы уже сами должны заботиться. Отъ насъ зависитъ, чтобы у насъ была здоровая, цвѣтущая, сильная и жизнерадостная наружность. Наши ближніе имѣютъ право требовать этого отъ насъ. Не всякій имѣетъ право показывать людямъ свое недовольное лицо, свою небрежную, запущенную наружность.

Если мы требуемъ отъ человѣка умственнаго воспитанія и образованія, то съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ требовать отъ него и образованной наружности. Запущенное въ пренебреженіи тѣло не менѣе отталкиваетъ, чѣмъ запущенная и невоспитанная душа. Оно только еще сильнѣе бросается намъ въ глаза. Наши воспитатели совершенно съ этимъ не считались. Всѣ наши обычаи были противны такому взгляду. Нашъ завсегдатай пивныхъ, студентъ филистеръ, разрушалъ въ продолженіи столѣтій свой духъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое тѣло, неумѣреннымъ потребленіемъ пива, задыхаясь въ табачномъ дыму. Истинная культура не соединяетъ съ такъ называемымъ пивнымъ и картофельнымъ животомъ. Я неохотно слушаю лекціи объ эстетикѣ и нравственности, когда мнѣ ихъ читаетъ учитель, у котораго зеленые зубы, грязные ногти и все лицо въ прыщахъ и угряхъ. Уходъ за кожей важнѣе, чѣмъ заучиваніе псалмовъ. Здоровые и ослѣпительно бѣлые зубы гораздо цѣннѣе для жизни, чѣмъ цѣлый складъ поучительныхъ изреченій. Мы должны наконецъ покончить съ этимъ клерикальнымъ воспитаніемъ, враждебно относящемся къ нашему тѣлу. Мы должны разсматривать, какъ полулюдей тѣхъ, которые сами, одностороннимъ культомъ своего духа, сдѣлали себя таковыми. Христіанская любовь къ ближнимъ повелѣваетъ воспитывать въ дѣтяхъ заботливость и любовь къ своему тѣлу. Гордость своимъ тѣломъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее, а можетъ быть и единственное средство защиты отъ тѣлеснаго самоуниженія. Въ школахъ молодежь должна стремиться не только къ тому, чтобы хорошо выдержать экзамены, но также къ тому, чтобы хорошо развить свое тѣло и жить здоровой физической жизнью.

Чтобы удовлетворить всѣ эти необходимыя и справедливыя требованія тѣла, должна быть создана такимъ образомъ совершенно новая воспитательная практика. Наши дѣти должны приучаться къ тому, что уходъ за кожей, зубами, волосами, развитіе мускулатуры, манера держаться, привлекательность и полное господство надъ своимъ тѣломъ—есть нѣчто само собой понятное и необходимое для нихъ. Было-бы желательно, чтобы каждый мальчикъ умѣлъ ѣздить верхомъ, плавать, грести, править парусомъ и ѣздить на велосипедѣ, а также учился бы стрѣлять, прыгать, бросать высоко предметы, кататься на лыжахъ, на колесныхъ конькахъ, занимался бы боксомъ и фехтованіемъ. Это дастъ имъ увѣренность въ себѣ и гордость. Они сѣмѣютъ тогда справиться со всякимъ положеніемъ и опасностью въ жизни, они будутъ чувствовать, что они призваны помогать слабымъ, укрощать дерзкихъ и поддерживать общественный порядокъ и дисциплину. Въ наши дни физически неразвитой народъ ѣтказывается отъ самозащиты и въ случаѣ опасности зоветъ полицію; его даже принуждаетъ къ этому мягкосердечный законъ. Въ Англии и Америкѣ человекъ своимъ собственнымъ кулакомъ самъ ищетъ и добивается своего права, когда это ему нужно. У насъ-же, гдѣ между студентами, на примѣръ, въ обычаѣ самозащита, она вырождается очень часто въ вызывающую заносчивость. Но спокойная и увѣренная въ себѣ сила никого не задѣваетъ, служить дѣлу мира, и охраняетъ порядокъ. То обстоятельство, что Лютеръ, Гете и Бисмаркъ были и въ физическомъ отношеніи выдающимися людьми, не есть только случайность. Если мы на минуту представимъ себѣ, что весь народъ состоитъ изъ такихъ физически здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, то мы легко поймемъ, какъ нормально и здорово должна была бы сложиться тогда и вся народная жизнь.

Съ нашимъ исключительно духовнымъ воспитаніемъ мы потерпѣли полную неудачу. Многое что могло-бы быть упрядочено, если-бы люди обладали сильнымъ физическимъ развитіемъ, теперь требуетъ громадной письменной работы и канцелярщины.

Самоуправленіе въ семьѣ, общинѣ, городахъ и государствахъ основано въ своемъ корнѣ на способности къ самозащитѣ. Мы сами въ Германіи признали себя несовершеннѣтними, отняли у себя права и довѣрились добросердечной и мудрой заботливости высокочтимыхъ властей. Мы позволяемъ собой править; и все это коренится въ нашемъ физическомъ несовершенствѣ.

Тѣло находилось до сихъ поръ въ такой опалѣ, что мы разучились интересоваться важнѣйшими его нуждами и потребностями. Кто же интересовался, да еще и въ наше время кто интересуется тѣмъ, какой климатъ больше всего

подходить для чего организма, какая діета ему нужна и полезна и какой вообще образъ жизни лучше всего подходит для его организма? Требованія тѣла считаются всегда несущественными. На первомъ планѣ стоятъ требованія духа. По тому, что читаетъ или чего не читаетъ человѣкъ, судятъ объ его образованіи. А къ ѣдѣ и питью человѣка развѣ надо относиться безразлично? Съ другой стороны современный человѣкъ ѣстъ и пьетъ слишкомъ много и этимъ только вредитъ себѣ, такъ какъ и тогда онъ не ѣстъ или не пьетъ того, что необходимо и полезно его организму, а считается со своимъ вкусомъ и минутнымъ настроеніемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ страдаетъ тѣло. Частію оно заболѣваетъ, частію теряетъ свой нормальный видъ и формы. Съ этимъ находится также въ связи и извращенный вкусъ въ одѣваніи и модѣ. И здѣсь мы видимъ отсутствіе личной гордости, даже вообще личного вкуса. Наши дамы подчиняются въ своихъ модахъ парижскимъ кокеткамъ. И мы, мужчины, вполне предоставлены произволу нашихъ портныхъ. Наша одежда не только безвкусна, она также не гигиенична. Ботинки, корсеты, шерстяныя рубахи, крахмальные воротники, цилиндры, тяжелыя касторовыя шляпы — все это противно красотѣ, здоровью и хорошему вкусу.

Попытки ввести какія-нибудь реформы въ этой области наталкиваются на насмѣшки и терпятъ крушеніе; потому что потребность въ культѣ своего тѣла еще не проникла въ народное сознаніе.

Наши современные школы не могутъ выполнить этихъ задачъ, потому что для этого требуется и время и извѣстное направленіе школы. И всякій серьезный школьный учитель откажетъ вамъ въ этихъ требованіяхъ на томъ основаніи, что отъ этого пострадаютъ школьныя занятія. Въ этомъ сказывается вся ложность нашего воспитанія. Если не остается времени для самаго необходимаго, для самой жизни, такъ для чего же, скажите на милость, намъ дано вообще время? Отнесемъ-же наконецъ серьезно къ этимъ до тошноты цитируемымъ нами, словамъ „о здоровомъ духѣ въ здоровомъ тѣлѣ!“ Здоровье и красота должны считаться синонимами, они заслуживаютъ одинаковыхъ заботъ. Весь современный культъ тѣла, вечера красоты, солнечныя и воздушныя ванны имѣютъ поэтому полное свое оправданіе; жаль только, что эти серьезныя задачи превращаютъ въ зрѣлища и относятъ ихъ такимъ образомъ въ область шутки и сенсациі. Дѣло слишкомъ серьезно и имъ нужно заниматься такъ-же спокойно, дѣльно и энергично, какъ занимаются чисто духовнымъ культомъ въ семьѣ и школѣ.

Такъ-же мало, какъ прежде мы могли удѣлить мѣсто точной и опредѣленной программѣ умственного обученія въ школѣ — точно такъ-же мы не можемъ изъ этой книги о вос-

питаніи вообще сдѣлать руководство для физическаго ухода за дѣтьми. Кто признаетъ необходимость нашихъ требованій, найдетъ средства и пути для изученія ихъ болѣе подробно и выберетъ то, что наиболѣе подойдетъ къ его дѣтямъ. И для чего существуютъ у насъ также врачи? И для чего у каждаго человѣка есть его собственный разумъ, его любовь къ дѣтямъ и всѣ его чувства?

Первый принципъ долженъ быть тотъ, что воспитаніе въ семьѣ и въ школѣ не должно никоимъ образомъ вредить организму ребенка. Приобрѣтаемая съ вредомъ для организма духовная цѣнность покупается слишкомъ дорогой цѣной и обезцѣнивается вслѣдствіе этого. Воспитаніе должно при всякихъ условіяхъ быть только благодѣяніемъ. Нѣтъ благодѣянія тамъ, гдѣ страдаетъ тѣло. Если бы отъ этихъ требованій потерпѣли крушеніе теперешнія школьныя программы, всѣ существующія теперь воспитательныя системы, то пусть погибаетъ все это; но не тѣло. Если нѣкоторые сильные мальчики справляются со школьными требованіями безъ вреда для своего организма, то это ничего еще не говоритъ въ пользу школы. Школа, которая для всѣхъ дѣтей является принудительнымъ заведеніемъ, должна также развивать всѣхъ дѣтей и не только духовно, какъ предполагается, а также физически, или какъ мы говоримъ, не дѣлая разграниченія: всю личность ребенка.

Но довольно словъ. Кто насъ еще до сихъ поръ не захотѣлъ понять и признать нашихъ требованій, того мы ужъ не убѣдимъ. Пусть того просвѣтитъ фактъ существованія болѣзненныхъ дѣтей, ихъ унылая жизнь и раннее увяданіе.

При введеніи новаго метода физическаго воспитанія нужно начать съ устраненія наслѣдственныхъ пороковъ въ области питанія, одежды, обычаевъ, не трогая при этомъ хорошихъ наслѣдственныхъ чертъ.

Нѣмецкими наслѣдственными пороками являются обжорство, пьянство, небрежность въ манерѣ держать себя, и въ словахъ. Только научныя и статистическія изслѣдованія открыли намъ глаза: мы знаемъ теперь тѣ ужасныя опустошенія, которыя производитъ алкоголизмъ, никотинъ и туберкулезъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы это знаемъ, понятія о воспитаніи и образованіи совершенно измѣнили для насъ свое значеніе. Зачѣмъ намъ нужны всѣ эти знанія и эстетика, когда немощное тѣло омрачаетъ и дѣлаетъ печальной всю нашу жизнь, или когда бѣлая горячка или туберкулезъ внезапно прекращаютъ эту жизнь въ цвѣтѣ лѣтъ? Мы должны сначала построить крѣпкій, прочный домъ, а затѣмъ ужъ подумать объ его украшеніи. Мы должны сначала создать крѣпкое и здоровое тѣло, чтобы въ немъ могла жить счастливая душа. Всѣ реформы въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ должны поэтому сообразовываться съ требованіями гигиены. Въ роли воспита-

телей должны здѣсь выступить врачи, они же должны заботиться о красотѣ тѣла. Желанія и цѣли врачей и художниковъ встрѣтятся и будутъ совпадать въ этой области: здоровый человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасенъ. Въ увяданіи и болѣзни нѣтъ красоты.

Къ физическому воспитанію относится также борьба съ половыми болѣзнями. Здѣсь недостаточно одного нравственнаго негодованія. Мы имѣемъ право призывать молодежь къ цѣломудрію и чистотѣ, но только въ исключительныхъ случаяхъ это будетъ имѣть длительный успѣхъ. Природа сильнѣе воли. Въ библии сказано: духъ силенъ, но плоть немощна. Духъ въ соединеніи съ тѣломъ настоятельно требуютъ половой дѣятельности. Сильный долженъ и хотеть размножаться. Это его естественное призваніе. Аскетизмъ идетъ противъ законовъ природы. Не можетъ никоимъ образомъ считаться заслугой добровольное прекращеніе цѣпи развитія и такимъ образомъ уничтоженіе жизни.

Создайте намъ возможность своевременнаго вступленія въ бракъ, и тогда станетъ добродѣтельно то, что теперь считается грѣхомъ. Пока сбившееся съ пути общество будетъ терпѣть, чтобы молодые люди получали возможность жениться только между 30 и 40 годами, до тѣхъ поръ будетъ существовать проституція и внѣбрачное сожительство. Въ широкихъ массахъ нашего народа существуетъ половая мораль, совсѣмъ не считающаяся съ принципами нравственности пасторовъ и обществъ защиты дѣвушекъ. Фактъ, возмущающій всѣхъ высоконравственныхъ людей, а именно, что многолѣтнія проститутки выходятъ затѣмъ замужъ за скромныхъ ремесленниковъ, моряковъ и другихъ честныхъ людей изъ народа и становятся честными женщинами и матерями, встрѣчается очень часто. Народъ вообще не понимаетъ, зачѣмъ человѣкъ долженъ такъ жестоко насиловать свою природу. Матери снисходительны къ своимъ дочерямъ, такъ какъ онѣ зачастую сами родили уже до брака, населеніе въ деревняхъ считаетъ вполне нормальнымъ то, что любовная парочка сначала убѣждается во взаимной способности къ дѣторожденію и только затѣмъ беретъ на себя брачныя обязательства. Верхніе слои общества только осторожнѣе другихъ въ соблюденіи этого внѣшняго декорума.

На земномъ шарѣ гораздо больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Многія дѣвушки должны поэтому отказаться отъ замужества, это очень печальный фактъ, и большая потеря, какъ въ смыслѣ счастья отдѣльной личности, такъ и для прироста народонаселенія. Наша общественная мораль требуетъ отъ такихъ незамужнихъ дѣвушекъ не только отреченія отъ счастья материнства и супружества, но также и отъ счастья любить и быть любимой. Онѣ не должны имѣть никакихъ романовъ въ жизни и имъ ставится въ величайшую за-

слугу, если они дожили до старости, не извѣдавши ни разу чувственно горячаго поцѣлуя мужчины. Я нахожу это и жестокимъ и безнравственнымъ. Чувствуетъ-ли человѣкъ потребность въ любви или нѣтъ—это во всякомъ случаѣ касается только его одного. Какъ только онъ вышелъ изъ подъ родительской опеки, онъ долженъ быть самъ себѣ господиномъ. Кому и чему служить и приносить пользу старѣющаяся дѣвушка, когда она подавляетъ въ себѣ природную чувственность? Кому отъ этого хорошо? Должна-ли она убить въ себѣ и уничтожить все то, что по смыслу мірозданія составляетъ самыя сокровенныя свойства ея души и тѣла, только для того, чтобы удовлетворить мѣстнаго пастора и нѣсколькихъ тетушекъ—старыхъ дѣвъ? Многихъ милыхъ, честныхъ и именно потому, что онѣ такъ нормальны и здоровы „падшихъ“ дѣвушекъ, постигаетъ судьба Фаустовской Маргариты. Сколько такихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, съ довѣріемъ отдавшихся своимъ возлюбленнымъ, умираютъ потомъ отъ любостязательныхъ рукъ женщинъ, которыя обѣщаютъ „убѣжище и совѣтъ въ секретныхъ случаяхъ“! Вѣдь это есть чистѣйшее массовое убійство, котораго только наше слишкомъ нравственное общество не хочетъ видѣть, о которомъ оно не желаетъ слышать! Мы уже не говоримъ о тѣхъ преступленіяхъ противъ зарождающейся жизни, которыя все больше и больше распространяются въ обществѣ. И это является плодомъ больной общественной морали. Еслибы общество не презирало и не карало рождающихся дѣвушекъ, а заботилось бы о нихъ, какъ о женщинахъ и матеряхъ, то онѣ не кончали бы въ отчаяніи свою жизнь самоубійствомъ. Всякое увеличеніе народонаселенія, здоровыми и въ любви рожденными дѣтьми, есть національное обогащеніе. Въ Японіи, гдѣ внѣбрачная любовь не презирается такъ, какъ у насъ, незаконныя дѣти воспитываются государствомъ въ сиротскихъ пріютахъ и заполняютъ потомъ собою въ большомъ количествѣ ряды арміи. У насъ есть безчисленное количество молодыхъ женщинъ, которыя имѣютъ желаніе, время, силы и деньги—и, такимъ образомъ, полную возможность воспитать со всей заботливостью дитя своей любви. Почему-же наше общество не признаетъ такихъ матерей? Почему-же оно клеймитъ ихъ печатью безчестія?

Серьезнѣе слѣдуетъ отнестись къ справедливому вопросу практиковъ жизни: что дѣлать съ дѣтьми бѣдныхъ дѣвушекъ? Какъ намъ охранить государство отъ избытка народонаселенія? Какъ предупредить половую распущенность, когда ее перестанетъ ограничивать общественная мораль? Объ этомъ можно говорить. Наша современная мораль также не устраняетъ зла изъ жизни. На бѣломъ свѣтѣ достаточно незаконныхъ дѣтей и болѣе чѣмъ достаточно прости-тутокъ. Сама дѣвушка все еще лучше всего заботится о себѣ

и своихъ интересахъ. Природа ей дала всѣ средства и оружіе приковывать къ себѣ своего возлюбленнаго. Въ этомъ долженъ ее еще поддерживать законъ. Обманъ со стороны мужчины, нарушеніе обѣщанія жениться, изнасилованіе, должны еще суровѣе наказываться, чѣмъ до сихъ поръ, какъ это дѣлается, напр. въ Англіи, гдѣ законъ на этотъ счетъ очень строгъ. Обязательство со стороны мужчины содержать своихъ незаконныхъ дѣтей должно въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще увеличиться. Но раньше всего мы должны поднять мать въ ея социальномъ положеніи и охранять ее въ ея профессиональной жизни. У всякой беременной женщины „благословенно чрево“, и она должна быть почитаема, какъ носительница новой жизни. Это явленіе природы, совершенно не зависящее отъ достоинства каждой отдѣльной женщины, степени ея вины и т. д. И проститутка можетъ стать матерью пророка или святого. И мы не можемъ ни измѣрить, ни судить, чѣмъ мы будемъ обязаны, тѣмъ болѣе по истеченіи столѣтій, чреву этой проститутки. Мы должны почитать жизнь вездѣ, гдѣ ее находимъ: нѣтъ дѣтей, рожденныхъ въ грѣхѣ. И мать для рожденнаго ею ребенка всегда мадонна. Въ отношеніи между матерью и ребенкомъ нѣтъ старой вины. Здѣсь прерывается цѣпь; новое, святое чувство обязанности искупаетъ все прошлое, и создаетъ изъ глубины самой природы первое звено новой цѣпи.

Тамъ, гдѣ внѣбрачное дѣторожденіе не приноситъ съ собой такихъ страданій и униженій родителямъ и дѣтямъ, въ очень высокой степени увеличивается возможность и вѣроятность вступленія въ законный бракъ. Тамъ ребенокъ помогаетъ матери удержать отца. Тогда только вполнѣ проявляются глубочайшія этическія свойства.

Современная общественная мораль разрушаетъ эти свойства и вредитъ этимъ народной морали, близкой къ самой природѣ вещей. Каждая отдѣльная личность съ трудомъ можетъ отказаться отъ этой общественной морали. Она становится жертвой этой морали, какъ-бы сильно она не страдала отъ этого, такъ какъ никто не можетъ, не жертвуя собой, пренебречь распространенными общественными обычаями.

Современная культура славится тѣмъ, что она побѣдила и изгнала холеру, оспу, проказу и другія эпидемическія болѣзни, уносящія много народныхъ жизней. Она борется съ похвальной рѣшительностью съ чахоткой, но о половыхъ болѣзняхъ, несмотря на опустошенія, производимыя ими, до сихъ поръ говорятъ и пишутъ съ глупой щепетильностью. Рѣшающее вліяніе и слово въ этомъ вопросѣ все еще принадлежитъ попамъ и старымъ дѣвамъ. Новое направленіе въ физическомъ воспитаніи должно первымъ дѣломъ вступить въ борьбу съ половыми болѣзнями. Доказано научно, что большинство случаевъ слѣпоты, громадное коли-

чество костныхъ и тканевыхъ заболѣваній, рахитъ, также душевныя болѣзни и слабоуміе являются послѣдствіемъ половыхъ болѣзней.

Со всѣмъ этимъ воспитаніе въ семьѣ и школѣ до сихъ поръ совершенно не желало считаться. Чтобы избѣжать преждевременнаго просвѣщенія дѣтей въ этомъ смыслѣ, можно и на будущее время не говорить о причинахъ, но несмотря на это, борьба съ этимъ наслѣдственнымъ народнымъ порокомъ должна быть начата уже въ школѣ.

Только теперь, наконецъ, въ нашихъ школахъ начали это дѣлать. Съ опозданіемъ на нѣсколько столѣтій.

Таблицы, на которыхъ наглядно изображены тѣ опустошенія, которыя алкоголизмъ производитъ во внутреннихъ органахъ, и выводимыя изъ этого объясненія, предостерегаютъ молодежь отъ порока, которому они прежде, не останавливаемые никѣмъ, шли навстрѣчу, не подозрѣвая ничего, съ юношескимъ задоромъ и веселіемъ. Одинаковыми объясненіями дѣтей предостерегаютъ отъ опасности туберкулеза, рекомендуютъ имъ содержать въ чистотѣ тѣло, пребываніе въ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ съ чистымъ воздухомъ, не плевать на полъ и на улицѣ, потому что это и не здорово и не красиво и т. п. Точно такъ-же каждому ученику, при окончаніи имъ школы, надо давать въ руки брошюру, которая предостерегаетъ, какъ отъ опасностей полового разврата, такъ въ особенности отъ половыхъ заболѣваній.

ГЛАВА XIX.

Культурныя формы общенія.

Воспитаніе чувства красоты и культура тѣла приводятъ незамѣтно и къ общественной культурности. И съ этимъ дѣло до сихъ поръ обстоитъ плохо. Наши общественныя отношенія не имѣютъ ничего общаго съ духомъ семьи; не имѣютъ въ себѣ, благодаря этому, тѣхъ этически-цѣнныхъ сторонъ, которыя однѣ только оправдываютъ и украшаютъ общежитіе. Совмѣстное пребываніе людей, которое имѣетъ только ту общую цѣль, чтобы вмѣстѣ хорошо поѣсть и выпить и затѣмъ сейчасъ опять уйти домой—не оставляетъ послѣ себя никакихъ высокихъ духовныхъ и этическихъ чувствъ. Отношенія людей и обращеніе другъ съ другомъ въ нашемъ обществѣ стали поверхностны и носятъ только внѣшній характеръ. Люди стараются быть корректны, никого не задѣвать, избѣгать серьезныхъ вопросовъ, завязывать хорошія знакомства—разумѣя здѣсь подъ словомъ хорошія—вліятельныя. Духъ общества—насколько вообще еще можно

говорить о духѣ—интернаціоналенъ, т. е. безцвѣтенъ, и не характеренъ. Въ разговорахъ затрагивается только поверхности вещей, внѣшняя ихъ сторона; никто не имѣетъ опредѣленныхъ воззрѣній, а, если и имѣетъ, то не высказываетъ ихъ. Такимъ образомъ, являясь въ общество становится наконецъ мучительной обязанностью, и болѣе глубокия натуры, у которыхъ есть своя сильная индивидуальная жизнь, держатся вдали отъ него. Приемы гостей, которые устраиваются по обязанности и приемы, гдѣ угощается много людей, которыхъ разсаживаютъ и съ которыми обращаются сообразно ихъ чину, перенесеніе тона департамента въ салонъ, свѣтскіе, надутые приемы выскочекъ, гдѣ хозяева имѣютъ въ виду только одну цѣль—поразить гостей своимъ богатствомъ и роскошью—все это не имѣетъ ничего общаго съ истинной культурностью. Къ сожалѣнію, даже попойки нашихъ студентовъ-корпорантовъ стали теперь неинтересны и неостроумны. Они запрещаютъ политическіе и религіозные разговоры и осуждаютъ себя этимъ сами на скуку и пустоту. И въ этомъ ихъ гордость. Это то единственное и существенное, чѣмъ корпораціи отличаются отъ другихъ студенческихъ организацій. Такимъ образомъ имъ не остается ничего другого, какъ повтореніе все тѣхъ-же пивныхъ остротъ, ставшихъ стереотипными и тупыми.

Остается дальше строгость статутовъ, которая у нѣкоторыхъ корпорацій заходитъ такъ далеко, что строго предписывается опредѣленная прическа, конечно, прямой проборъ черезъ всю голову—затѣмъ даже высота воротника и покрой одежды. Студенческія корпораціи подражаютъ манерамъ и тону офицерскихъ круговъ; а офицерскія манеры мы уже разъ обозначили односторонними и подходящими въ крайнемъ случаѣ только для военныхъ. Подражаніе это выражается въ заученныхъ внѣшнихъ формахъ: картавый разговоръ, щелканіе каблуками, поклонъ подъ прямымъ угломъ, днемъ преувеличенная серьезность напоказъ, ночью—слишкомъ сильная склонность къ грубымъ шалостямъ. Другіе студенческія корпораціи въ маленькихъ университетахъ имѣютъ и хорошіе товарищескіе обычаи, но они слишкомъ легко теряются во всеобщемъ потокѣ большого города, съ трудомъ могутъ распространять тамъ и сохранять для своей собственной жизни опредѣленныя общественныя формы.

Мы не можемъ изъ ничего создавать новую общественную культурность. Самыя прекрасныя предложенія не принесутъ никакой пользы, если они не подготовлены съ малыхъ лѣтъ. Въ семьѣ долженъ быть создацъ примѣръ, и должно начаться это воспитаніе. Тѣхъ хорошихъ манеръ и привычекъ, которыхъ дѣти не приобрѣли въ дѣтской, они съ трудомъ или совершенно уже не приобретутъ во всей своей позднѣйшей жизни. Поэтому такъ чрезвычайно важно

развить въ дѣтяхъ уже сначала привычку къ опрятности, аккуратности—аккуратность—это вѣжливость аристократовъ, къ уваженію къ другимъ, любезности, хорошимъ манерамъ, особенно за столомъ, къ чистой и приличной манерѣ ѣсть, къ умѣренному разговору, къ чистому бѣлью, одеждѣ и сапогамъ, къ уходу за волосами и мн. др. Этого нужно и этого мы должны достигнуть, если хотимъ привить дѣтямъ культурныя формы общежитія. Остается только вопросъ, какими средствами? И здѣсь примѣнимо то-же, о чемъ мы уже въ общемъ говорили. Примѣръ—все. Въ Англіи мы видимъ хорошо воспитаннымъ цѣлый народъ. Тамъ родителямъ наврядъ-ли нужно воспитывать въ своихъ дѣтяхъ хорошія манеры, потому что тамъ все общество само одинаково воспитываетъ и себя въ цѣломъ, и cadaго въ отдѣльности. Тамъ мы имѣемъ передъ собой вліяніе массоваго внушенія, имѣемъ народные нравы и народные обычаи, которые кажутся иностранцу педантичными, но которые имѣютъ чрезвычайно сильное воспитательное и социальное значеніе. Мы ничего не сдѣлаемъ только запрещеніемъ и бранью. Мы должны также освободиться отъ воспитанія гувернанокъ, съ ихъ чопорностью, синими очками, прописной моралью и вѣчнымъ Shocking; мы должны точно такъ же освободиться отъ домашней распущенности въ одеждѣ и манерахъ. Въ англійскихъ семьяхъ хозяинъ дома является къ столу въ сюртукъ или во фракъ, хозяйка дома въ соотвѣтствующемъ туалетѣ.

При этомъ соблюдаются также всѣ обычныя свѣтскія приличія. Это сначала кажется намъ комически торжественнымъ, но это все таки лучше, чѣмъ, когда хозяинъ дома садится за столъ безъ сюртука и въ туфляхъ. Потому что изъ этого дѣти сейчасъ же выводятъ заключеніе, что и имъ можно себѣ позволять разныя вольности. Общественная культурность можетъ развиваться только путемъ самовоспитанія cadaго въ отдѣльности. Кто хочетъ жить въ ладу съ другими людьми, долженъ считаться съ ними, дѣлать уступки, и побороть многое въ своихъ собственныхъ склонностяхъ и страстяхъ. Только тогда онъ имѣетъ право требовать отъ другихъ того-же. Существуетъ только одна опасность, это та, что приходится жертвовать слишкомъ многимъ изъ своей личной свободы для общественныхъ требованій. Въ Англіи это уже больше, чѣмъ опасность. Тамъ, по нашему мнѣнію, уже слишкомъ сильно теряется отдѣльная личность въ массѣ. Разговоры, которые ведутся за англійскимъ столомъ, манеры и одежда всѣхъ англичанъ похожи другъ на друга до ужаса, до того, что ихъ можно смѣшать. Кажется достаточно знать одного, чтобы знать всѣхъ. Недостаетъ дифференціаціи и индивидуальнаго отпечатка. Народный же характеръ вездѣ выдѣляется ярко и красиво. У насъ дѣло стоитъ наоборотъ.

Мы должны научиться, или, такъ какъ мы, старики, уже неспособны учиться—мы должны научить нашихъ дѣтей найти согласованіе между общеобязательной для всѣхъ общественной культурностью и личными жизненными потребностями. Хорошія формы жизни должны быть естественнымъ выраженіемъ содержанія жизни. Воспитанность—не должна быть только внѣшней, притянутой извнѣ или заученной; потому что тогда выйдетъ именно то, что кажется намъ иногда каррикатурой въ офицерахъ, студентахъ—корпорантахъ, а также и въ чиновникахъ.

Всякое воспитаніе имѣетъ свои корни внутри насъ. Приятное и любезное обращеніе выражаетъ только сердечную культурность. Поэтому также и общественныя формы не переносятся отъ одного народа къ другому. Въ Германіи общественная культурность основана на существѣ нѣмецкаго народнаго характера. Здѣсь, конечно, центръ тяжести лежитъ въ области сердечности и уюта. Это—чисто нѣмецкія черты. Въ нихъ лежитъ своеобразность нѣмецкаго характера, можетъ быть, также наша слабость, но, если правильно ихъ оцѣнивать и развивать—они могутъ стать и нашей силой. Это доказываютъ намъ нѣмецкіе художники, какъ напр. Людвигъ Рихтеръ, Морицъ фонъ Швиндъ, Гансъ Тома, Отто Уббелоде, а въ области музыки напр. Шубертъ и Шуманъ. Нѣмецкая народная пѣсня и нѣмецкіе минезенгеры, рядомъ съ ними также пѣсня о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ—даютъ тѣ основные аккорды, по которымъ всегда будетъ настроенъ общій характеръ нѣмецкой жизни: рыцарство, склонное къ грусти и сантиментальности. Наслажденіе маленькими радостями жизни, а также способность на геройскія дѣла, отважное стремленіе въ даль изъ тѣсныхъ предѣловъ милой родины.

Если внѣшнія формы общежитія только заучены и навязаны, какъ это зачастую бываетъ у кадетовъ и молодыхъ аристократовъ—то сами юноши чувствуютъ ихъ, какъ тягость—и производятъ также такое впечатлѣніе. Также разряженные маленькіе элегантные франтики и юныя модныя куколки чувствуютъ себя не по себѣ въ своихъ костюмахъ и производятъ отчасти смѣшное, отчасти жалкое впечатлѣніе.

Такимъ образомъ все воспитаніе должно содѣйствовать созданію стиля и типа, не разрушая все же при этомъ индивидуальности. Эта цѣль достигалась во всемъ мірѣ только большой сословной и народной культурностью. Весь народъ долженъ создать себѣ идеаль истиннаго мужчины и истинной женщины и стремиться къ этому идеалу. Англія уже много вѣковъ тому назадъ выработала типъ джентльмена и лэди, и это составляетъ для нея воспитательный факторъ по истинѣ незамѣнимой силы и важности. У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ

ничего соответствующаго этимъ англійскимъ понятіямъ. „Аристократъ“ и „аристократка“—это вѣдь только люди, у которыхъ много денегъ, которые занимаютъ высокое положеніе и раньше всего — хорошо одѣваются. Но аристократизмъ самъ по себѣ не можетъ быть образцомъ для сильнаго народа. Для мужчины гораздо больше должно быть цѣлью—рыцарство, которое теперь еще лучше всего воплощаютъ въ себѣ военные; для женщины — материнство. Какъ типъ, мать Гете, но не современная эмансипированная барыня.

Но семья ужъ по тому одному не можетъ достигнуть полнаго успѣха, что юношество большую часть дня проводить въ школѣ. Поэтому здѣсь должна дѣятельно работать школа. Растрепанные волосы и грязные ногти должны суровѣе порицаться, чѣмъ ошибки въ родахъ латинскихъ существительныхъ и въ *consecutio temporum* (послѣ овательности времени). И для того, чтобы приучить учениковъ къ хорошимъ манерамъ и обращенію, обращеніе учителей съ учениками съ своей стороны должно быть вѣжливымъ и даже аристократическимъ.

ГЛАВА XIX.

З а к л ю ч е н і е.

Въ основѣ этого ученія о воспитаніи не лежитъ какая-нибудь опредѣленная система. Оно не присоединено и не подчинено никакому философскому построенію. Оно считается только съ самой природой, съ потребностями отдѣльнаго человѣка и общества, и съ опытомъ. Если же оно, несмотря на все это, вылилось въ нѣчто законченное и цѣльное, то это есть неожиданный результатъ, но результатъ, который говоритъ въ его пользу.

Исходя изъ потребностей дѣтской души, выражающихся различно, смотря по возрасту и отдѣльной личности, исходя изъ родительскаго дома, какъ жизненный клѣткъ, изъ которой создается общество и государство, это ученіе о воспитаніи ведетъ, слѣдуя естественному ходу вещей, къ свободѣ, къ наблюденію и оцѣнкѣ природы, къ собственной дѣятельности въ природѣ; оттуда въ школу и общественную жизнь, гдѣ опять питаютъ и помогаютъ развитію только живыхъ потребностей молодежи, гдѣ ее держать вдали отъ всего чуждаго и мѣшающаго ея развитію. Не задаваясь никакой предвзятой мыслью, мы развиваемъ такимъ образомъ въ молодежи любовное отношеніе къ своей родинѣ, которое переходитъ въ дальнѣйшемъ развитіи въ истинный и правильно понимаемый патріотизмъ. Любовь къ родинѣ сама-по себѣ развивается тамъ, гдѣ свободно развивается жизнь и естественныя стремленія молодежи. Потому что молодежь живетъ

въ своей родинѣ, она сама есть часть родины, всѣ духовные импульсы свои она получаетъ отъ родины. Нужно только отстранять отъ молодежи все чуждое ей, и тогда она будетъ развиваться въ здоровомъ, и именно національномъ, здоровомъ, патріотическомъ духѣ.

Во всемъ этомъ ученіи о воспитаніи нѣтъ ничего искусственнаго, выдуманнаго, ничего навязаннаго молодежи, ничего такого, чего не искала и къ чему не стремилась-бы она сама, по собственному своему побужденію. Все воспитаніе здѣсь является тѣмъ, чѣмъ оно должно быть и по мысли Песталоцци—помощью природѣ. Намъ не нужно развивать въ молодежи какими нибудь спеціальными средствами любовь ко всему отечественному, мы не должны создавать патріотическими пѣснями повышенной любви къ родинѣ. Естественнымъ и само собой разумѣющимся вещамъ не надо учиться. Это воспитаніе свободно отъ всякаго германофильства (тевтоманіи), отъ всякаго шовинизма. Если оно приемлемо также для англичанъ и французовъ—тѣмъ лучше. Оно стремится къ общему человѣческому развитію, и предоставляетъ каждому человѣку развиваться по своему. Подобно тому, какъ безпристрастный наблюдатель природы признаетъ рядомъ съ нѣмецкимъ сосновымъ лѣсомъ и оливковую рощу грековъ равнымъ даромъ природы, и наслаждается ей—такъ и мы выражаемъ всякой чужой культурѣ наше величайшее уваженіе тѣмъ, что признаемъ за нею право свободного развитія. Это не означаетъ сознательнаго огражденія и враждебнаго отстраненія отъ себя чужихъ влияній, это означаетъ только сильное развитіе своего собственного, индивидуальнаго, которое не можетъ быть разрушено въ своемъ существѣ чужимъ влияніемъ, а можетъ только выиграть отъ него. Является сплошнымъ недоразумѣніемъ желаніе приписать намъ враждебное отношеніе къ древнеклассической культурѣ, или къ культурѣ сосѣднихъ намъ странъ. Даже все здоровое и истинное можетъ стать вреднымъ для нашей молодежи, какъ мы видѣли, когда это ей дается не во время. Всякій ростъ долженъ расширяться постепенно, изнутри, отъ центра къ периферіи. Такъ развивается умъ всякаго ребенка въ отдѣльности, такъ развивается культура цѣлаго народа. Если мы избираемъ обратный путь, отъ периферіи къ центру, если мы загромождаемъ умъ молодежи нежеланнымъ, не понятнымъ для нея, чуждымъ и дальнимъ ей матеріаломъ, то это сбиваетъ ее съ толку и лишаетъ почвы въ мысленіи и въ чувствахъ. Наше естественное, согласное съ требованіями природы, воспитаніе—есть воспитаніе, ведущее къ любви къ родинѣ, къ національной жизни. Кто не согласенъ съ этимъ, тотъ пусть укажетъ намъ лучшей, т. е. болѣе согласной съ требованіями природы путь, ведущій къ этой цѣли.

Наше, т. е. предлагаемое нами, воспитаніе имѣло въ виду всю нашу молодежь. Наши среднія школы въ Пруссіи насчитываютъ приблизительно 200.000 учениковъ; наши народныя школы далеко больше 6.000.000. Такимъ образомъ на одного ученика средней школы приходится 30 учениковъ народной школы. Имѣль-ли при этихъ условіяхъ Фридрихъ Паульсенъ право и основаніе выставять, какъ ученье для воспитанія нѣмецкаго юношества, развитіе въ немъ духа строго научнаго изслѣдованія, въ то время, какъ французы обратили свое вниманіе на реторику, англичане на практическое дѣло? Можемъ ли мы при такихъ школьныхъ условіяхъ, говорить еще о воспитаніи поэтовъ и мыслителей? Въ то время, какъ даже изъ числа учениковъ средней школы большая часть избираетъ техническія, торговыя и военныя профессіи? И развѣ воспитаніе во всякой странѣ не должно подготавливать ко всѣмъ выше названнымъ профессіямъ? Наши среднія школы занимаются преимущественно изученіемъ риторическихъ сочиненій древнихъ. Если при этомъ и достигаются скромныя риторическія результаты—то это во всякомъ случаѣ противъ желаній и ожиданій.

Всякое воспитаніе, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе, должно быть воспитаніемъ воли, и слѣдовательно воспитаніемъ способности дѣйствовать, работать. И въ такомъ смыслѣ и дѣйствуетъ нѣмецкое воспитаніе, которому мы обязаны рабочею арміею и подъемомъ торговой и промышленной жизни Германіи. Но Паульсенъ, какъ и большинство нашихъ педагоговъ вплоть до нашихъ дней, безсознательно имѣлъ въ виду только маленькое государство ученыхъ. Какъ профессоръ университета, онъ работалъ особенно для будущихъ профессоровъ университета. Проблема, какъ связать между собой среднюю и высшую школу, заполняла послѣдніе годы его жизни. Но мы эту проблему признаемъ вопросомъ меньшаго и ограниченнаго значенія. Мы имѣемъ въ виду, какъ, кажется, убѣдительно доказали всей нашей книгой—дѣйствительно народное воспитаніе, и поэтому можемъ не обращать вниманія на споры о различныхъ видахъ школы и на стремленія различныхъ школьныхъ теоретиковъ.

Мы не думаемъ, что новая культура будетъ подаркомъ, даннымъ сверху народу учеными или начальствомъ. Мы надѣемся, что она придетъ тогда, когда весь народъ достигнетъ признанія всѣхъ своихъ человѣческихъ правъ и самостоятельности. Только новый переворотъ, который охватитъ весь нашъ народъ, долженъ и можетъ превратить наши желанія въ дѣйствительность. Время для этого настало. При правильномъ воспитаніи—но только тогда!—новыя поколѣнія создадутъ себѣ и своему народу новое царство!